

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Вахрушев Александр Алексеевич

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ МИССИЯ
ПЕЧАТИ И ЛИТЕРАТУРЫ
В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ
XVII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ)**

Специальность 10. 01. 10 – журналистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор Г. В. Жирков

Санкт-Петербург

2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ТРАДИЦИЙ В ВЯТСКОМ КРАЕ (XVII – НАЧ. XIX ВВ.)	22
1.1. Агиографическое начало в культурно-историческом становлении вятского края	23
1.2. Вятская духовная семинария. Вятские стихотворцы XVIII века	30
1.3. Просвещение и культура в Вятской губернии в начале XIX века	40
1.3.1. Народное образование	41
1.3.2. Литература и искусство	45
1.3.3. «Хлыновский наблюдатель» – первенец вятской журналистики	49
ГЛАВА II. ВЯТСКАЯ КНИЖНОСТЬ. ЭВОЛЮЦИЯ ТИПОГРАФСКОГО, КНИЖНОГО И БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА	59
2.1. Возникновение типографского и издательского дела в губернии	61
2.2. Издательская деятельность земств и других учреждений	65
2.3. Издательская деятельность Ф. Ф. Павленкова в период вятской ссылки	82
2.4. «Вятское книгоиздательское товарищество»	94
2.5. Культурное наследие вятских старообрядцев	96
2.6. Библиотеки как очаги культуры и просвещения	101
ГЛАВА III. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС КАК НОВАЯ БАЗА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОВИНЦИИ (XIX – НАЧ. XX ВВ.)	123
3.1. Пореформенная печать: начальный период	125
3.2. «Вятские губернские ведомости» – первая официальная газета	129

3.3.	«Вятские епархиальные ведомости»	150
3.4.	«Вятская газета» – первая российская крестьянская газета . . .	155
3.5.	«Вятский край» – первая общественно-политическая частная газета	177
3.6.	Вятская печать в годы первой русской революции	188
3.6.1.	«Вятская жизнь» и «Вятский край» – либерально- демократические издания	190
3.6.2.	Печать социалистической ориентации	198
3.6.3.	Проправительственные и другие издания	211
ГЛАВА IV. ИСТОКИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕЧАТИ И ЛИТЕРАТУРЫ НА УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ		225
4.1.	Удмурты в отражении дореволюционной печати	226
4.2.	Возникновение печати на удмуртском языке	230
4.2.1.	Возникновение удмуртской письменности	232
4.3.	Начало книгоиздательской деятельности на удмуртском языке	234
4.3.1.	Роль переводов религиозных текстов в формировании удмуртской печати и литературы	235
4.3.2.	Учебно-методическая литература для удмуртов	238
4.4.	Становление удмуртской национальной школы	243
4.5.	Начало национального журналистского и литературного процесса	255
4.5.1.	Формирование удмуртской печати и литературы в 1905–1907 гг .	263
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		273
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК		282

ВВЕДЕНИЕ

История российской журналистики – объемный пласт истории общей культуры и общественного движения, в котором заложен непреходящий опыт многих поколений в становлении и развитии прогрессивных, гуманистических начал человеческого общежития, просветительских, культурных, литературных и публицистических традиций. Уникальный вклад в этот опыт внесла и провинциальная журналистика, обогатившая его местными особенностями функционирования литературы и печати.

И в начале XXI века, когда общество находится под натиском мощнейших, не однозначных по содержанию информационных потоков, востребованность в изучении практики журналистского творческого прошлого не ослабевает, а возрастает. Активизация историко-журналистской науки, охватывает или стремится охватить как всю ее совокупность, так и отдельные проблемы и периоды. В последнее время в этой области вышли в свет монографии Е. В. Ахмадулина, Л. П. Громовой, Б. И. Есина, Г. В. Жиркова, Д. Д. Ивлева, М. М. Ковалевой, А. А. Роот, А. И. Станько, Л. Е. Татариновой и других, отличающиеся полнотой исследовательского анализа и отсутствием идеологических пристрастий [1]. Список авторов можно продолжить. Особенно стимулировала научно-исследовательские изыскания знаменательная дата 2003 года – 300-летие русской периодической печати.

В ряду перспективных, столь же активно разрабатываемых направлений выделяются исследования провинциальной журналистики, чему способствуют центры изучения средств массовой информации, появившиеся в последнее время практически во всех регионах страны в связи с организацией отделений и факультетов журналистики, а также с тенденцией к регионализации СМИ.

Актуальность исследования провинциальной российской журналистики более чем очевидна. Изучение всех ее исторических этапов, всех аспектов ее многофункциональной деятельности позволяет представить полную картину всей системы журналистики, уточнить многие ее стороны ее становления и развития. Местная печать также дает интересный материал по принципиальным вопросам, касающимся различных этапов развития России.

Интерес к изучению провинциальной журналистики России повысился с 1970-х гг. и зафиксирован, в частности, в первых подобного рода исследованиях Г. В. Антюхина, Х. С. Булацева, Л. П. Бурмистровой и других авторов [2]. Г. В. Антюхин, в частности, обратил внимание на то, что представление о русской журналистике (в данном случае, досоветского периода. – А. В.), основанное на изучении лишь центральных изданий, страдает не только неполнотой, но и в какой-то мере неточностью ее общей оценки. Х. С. Булацев призвал всерьез заняться систематическим изучением и периферийной (провинциальной) прессы [3].

С тех пор история журналистики России изучается продуктивно и разносторонне. Создана история печати Дона и Северного Кавказа, Сибири и Урала, Поволжья, Якутии и Дальнего Востока и др. [4]. Исследовательская база провинциальной журналистики дореволюционного периода разных регионов пополнилась в последнее десятилетие работами А. И. Кондратенко, Л. Е. Кройчика и Ю. Л. Мандрики, Е. В. Курбаковой, О. И. Лепилкиной, В. В. Пугачева, А. П. Шинкаревой, Н. В. Жилияковой, В. В. Шевцова и др. [5]. Следует выделить последнюю монографию О. И. Лепилкиной «Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.), вышедшую в Москве в 2010 году. В ней автор создает целостную картину формирования в Российской империи системы провинциальной периодической печати и ее структурно-типологической трансформации в соотношении со столичной прессой; так же дает наиболее полную библиографию исследований провинциальной журналистики.

Среди перспективных исследований оказался и вопрос о роли периодики в становлении литературного процесса в провинции, о генезисе их взаимовлияния. Впервые эта тема нашла отражение в конце 1960-х – нач. 70-х гг. в научных сборниках «Русская литература конца XIX – начала XX в.» [6], а также в ряде трудов, посвященных анализу проблем журналистики и литературного процесса в целом [7].

С появлением этих коллективных монографий стало очевидно, что нельзя игнорировать роль периодической печати в литературном процессе России. Так, ученые Башкирского пединститута издали три сборника научных статей под общим названием «Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX в.», где акцентирована важность этой проблемы и подчеркивается «стыковой» характер взаимодействия журналистики и литературы [8]. Рассмотрение темы в таком ракурсе дает возможность изучить литературное движение во всей его противоречивости и полноте.

В 1987 году Д. В. Ковалем впервые в СССР была защищена докторская диссертация, посвященная взаимодействию периодической печати и литературного процесса в Молдавии, и издана монография, исследующая основные этапы развития молдавской демократической журналистики XIX века во взаимосвязи с эволюцией прозы, поэзии и литературной критики Молдавского княжества и Бессарабии; показано, как периодическая печать постепенно становится идеологической силой и стимулятором общественно-политических и эстетических идей, влияющих на литераторов Молдавии [9].

Теме провинциальной печати России и ее значению в зарождении национальных литератур народов бывшей Российской империи на материале Осетии посвящена докторская диссертация В. Д. Таказова, убедительно показавшего роль периодики в создании национальной литературной традиции [10]. Провинциальная периодика явилась источником для изучения литературной жизни Верхневолжья (Ярославской и Костромской областей) в кандидатской диссертации Л. Л. Смирновой [11].

В итоге проведенных исследований представление о местной периодической печати как органичного звена историко-литературного процесса своего времени стало очевидным. Без включения провинциальной периодической печати в контекст развития русской литературы прошлого подлинное понимание ее особенностей и значения является затруднительным. Выявление связи местной печати и литературы с историко-литературным процессом России позволяет уточнить, насколько провинция и центры страны питают друг друга и влияют взаимно друг на друга.

Изучение истории журналистики в контексте общей культуры, на стыке ее взаимодействия с литературой дает возможность изучить литературное движение, журналистский творческий процесс во всей полноте, получить представление о просветительской роли прессы в обществе.

Важно при этом подчеркнуть: процесс становления и развития литературы и печати как в столицах, так и на местах, одновременно отражал их просветительскую миссию. Просветительская функция журналистики фактически – одна из основных. Всеобщность и универсальность ее заключается в просвещении населения в самом широком смысле слова. Разным граням и проявлениям этой функции посвящены научные сборники, подготовленные в последние годы кафедрой истории журналистики С.-Петербургского госуниверситета «Журналистика – Церковь – Просвещение», «Просветительская миссия журналистики: К 300-летию русской печати», серия выпусков «Мастерская публициста: опыт прошлого и настоящего» [12].

Для современной практики СМИ особенно актуально то, что большая часть литераторов и журналистов прошлого считали нравственное воспитание аудитории и ее просвещение своей основной задачей.

Все это в полной мере относится и к истории журналистики и литературы Вятской губернии, которая по праву всегда считалась одной из самых «литературных провинций» России. С Вяткой и вятским краем связаны десятки имен известных писателей, поэтов, критиков, публицистов, издателей: Е. И.

Костров и А. И. Попов, А. И. Герцен и М. Е. Салтыков-Щедрин, И. В. Селиванов и Н. А. Дурова, П. Л. Яковлев и Ф. Ф. Павленков, В. Г. Короленко и В. Е. Чешихин-Ветринский, М. И. Ожегов и П. А. Голубев, В. В. Воровский и А. С. Грин и множество других. Здесь зародилось уникальное издание «Вятская незабудка» Ф. Ф. Павленкова, возникло незаурядное демократическое «Вятское книгоиздательское товарищество», выпустившее множество дешевых книг для народа; появился сатирический «Крутогорский ёрш» П. Н. Второва. Все эти имена причастны к истории вятской печати, сыгравшей значительную роль в общественной и культурной жизни не только губернии, но и России.

Объект, предмет, цель и задачи исследования.

Объектом нашего исследования стала печатная и рукописная литература, периодические и непериодические издания (газеты и журналы, листовки, сборники и книги), а также книгоиздательское и библиотечное дело, народное образование в Вятском крае в обозначенный период. Только периодических изданий разного характера насчитывалось в крае в дореволюционный период более 30 наименований. Большую роль в просветительском и литературном развитии региона сыграли «Вятские губернские ведомости» (1838–1917 гг.). Значительное место в просветительской и литературной жизни губернии занимала первая в России крестьянская «Вятская газета» (1894 – 1907 гг.). Оригинальны во многих отношениях были прогрессивные газеты «Вятский край» (1895 – 1898 гг.), «Вятская жизнь» (1905 – 1906 гг.), «Прикамский край» (1906 – 1911 гг.), «Вятская речь» (1907 – 1917 гг.) и др. На высоком уровне было поставлено книгоиздательское дело. Провинциальная русская журналистика, в частности, вятская, послужила мощной базой для возникновения и развития национальных журналистик и литератур (в данном случае, удмуртской).

Предметом исследования является процесс становления и развития печати и литературы в провинциальной России, генезис их взаимодействия на примере Вятской губернии XVII – начала XX вв. в контексте общей культуры и просветительского движения.

Разумеется, не представляется возможным охватить все факты, имена и явления, связанные с многообразной журналистской и литературной жизнью Вятской губернии. Систематизация и обобщение комплекса материалов, стремление полнее представить многогранность, преемственность и глубину отечественной культуры и публицистики – были первоочередными ориентирами в исследовательской работе.

Основная **цель** настоящей диссертации – исследование особенностей и закономерностей местной журналистики и литературы в системе дореволюционной провинциальной печати России, изучение опыта просветительского движения, многих его аспектов, проявившихся через журналистский творческий процесс на примере Вятской губернии.

Для достижения основной цели диссертации автор ставит следующие **задачи**:

- проанализировать истоки зарождения местной периодической печати, формирование просветительских, литературных и публицистических традиций в Вятской губернии;
- раскрыть процесс становления и развития литературы и печати, их просветительскую миссию в провинциальной России;
- исследовать воздействие губернской администрации, цензуры и органов полиции на литературный процесс и местную печать;
- показать роль книги и книгоиздательской деятельности в просвещении народа на региональном уровне; эволюцию типографского и библиотечного дела;
- показать роль печати в развитии культурных и литературных традиций, общественного прогресса;
- рассмотреть начало журналистского и литературного процесса на удмуртском языке и его особенности;
- изучить деятельность редакторов и сотрудников местной периодики, участие в ней деятелей российской культуры, показать их журналистское мастерство.

Теоретико-методологическую основу диссертации составляют современные историко-журналистские концепции, нашедшие воплощение в трудах Е. В. Ахмадулина, А. Ф. Бережного, Л. П. Громовой, Б. И. Есина, Г. В. Жиркова, А. И. Станько, Л. Е. Татариновой, В. В. Ученовой и других, а так же литературоведческие работы авторитетных ученых. Концептуальное значение для обоснования изложенных положений имели труды литературоведов, историков литературы и журналистики, посвященные исследованию вопросам взаимосвязей и взаимообогащения литературы, публицистики и журналистики. Важным шагом в этом направлении был выход монографии В. Б. Смирнова «Журналистика и литература. Методологические и историко-литературные проблемы» [13], в которой рассматриваются проблемы комплексного историко-литературного изучения отечественной журналистики: писатель в журнале, литературная школа в журнале, журнальная поэзия, писатель в оценке периодического издания, литературно-художественное произведение в журнальном контексте, читательская аудитория периодического издания и др. В. Б. Смирнов справедливо полагает, что историки журналистики впадают в крайность и односторонность, когда направляют свои усилия исключительно на выявление специфических качеств, обособляющих журналистику от других видов литературной, общественной деятельности. Вместо «обособления» предлагается комплексное изучение литературно-журнальных явлений. На этой основе возникает новый тип исследования, обеспечивающий всестороннее системное научное освоение материала в единстве историко-литературного и историко-журналистского анализа. Взгляд на историю литературы сквозь призму журналистики и на журналистику сквозь историю литературы существенно обогащает как литературоведение, так и историю журналистики [14].

В основу диссертационного исследования положены принципы историзма, объективности и системного подхода. Анализ местной периодики и литературы на основе этих принципов предполагает познание ее главных явлений в процессе их возникновения и развития от одного исторического этапа

к другому, а также их взаимообусловленности. Методы исследования определены его целью, задачами и спецификой материала. Это прежде всего общенаучные методы – системный, историко-сравнительный, анализ и синтез полученных результатов. При изучении периодики активно применялся контент-анализ.

Хронологические рамки исследования охватывают XVII – начало XX века. Складывание культурных и литературных традиций в Вятском крае возникает в XVII веке в контексте общелитературной российской словесности («Вятский временник», «Повесть о стране вятской», «Летописец старых лет»); целенаправленная духовно-просветительская деятельность начинается с организацией в 1658 году Вятской и Великопермской епархии.

В основу хронологии поставлены значительные факты истории, послужившие толчком для становления и развития местной печати и литературы. Более детальное изучение предмета начинается с 1838 года, когда местная газета, как регулярное периодическое издание, становится фактом, и ведется до 1907 года. После поражения революции 1905 – 1907 гг. в стране сложились новые условия для развития журналистики, в которых огромную роль играл процесс капитализации, образование свободного рынка информации. Это требует иного подхода к изучению журналистики.

Местная периодика как система и местная литература со вступлением России в эпоху капитализма приобретают отчетливые типологические и художественные признаки, становятся активным проводником просвещения и культуры среди самых широких слоев общества. К началу XX века социальная, культурная жизнь региона, как и во всей России, активизируется, находит яркое выражение в журналистском творческом процессе, захватывая все большую аудиторию и отражая широкий спектр взглядов и мнений.

Научная новизна работы. Представленная тема – одна из первых попыток комплексного изучения местной печати и литературы а) в контексте их взаимовлияния на фоне всей истории российской журналистики, б) в их

просветительском аспекте, в) в рассмотрении взаимосвязи формирования национальной журналистики и литературного процесса.

Новизна работы определяется также введением в научный оборот большого, ранее неизвестного или малоизвестного фактического материала, представлением уникального опыта журналистской, литературной и издательской деятельности демократической интеллигенции.

В новом свете показано место отдельных изданий, деятелей литературы и публицистики, расставлены соответствующие акценты, позволяющие по-новому взглянуть на эволюцию провинциальной журналистики России.

Научную новизну диссертации определяет и взгляд на предмет исследования в контексте развития всей российской журналистики, что позволяет яснее представить закономерности развития местной печати и литературы.

Комплексное изучение провинциальной журналистики и литературы и выявление их просветительской миссии позволяет полнее понять многие проблемы современного общества.

Источниковая база диссертации и историография вопроса. Для осмысления и объективного изучения концепции диссертации послужили источники, находящиеся в различных архивах, в том числе в Государственном архиве Кировской области (ГАКО), Государственном казенном учреждении «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» (ГКУ «ЦГА УР»), Российском Государственном историческом архиве в С.-Петербурге (РГИА); в фондах Российской национальной библиотеки, Библиотеки Российской Академии наук (С.-Петербург) и др. Источниковую базу диссертации составили как неопубликованные, так и опубликованные документы. Весь комплекс источников, привлеченных для работы, можно разделить на три вида.

Во-первых, это делопроизводственная архивная документация, к которой относятся судебнo-следственный материал, деловая переписка и т. п. Данный материал дает представление о политике местной администрации по

отношению к прессе. В нем так же содержится информация о составе редакции некоторых газет и общественно-политических взглядах их сотрудников. Делопроизводственная переписка, связанная с процессом регистрации либо приостановки того или иного издания, позволяет получить данные об официальных программах вятских газет, их издателях и редакторах, дополняет сведения о политике власти в области печати, о цензурных условиях, в которых она выходила. Важные сведения по истории создания отдельных изданий, о творческих и личностных оценках тех или иных журналистов, об отношении цензуры с издателями и т. п. представляют фонды 33, 242, 582 (ГАКО), 349 (ГКУ «ЦГА УР»), 776 (РГИА) и др. Достаточно много фактов о взаимоотношениях вятской периодики и отделения Канцелярии Главного управления по делам печати, губернской администрации содержится в архивах фонда 776 (РГИА): об издании газет «Вятские губернские ведомости» (Оп. 4. Ед. хр. 74), «Вятская газета» (Оп. 12. Ед. хр. 67), «Вятский край» (Оп. 12. Ед. хр. 73), «Крестьянская весть» (Оп. 21. Ед. хр. 326) и др. Некоторые описи содержат, кроме того, характеристику отделов тех или иных газет, о судебных преследованиях редакторов и т. д. Все это позволяет реконструировать историческую картину функционирования местной печати.

В качестве второго вида источников выделяются материалы периодической печати. Этот источник является основным для выявления общественно-политической направленности, проблематики изданий, их просветительской миссии и изучения становления и эволюции литературного процесса в губернии, а также «характера» эпохи.

Для всестороннего осмысления процесса становления и развития литературы и печати в регионе привлечен третий вид источников: литературные и краеведческие сборники, историко-этнографические очерки, эпистолярная литература, статистические справочники, воспоминания, продукция местных типографий обозначенного периода исследования. Источники всех перечисленных видов в их совокупности позволяют воссоздать

достаточно объективную картину развития печати и литературы вятского региона.

В разработку вопросов истории литературы и печати Вятской губернии заметный вклад внесли кировские историки и литературоведы В. А. Бердинских, Н. П. Изергина, Е. Д. Петряев, В. Д. Сергеев, Г. Ф. Чудова и некоторые другие [15]. В трудах этих авторов создана довольно полная картина вятского краеведения и литературной жизни преимущественно с первой половины XIX до начала XX века. На основе различных, ранее неизвестных документальных и литературных источников в них рассказывается, как в далекой провинции накапливались книжные богатства, открывались библиотеки, зарождалась и развивалась местная литература. Контурно, исследуя литературный пласт региона, вятские авторы так или иначе затрагивают и газетно-журнальный пласт, ибо развитие литературы было неотделимо от развития периодики. Однако в этих и других работах, в том числе статьях и заметках, не нашли полного отражения многие вопросы, затрагивающие концептуальную проблему взаимодействия печати и литературы и их просветительской миссии, слабо отражена эволюция журналистского творческого процесса, причем обычно она представлена в отрыве от общероссийской печати.

Ценные сведения о литературной и публицистической жизни края содержатся в различных краеведческих и научно-популярных изданиях и справочниках [16]. Полную библиографию о Вятке и крае можно найти в изданном в 1997 г. Указателе литературы [17]. Первое специальное исследование печати Вятской губернии как комплексное ее изучение было предпринято нами в монографии «Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века) [18]. Существующий массив исследований позволяет ставить сегодня новые проблемы и разрабатывать методы их анализа.

Теоретическая значимость диссертации заключается в постановке проблемы, связанной с исследованием просветительской миссии печати

и литературы в процессе их взаимодействия на примере Вятской губернии. Выявлены и раскрыты процессы формирования и эволюции культурных, просветительских и литературно-издательских традиций в провинциальной России на фоне отдельно взятого региона. Расширены границы знания об особенностях функционирования местной периодики как составной части общероссийской печати. Теоретическую значимость определяет и единство историко-литературного и историко-журналистского анализа.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Процесс становления и развития местной печати и литературы находится в зависимости от экономических и социально-политических условий в регионе, уровня грамотности населения, его информационных потребностей, кадрового творческого потенциала, материально-технической базы, влияния административно-цензурного аппарата.
2. Формирование просветительских, литературных и публицистических традиций происходит во взаимосвязи книгоиздательской деятельности, типографского и библиотечного дела, народного образования.
3. Взаимодействие и взаимовлияние периодической печати и литературы – органическое состояние функционирования двух областей единого информационно-культурного социума.
4. Печать и литература постепенно становятся идеологической силой и стимулятором общественно-политических и эстетических идей. Со второй половины XIX века журналистика становится главной составляющей в литературно-творческом процессе провинции, базой просветительской деятельности.
5. Изменение общественно-политической жизни России в начале XX века в связи с революцией 1905 – 1907 гг. вызвало процессы политической дифференциации вятской печати, изменило типологическую и содержательную структуру информационного поля.
6. Журналистский творческий процесс проявлялся в разных идейно-политических, содержательных параметрах. Но характер этого процесса был

обусловлен преимущественно просветительскими устремлениями в среде демократической интеллигенции, стремлением воздействовать на читателя путем пропаганды гуманистических идеалов.

7. Развитие русской журналистики и литературы в регионе способствовало зарождению и формированию национально-этнических журналистик и литератур, в частности, удмуртской, на формирование которой первоначально сильное влияние оказала миссионерская, духовно-просветительская деятельность РПЦ.

Практическое значение диссертации состоит в том, что привлеченный материал представляет интерес для анализа истории провинциальной печати России в целом; он углубляет знания об эволюции журналистского творческого процесса на примере конкретного региона. Диссертация существенно расширяет границы исследований по проблемам местной печати и литературы.

Результаты исследования могут быть использованы (и уже используются) в лекционных курсах, семинарских занятиях по истории российской и региональной журналистики, мастерских студиях. Анализ источников, к которым ранее исследователи не обращались (например, собственно газетных публикаций), позволит расширить программы курсов по источниковедению и регионоведению. Исследование опыта журналистской практики позволяет восстановить традиции местной вятской журналистики. Оно, несомненно, имеет и важное значение для патриотического воспитания.

Диссертация представляет интерес и для литературоведов, культурологов, историков, всех, кто интересуется развитием культуры, журналистики, литературы данного региона и России в целом.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации изложены автором в монографии, учебном и учебно-методическом пособиях, в опубликованных научных статьях (13 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК) и тезисах. Материалы исследования используются в лекционном курсе «История отечественной журналистики XVIII – XIX вв.».

в спецкурсе «История региональной журналистики», читаемых на факультете журналистики Удмуртского государственного университета.

В ходе работы над диссертацией промежуточные результаты обсуждались на заседаниях кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы и выводы диссертации излагались в выступлениях на Международной конференции финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2005 г.), научно-практических конференциях в С.-Петербургском, Московском, Казанском, Мордовском, Удмуртском государственных университетах; вошли в энциклопедию «Удмуртская республика» (Ижевск, 2000 г., 2008 г. – 2-е изд.) и т. д.

Проект темы, выдвинутый под названием «Процесс становления и развития литературы и печати в провинциальной России и их просветительская миссия (на примере Вятской губернии XVII – начала XX века)» был поддержан РГНФ в 2006 году (№ 06-04-80404а/У).

Второй проект, являющийся продолжением этой темы – «Формирование и развитие просветительских традиций в провинциальной России (на примере Вятской губернии XVII – начала XX вв.)» – поддержан РГНФ в 2013 году (№13-14-18002).

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка.

Примечания

1. Ахмадулин Е. В. Правительственная печать России (конец XIX – февраль 1917 г.). – Ростов-на-Дону, 2000; Бережной А. Ф. История отечественной журналистики (конец XIX – начало XX в.): Материалы и документы. – СПб., 1997; Громова Л. П. А. А. Краевский – редактор и издатель. – СПб., 2001; Есин Б. И. История русской журналистики (1703 – 1917). – М., 2000; Он же. История русской журналистики XIX века, 2-е изд. – М., 2003; Жирков Г. В. История цензуры в России XIX – XX вв. – М., 2001; Он же.

- Эпоха Петра Великого – основание русской журналистики. – СПб., 2003; Он же. Золотой век журналистики России: история русской журналистики 1900 – 1914 годов. – СПб., 2011; Ивлев Д. Д. История русской журналистики XVIII – нач. XX в. – М., 2004; История русской журналистики XVIII – XIX веков / Под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003, 2005; Кашеваров А. Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: Очерки истории. – СПб., 2004; Ковалева М. М. Отечественная журналистика: вопросы теории и истории. – Екатеринбург, 2000; Роот А. А. Герцен и традиции Вольной русской прессы. – Казань, 2001; Станько А. И. Становление теоретических знаний о периодической печати в России (XVIII в. – 60-е гг. XIX в.). – Ростов-на-Дону, 1986; Татарина Л. Е. Русская литература и журналистика XVIII века. – М., 2001; и др.
2. Антюхин Г. В. Очерки истории печати Воронежского края. 1798 – 1917. – Воронеж, 1973; Булацев Х. С. Пионеры провинциальной печати: Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX века. – Л., 1981; Бурмистрова Л. П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей. – Казань, 1985.
 3. Антюхин Г. В. Указ соч. – С. 5; Булацев Х. С. Революционное движение в России второй половины XIX – начала XX в. и местная демократическая печать. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Л., 1982. – С. 3.
 4. Амирханов Р. У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток – Запад»: На примере развития русской культуры. – Казань, 2002; Антюхин Г. В. Печатное слово России. – Воронеж, 1993; Ахмадулин Е. В., Яровой И. В. Печать Дона в годы первой русской революции. – Ростов-на-Дону, 1985; Вахрушев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века). – Ижевск, 1994; Гайнуллин М. Х. Татарская литература и публицистика начала XX в. – Казань, 1983; Данилов А. П., Тенюшев И. Я. Зарождение, развитие публицистики и журналистики в Чувашии. – Чебоксары, 1999; Ермолинский Л. Л. Сибирские газеты 70 – 80-х годов XIX в. – М., 1971; Кондратьев Н. И. Начало журнальной прессы

в Восточной Сибири (1885 – 1905). – Иркутск, 1985; Корнилов Е. А. Советская печать Дона и Северного Кавказа. 1917 – 1925. Историческая типология. – Ростов-на-Дону, 1984; Павлов В. А. Очерки истории журналистики Урала: В 2 т. – Екатеринбург, 1995; Потапов П. Ф. История мордовской журналистики (1917 – 1934). – Саранск, 1994; Прудкогляд Т. В. Листая пожелтевшие страницы... К истории периодической печати Дальнего Востока России. 1865 – 1917. – Владивосток, 2000; Сквирская Л. М. Краткий очерк истории журналистики на Дальнем Востоке в XIX – начала XX в. – Владивосток, 1971; Станько А. И. Журналистика Дона и Северного Кавказа: (Дооктябрьский период). – Ростов-на-Дону, 1990; Он же. Пресса южного региона России (XIX в.). – Краснодар, 1998; Таказов В. Д. Периодическая печать Осетии. Дооктябрьский период. – Владикавказ, 1992; Якимов О. Д. Очерки истории печати Якутии (от формирования предпосылок для возникновения печати до Февраля 1917 года): Вып. 1. – М., 1998, Вып 2. – Новосибирск, 2003; и др.

5. Кондратенко А. И. Очерки истории периодической печати Орловской губернии (1816 – 1928). – Орел, 2002; Курбакова Е. В. История казанской и нижегородской прессы 1811 – 1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. – Нижний Новгород, 2008; Лепилкина О. И. История ставропольской журналистики: Учебное пособие и хрестоматия. – Часть I. XIX – начало XX вв. (дооктябрьский период). – Ставрополь, 2005; Она же: Становление системы периодической печати на Ставрополье в XIX – начале XX вв. – Ставрополь, 2010; Она же: Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.). – М., 2010; Пугачев В. В. Уфимская книжность. – Уфа, 2003; Российская провинциальная частная газета: (Сб. статей) / Сост. Л. Е. Кройчик, под ред. Л. Е. Кройчика и Ю. Л. Мандрики. – Тюмень, 2004; Шинкарева А. П. Очерки истории издательского дела и печати Иркутска (1785 – 1920). – Иркутск, 2009; Жиликова Н. В. Журналистика Томска (XIX – начало XX века): Становление и развитие. – Томск, 2011; Шевцов В. В. Томские

- губернские ведомости (1857 – 1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. – Томск, 2012; и др.
6. Русская литература конца XIX – начала XX в.: В 3-х кн. / Отв. ред. Б. А. Бялик. Кн. 1. – М., 1968; Кн. 2. – М., 1970; Кн. 3. – М., 1972.
 7. Литературно-эстетические концепции России конца XIX – начала XX в. / Отв. ред. Б. А. Бялик. – М., 1975; Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в. 1890 – 1904. Социал-демократические и общедемократические издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. – М., 1981; Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в. 1890 – 1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. – М., 1982; Русская литература и журналистика. 1905 – 1917 гг. Большевистские и общедемократические издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. – М., 1984; Русская литература и журналистика. 1905 – 1917 гг. Буржуазно-модернистские издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. – М., 1984.
 8. Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX – начала XX вв. / Отв. ред. В. Б. Смирнов. Вып. 1. – Пермь, 1977; Вып. 2. – Пермь, 1978; Вып. 3. – Пермь, 1980.
 9. Коваль Д. В. Периодическая печать и молдавский литературный процесс XIX века. – Кишинев, 1987.
 10. Таказов В. Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (вторая половина XIX – начало XX в.). Автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. – СПб., 1998.
 11. Смирнова Л. Л. Провинциальная периодика как источник материала для изучения литературной жизни Верхневолжья в XIX в. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Череповец, 1996.
 12. Журналистика – Церковь – Просвещение: Сб. статей. Вып. 2 / Под ред. Г. В. Жиркова. – С.-Петербург: С.-Петербургский ун-т, 2002; Просветительская миссия журналистики: К 300-летию русской печати: Сб. статей. Вып. 3 / Под ред. Г. В. Жиркова. – С.-Петербург: С.-Петербургский

- ун-т, 2004; Мастерская публициста: опыт прошлого и настоящего / Под ред. Г. В. Жиркова. – С.-Петербург: С.-Петербургский ун-т, 2005, 2007, 2009.
13. Смирнов В. Б. Журналистика и литература. Методологические и историко-литературные проблемы. – Волгоград, 2005.
 14. Там же. – С. 7.
 15. Бердинских В. А. Ермил Костров. Судьба поэта. – Киров, 1989; Он же. Занимательное краеведение: Вятский сундук. – Киров, 1991; Изергина Н. П. Литературная жизнь Вятки (1870 – 1917 гг.): Литературно-краеведческие очерки. – Киров, 1990; Петряев Е. Д. Люди, рукописи, книги: Литературные находки. – Киров, 1970; Он же. Записки книголюба. – Киров, 1978; Он же. Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. – 2-е изд., доп. – Киров, 1981; Он же. Вятские книголюбы. – Киров, 1986; Сергеев В. Д. Поборники просветительского служения: Из истории Вятки. – Вятка (Киров), 2000; Он же. Из истории вятских газет. 1838 – 1917. – Вятка (Киров), 2002; Чудова Г. Ф. В те далекие годы. – Киров, 1981.
 16. См. например: Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы республиканской IV научн.-практ. конф. (К 100-летию со дня рождения проф. А. В. Эммаусского). – Киров, 1999; Город Киров: Справочник / Сост. Н. Г. Комаров. – Киров, 1959; История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): Тез. докл. и сообщ. к межрег. научн. конф. – Киров, 1994; Писатели и Вятский край / Отв. ред. И. А. Мохирев. – Киров, 1976; Эммаусский А. В. История города Кирова: Краткий очерк. 1374 – 1974. – Киров, 1974; Энциклопедия земли Вятской: Откуда мы родом?: В 10 т. – Киров, 1994 – 1996. Т. 2, 4, 9; и др.
 17. Вятка – Киров. 1374 – 1997: Указатель литературы / Сост. Т. В. Кузьмина. – Киров, 1999.
 18. Вахрушев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века). – Ижевск, 1994.

ГЛАВА I. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ТРАДИЦИЙ В ВЯТСКОМ КРАЕ (XVII – НАЧ. XIX ВВ.)

Крупнейший исследователь российской древности академик Д. С. Лихачев в свое время с огорчением заметил: «У России, как у большого дерева, большая корневая система и большая листовенная крона, соприкасающаяся с кронами других деревьев. Мы не знаем о себе самых простых вещей. И не думаем об этих простых вещах» [1]. Эти слова Дмитрия Сергеевича соотносимы к любой области материальной и духовной жизни нашего общества. Конкретно они справедливы и по отношению литературы, журналистики, культуры в целом. Принцип историзма требует всестороннего изучения любого явления, выявления его закономерностей рождения, становления и развития. У любого предмета исследования есть первоисточки, свой «смысл» появления. И во что трансформируется этот «смысл» в дальнейшем – необходимо проследить на фоне всех его составляющих.

Дореволюционная культура Вятской губернии, печатное наследие этого по-своему уникального региона – неисчерпаемый объект для исследователей прошлого. Богатой историей отличается её письменная словесность с её духовными корнями. Складывание и развитие культурных и литературных традиций в губернии, наряду с общероссийскими, имеет свой, «вятский» характер, обусловленный спецификой региона. У этого характера своя «генетика», своя «физиономия», своя «биография».

СПРАВКА:

Вятская губерния, расположенная на востоке Европейской части России, занимала обширную площадь, равную 143,8 тыс. кв. км. В ее состав входили территории нынешней Кировской области и Удмуртии, а также части Марий Эл и Татарстана. В губернии было 11 уездов и 12 городов.

В дореформенный период она была в полном смысле слова крестьянской. Крестьяне составляли свыше 92 процентов населения губернии. Основная масса сельских жителей была представлена государственными, удельными и ведомственными крестьянами. «Вятская губерния, – писала местная газета «Вятский край» 2 марта 1892 года, – почти не знала крепостного права и имеет ничтожное частновладельческое хозяйство, местного дворянства в ней нет, а преобладающее население состоит из бывших государственных крестьян».

По национальному составу население губернии было неоднородным: 78 процентов его составляли русские, а 22 – представители 20 других национальностей, главным образом удмурты (вотяки), марийцы (черемисы), татары [2].

1.1. Агиографическое начало в культурно-историческом становлении вятского края

С 1489 года Хлынов (первоначальное название г. Вятки, до 1781 года. – А. В.) вместе с другими городами Вятской земли (Орловом и Котельничем) вошел в состав Русского централизованного государства. История города, как указывают исторические исследования, берет начало с 1374 года, когда его основали новгородские ушкуйники. Кстати сказать, Вятское наместничество было учреждено в 1780 году, которое в 1796 году преобразовано в губернию. После окончательного присоединения к Москве Хлынов стал развиваться гораздо быстрее и в XVI веке уже был самым крупным городом на северо-востоке тогдашней России. В нем росло ремесленное производство,

расширялась торговля. Через Хлынов пролегали торговые пути в Поморье, Поволжье, Урал и Сибирь. Были установлены торгово-экономические связи с Москвой, Нижним Новгородом, Вологдой, Архангельском, Казанью, Соликамском, Тобольском и другими городами [3].

Государствообразующим началом российских земель являлась Русская Православная церковь. Ее идеология на протяжении многих веков была господствующей и играла прогрессивную роль не только в государственном строительстве, укреплении империи, но и в духовном просвещении народов, в зарождении письменности и печатного слова. Религия, особенно на первоначальном этапе, вплоть до XVIII века, была фактически единственной формой самовыражения нации в письменных произведениях и явилась источником книжного и литературного дела. С ней связаны и корни славянской публицистики, что достаточно убедительно показано в книге В. В. Ученовой «От вековых корней» [4].

Святые обители, церкви и монастыри, начавшиеся воздвигаться повсеместно, послужили основой формирования духовных и культурных традиций в России. Берущая начало в Киевской Руси изначальной поры, от зари славянской книжности в IX веке, от Киево-Печерского монастыря (XI век) и так далее, эта основа ширилась, укреплялась в пространстве и глубине. В этой связи нельзя не вспомнить предпринятое Святителем Макарием создание грандиозного свода «всех чтимых книг на Руси» – великих Четых-Миней. Немало усилий приложил свт. Макарий по организации на Руси книгопечатного дела. При нем была открыта в Москве первая типография для печатания священных книг. Заслуги святителя в благом укреплении и развитии русской духовной культуры огромны, равно как и свт. Димитрия Ростовского, создателя 12-томного свода житий святых, охватывающего весь годовой круг. Этому делу он посвятил более двадцати лет, начав его в колыбели русской святости – Киеве и продолжая до конца своих дней. Четьи-Минеи стали любимым чтением русского народа и только в XVIII веке выдержали десять изданий [5].

И вятская земля в этом плане, естественно, не была исключением. Первый заметный религиозный центр здесь возник в 1580 году, когда игумен Трифон основал в Хлынове мужской Успенский монастырь. С именем Трифона связано первое сознательное «накопление книжного ума», а также первые местные памятники древнерусской агиографии XVII века. Известно, что уже к 1601 году в библиотеке Трифонова монастыря было более 140 рукописных и печатных книг, зафиксированных в его описи [6].

Собственно целенаправленная духовно-просветительская деятельность в крае начинается с организацией в Хлынове в 1658 году Вятской и Великопермской епархии. В связи с ее организацией намного усиливается пропаганда православной религии. Причем здесь она усиливается еще и потому, что в связи с расколом русской церкви в край был немалый приток старообрядцев, спасавшихся от репрессий никонианской церкви. Налаживается письменное дело в церковном управлении.

С увеличением количества церквей (в 1720 году в Вятской епархии насчитывалось 283 церкви) растет и число людей, знающих грамоту, умеющих писать, в том числе писцов [7]. Появляются, что еще важнее, книжники, люди, не просто хорошо владеющие грамотным письмом, но уже как бы сами создающие грамоту и желающие ее распространять. Это во-первых. Во-вторых, книжники начинают «письменно размышлять», творить через Божье слово, как говорится, мудрствовать, привнося в тексты собственное «я». Это положило начало литературы, начало публицистики, начало книгоиздания.

Надо сказать, росту образованной прослойки, вообще образования способствовало и развитие торговли и промышленности. Так называемая деловая и канцелярская письменность, которая становится все востребованной, стимулирует рост грамотности и образованности, что, в свою очередь, готовит почву для зарождения литературы, порождает спрос на книгу, следовательно, и определяет развитие книгопечатания, книгоиздательства и книготорговли [8].

Книжный спрос начинает проявляться и среди вятчан. Что и как читали в Вятке в XVII веке? Несмотря на относительно высокую цену (например,

Библия стоила в то время пять рублей серебром, что равнялось стоимости 70 пудов ржи), книга в Вятке была уже в XVII веке не редкость. Так, в один из годов (в какой именно, не уточняется. – А. В.), как утверждает историк книжного дела С. П. Луппов (сын известного вятского историка П. Н. Луппова. – А. В.), в Московской типографии вятчанами было закуплено девять экземпляров Библии, 16 других книг. Покупали и учебную литературу, книги светского содержания. 22 сентября 1653 года архимандрит Вятского Успенского монастыря купил пять книг, а 12 августа 1650 года тому же самому архимандриту совместно с нижегородским Богданом Ананьиным и неким Ларионом Федотовым была отпущена большая партия Азбуки – 714 экземпляров. Вятчанин Василий Рязанцев купил 20 февраля 1651 года книгу «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Среди покупателей книжной лавки Московского печатного двора были вятчане Афанасий Терентьев, Иван Лысков, Михаил Юрьев, Давид Исупов, Василий Филимонов, подьячий Степан Рязанцев, Василий Рязанцев, Андрей Шпениткин, поп Стефан, келарь Успенского монастыря старец Павел [9].

Круг чтения, можно констатировать, был для того времени довольно широким. В местных монастырях и у частных лиц имелись солидные для того времени собрания рукописных книг и новых печатных изданий. До нашего времени, например, сохранились такие книги из этих собраний, как «хронограф» («Кронограф») третьей редакции, «Космография» по Меркатору, «Вятский временник», а также первопечатное Евангелие, изданное Иваном Федоровым и др. Эти книги бережно хранятся в Кировской областной библиотеке им. А.И. Герцена (см. раздел 2.6).

Как видим, уже в середине XVII века Вятка располагала определенной, хотя и незначительной, читающей аудиторией. А в конце века возникает и местная, прежде всего, религиозная литература, появляются летописные источники. Возможно, какие-то летописные записи составлялись здесь и раньше и ими позднее пользовались следующие летописцы. Но эти записи до нас не дошли. Вообще, о письменности на Вятке до присоединения ее к Москве

сведений нет. Но она, надо полагать, существовала. Об этом свидетельствует, в частности, и обнаруженный на археологических раскопках Никулицкого городища предмет для письма, «писало», – заостренная костяная палочка, аналогичная найденной при раскопках в Великом Новгороде [10].

Своего рода литературным издательством проявил себя кружок книжников, сложившийся при кафедре местного архиепископа Ионы Баранова. В последней четверти XVII века этот кружок создал несколько ставших широко известными литературных произведений, проникнутых церковной идеологией. К ним относятся исторические повести «Вятский временник», «Летописец старых лет» и «Повесть о стране Вятской».

Автором «Вятского временника» считается дьячок хлыновского Богоявленского собора С. Ф. Попов. Некоторые статьи были написаны его сыном Иваном (предполагаем, тоже священного звания. – А. В.) [11]. «Временник» представляет собой краткую летопись, излагающую важнейшие факты русской истории от «призвания варягов» до 1700 года. Под соответствующими годами записаны события из истории Вятской земли. Первая история рассказывает о нашествии татарского царевича Бектута на Вятку в 1391 году. Последняя – о смерти архиепископа Ионы в 1700 году.

«Летописец старых лет» писался несколькими лицами и в разное время, затем был объединен в общий текст. Одним из составителей «Летописца» был вятский купец П. С. Рязанцев. Он излагает события общерусской истории, начиная с правления Андрея Боголюбского и в соответствующие места вставляет известия по истории Вятки, первое из которых рассказывает о взятии новгородскими жителями в 1181 году чудского (удмуртского) городка Болвана и основании на его месте русского поселения Никулицына. Следующее сообщение – о походе Бектута на Вятку в 1391 году. История в «Летописце» доведена до 1682 года. Хронологический материал в целом перепутан и зачастую ошибочен.

«Повесть о стране Вятской» составлена в конце XVII – начале XVIII века неизвестным автором. Она дошла до нас в нескольких списках, из которых

наиболее полным является список, некогда хранившийся в библиотеке графа Ф. А. Толстого, а затем поступивший в Российскую Национальную библиотеку С.- Петербурга. В «Повести» говорится о походе новгородских ушкуйников на Каму в 1174 году, пребывании их там до 1181 года и продвижении на Вятку, где они взяли удмуртский городок Болванский (сюжет по «Летописцу», только название городка чуть изменено. – А. В.) и основали на его месте русский город Никулицын, овладели марийским городком Кошкаровым и построили на его месте Котельнич. Затем, объединившись, основали город Хлынов и стали жить на Вятской земле «в самовластии», подобно Новгородскому вечевому государству. «Повесть» излагается весьма путано, недостоверно.

В этот же период были созданы сочинения религиозного содержания «Житие Трифона Вятского», «Повесть о явлении чудотворного образа Николы Великорецкого» и другие произведения. Все они были связаны пропагандой православной веры среди язычников и борьбы со старообрядцами и сектантами. Коснемся некоторых из них.

Церковное руководство особенно усердно насаждало культ основателя Успенского монастыря Трифона Вятского, объявленного святым. По заказу архиепископа Ионы специальный агиограф написал «Житие Преподобного отца нашего Трифона, Вятского Чудотворца». Житие опубликовано в 1912 году протоиереем И. Осокиным в «Трудах Вятской ученой архивной комиссии» [12]. И. Осокин полагал, что «Житие» было создано примерно в 1651 – 1653 годах. Оно носит традиционные черты житийного жанра. В нем дается жизнеописание персонажа, начиная с его рождения от благоверных родителей и кончая благочестивой смертью, и заключением о посмертной памяти и службах во славу Пресвятой Троицы, Богородицы Пречистой и ученике их Преподобного Трифона. Традиционность проступает и в обрисовке героя, который с детства отмечен печатью Божией. Рано пробуждается у него тяга к иноческому житию. В центре повествования – добродетельная и подвижническая жизнь героя во имя Бога. Он делает «чудеса» исцеления. Есть в «Житии» и приметы русской исторической жизни XVII века, много исторических имен, запоминающиеся

фигуры вятского воеводы Василия Овцына и других, стремление к большей конкретности в изображении отдельных эпизодов, зримые реалии тогдашней жизни, описание церкви, построенной Преподобным Трифоном, в обрисовке героя. Самое примечательное – это сильно выраженное авторское начало. Во вступлении к «Житию» автор подробно рассказывает о себе, о своей иноческой жизни в монастыре, о рано возникшем у него интересе к Преподобному Трифону, о собирании материалов о нем, о беседах с людьми, знавшими святого. И хотя автор сочинения неизвестен, он, безусловно, был вятчанином, хорошо знавший местный край и сумевший отметить некоторые реальные черты быта его жителей.

В начале 1990-х годов в рукописном отделе Российской Национальной библиотеки была обнаружена неизвестная ранее научной и культурной общественности вятская рукопись второй половины XVII века, имеющая заголовок «Повесть о иконе Пречистыя Богородицы и Приснодевы Мария, Честного и Славного Ея Одигитрия новоявленная, иже принесена быть повелением Пречистыя Богоматери в Соловецкую лавру лета 7170-го мая в 26 день» [13]. Археографическое описание повести принадлежит И. А. Бычкову [14].

Заголовок и начальные буквы каждого абзаца выполнены кинноварью, текст написан полууставом и скорописью. В повести рассказывается о приключениях, происшедших в 1659 – 1662 годах с жителем г. Хлынов И. И. Лянгусовым, который «пищу себе приобретаая земледельчеством и рыболовством, бе же и страж церкви Воскресения Христова». 13 апреля 1659 года он, находясь «со тремя други своими в путем шествии», ловил рыбу на Волге. «Внезапну нападала на них» калмыки, которые, «пленивши их, продаша» крымским татарам. 13 недель пребывал Лянгусов, скованный по рукам и ногам, в плену, прося Бога «о избавлении ис плена, ... обещаая написати Спасов образ и Пречистые Его Матери». Освободившемуся из плена, ему являются во сне «два юноши светлы», которые напоминают ему об обещании и повелели купить в Саратове обе иконы. Придя в Саратов, Лянгусов приобрел

у местных иконописцев указанные ангелами иконы. Оставив Спасов образ в Саратовской церкви, он с иконой Богородицы Одигитрии направился в Хлынов, где о своих приключениях поведал епископу Александру. Повесть, скорее всего, основана на реальных событиях, произошедших с героем и представляет собой одновременно и литературный памятник, и исторический источник.

Агиографические произведения, составленные книжниками в XVII веке, имели и до сих пор имеют познавательное значение, хотя содержат немало хронологических и фактических неточностей. Но само их появление характеризует направление церковной политики, активизировавшейся со времени образования епархии. Характер большинства произведений, традиционность их жанров позволяют говорить о вятских произведениях XVII века как о неотъемлемой части древней русской словесности. Появление этих произведений послужило началом формирования культурных традиций в виде устойчивого интереса к истории родного края, к местной литературе.

Завершая данный раздел, уместно привести стихи И. А. Бунина:

*Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь Слову жизнь дана.
Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь письма... [15].*

1.2. Вятская духовная семинария.

Вятские стихотворцы XVIII века

Деятельность служителей церкви XVII века, образованной ее части, продемонстрировала возвышение Слова как могучего объединяющего начала, закрепила устоявшиеся традиции духовной публицистики Руси, которые сводились к главной цели – нравственному преобразованию общества в целом и каждого его члена в отдельности.

В первой четверти XVIII века происходят существенные изменения во всех областях российской жизни. Связано это было с реформаторской политикой Петра I. С утверждением преимуществ светских форм государственности начинаются переломные процессы и в культуре. Происходит переход от религиозной культуры к светской, перевес духовной литературы и публицистики над религиозной.

Новый этап в культурной и литературной жизни начинается и на Вятке. Главенствующее место на этом поприще на первых порах продолжало занимать духовенство, в среде которого было много образованных государственных деятелей. Особняком в этом ряду стоит епископ Лаврентий (Горка), которого по праву можно назвать основоположником просвещения и образования в крае (подробнее о развитии системы образования в губернии – в следующем разделе настоящей главы. – А. В.).

Епископ Лаврентий (1671 – 1737 гг.) был просвещенным и широко образованным человеком своего времени. Сторонник реформ и преобразований, писатель, педагог, проповедник, теоретик литературы и большой книжник, соратник Феофана Прокоповича, ближайшего помощника Петра I в проведении церковной реформы, известного ученого и идеолога просвещенного абсолютизма. Как и Ф. Прокопович, владыка Лаврентий окончил Киево-Могилянскую академию, был ее профессором, затем служил в ряде епархий [16]. Сосланный в результате внутрицерковных интриг в 1733 году в Вятку, он сменил местного епископа Алексия. Его биограф А. Бувевский пишет, что при первой же встрече с ним здешние духовные отцы и братья увидели, что пред ними архиерей совсем иного типа и характера, чем прежние... Были изумлены его подвижностью, необыкновенною живостию его речей и жестов [17].

За неполные пять лет пребывания в Вятке Горка развернул большую деятельность по развитию просвещения и культуры. Главной его инициативой стало открытие в 1733 году на базе начальной школы при архиерейском доме (основанной в Вятке в 1727 году) первого среднего учебного заведения –

Славяно-греко-латинской школы. В начальный же год обучения в нее было зачислено около 400 мальчиков из семей церковнослужителей и посадских людей. Горка привез в Вятку целую библиотеку книг, также свои научные и поэтические сочинения, ставшими первыми учебными пособиями: книги «Идея» и «Иосиф», а также «Adea artis poeseos», написанную на основе глубокого изучения поэтики Скалигера, Иеронима Види и Якова Понтана. Трагикомедия «Иосиф» пользовалась особой популярностью в школе и сыграла свою роль в формировании эстетических взглядов учеников. Библейский сюжет об Иосифе, помимо сугубо морально-назидательных функций, нес в себе и характерную для школьной драмы в ее классическом варианте мысль о беспредельной сложности мира. Человек и окружающие его обстоятельства представлены автором как высшая степень философской абстракции, как попытка персонифицировать Добро и Зло, бесконечность борения Человека с миром зла.

Преосвященный Лаврентий привез в Вятку не только свои произведения, но и призвал сюда своих последователей: профессора из Киевской духовной академии М. Финицкого, преподавателя Лещинского и, чуть позже, крупного ученого И. Богомедлевского. Так сложилось первое ядро вятской образовательной школы, ставшей первой кузницей для подготовки квалифицированных кадров.

Первоначально Славяно-греко-латинская школа состояла из двух ступеней. Одна из них была начальной, в которой дети овладевали элементарной грамотой, другая – повышенного типа, где ученики обучались латинскому и греческому языкам и основам гуманитарных наук и богословских знаний. В дальнейшем школа была разделена на шесть последующих классов, и в ней обучалось до 500 учеников. В 1758 году она была преобразована в духовную семинарию, в организации которой важную роль сыграл образованный и склонный к просветительству епископ Варфоломей (Любарский), возглавлявший Вятскую и Великопермскую епархию в 1758 – 1774 годах. Основную работу длительное время в управлении семинарией выполнял

родственник епископа Петр Любарский, бывший префектом (инспектором) учебного заведения. При нем стали преподаваться история, география, алгебра, геометрия, немецкий и французский языки, архитектура и другие светские дисциплины.

Сам Варфоломей вел переписку со знакомыми московскими профессорами Барсовым и Приклонским, а П. Любарский – с известным издателем журналов Б. Рубаном. Они хорошо понимали, что без необходимой литературы семинария не может идти вперед. Варфоломей нашел возможность из средств кафедры употребить до 2.500 рублей – сумму весьма большую по тому времени – на выписку книг, преимущественно из-за границы, причем сам составил список нужных книг. В числе выписанных книг значились произведения Virgiliya, Горация, Овидия, Сенеки, Лукреция, Ювенала и многих других. Из русских авторов были выписаны произведения лучших стихотворцев; выписывались также московские и петербургские «Ведомости» [18]. При таких благоприятных обстоятельствах, естественно, в семинарии не могли не появиться любовь к чтению и стремление к самообразованию.

Характерной особенностью Вятской семинарии (как, впрочем, и во многих других регионах) было то, что в ней обучались представители самых разных сословий, в том числе дети крестьян и ремесленников. Это послужило благоприятной почвой для формирования местной разночинной интеллигенции. Крупнейшими учеными из их числа стали, например, К. И. Щепин, В. Я. Колокольников, Ф. С. Ефремов и некоторые другие.

После окончания Вятской семинарии К. И. Щепин (1728 – 1770 гг.) продолжил образование в Киевской духовной академии и на медицинских факультетах Флорентийского, Лейденского и Парижского университетов, получил ученую степень доктора медицины. Вел большую научно-педагогическую работу в Петербурге и Москве в области медицинских и естественных наук, стал одним из основоположников хирургии в России, был избран членом Российской Академии наук. К. И. Щепин сотрудничал с М. В.

Ломоносовым и С. П. Крашенинниковым, оставил после себя ценные труды по общей медицине, хирургии, минералогии и ботанике [19].

Талантливейшим ученым проявил себя В. Я. Колокольников (1758 – 1792 гг.), ставший крупным философом и доктором медицинских наук. Обучаясь после Вятки в Московском университете, Колокольников примкнул к просветительскому кружку Н. И. Новикова и вступил в масонское общество. В годы французской буржуазной революции он находился за границей, где совершенствовался в естественных науках при Лейденском университете и выполнял секретные поручения масонского кружка. При возвращении в Россию у него, уже находящегося под подозрением, обнаружили запрещенные книги. Колокольникова арестовали и заключили в Петропавловскую крепость, где он и скончался [20].

Широкую известность получил русский путешественник, уроженец Вятки Ф. С. Ефремов (1750 – после 1811 г.), автор знаменитой книги «Девятилетнее странствование и приключения в Хиве, Бухаре, Персии и Индии», опубликованной в Петербурге в 1786 году и несколько раз переизданной (последнее издание осуществлено в 1952 году) [21].

Эти личности, вероятно, не проявили бы себя так ярко, не будь в Вятке высокого уровня преподавания, истинного просветительского духа и благородного устремления служить на благо Отечеству. И хотя это не было универсально во всем, но в главных чертах было так.

С Вятской духовной семинарией связано и зарождение местной светской литературы. Именно здесь возникла первая профессиональная «школа пиитики», воспитавшая немало талантливых литераторов. И заложившая, кстати, корни будущей вятской журналистики.

По утверждению видного вятского историка А. С. Верещагина, стихотворство в Вятке появилось «в то еще время, когда Тредиаковский “корпел” над русским стихосложением, сочинения Кантемира еще не были изданы, а Ломоносов еще не написал своей оды на взятие Хотина (1739 г.). Начало вятского стихотворства, – пишет А. С. Верещагин, – мы застаем ... на

первой заре русской поэзии, и знакомясь с первыми вятскими писателями, мы как бы присутствуем ... при родах русской стихотворной речи ...». Не многие из первых литераторов, по словам историка, сами предавали свои произведения «тиснению» в то затруднительное для «тиснения» время, но и рукописные их стихотворения воспроизводились, если не в сотнях, то по крайней мере во многих десятках списков, которые из Хлынова доходили до Уфы, Кунгура, Соликамска и Чердыни, и, в свою очередь, копировались там в немалом числе экземпляров [22].

Местные поэты и писатели создавали оды, поэмы, элегии, эпиграммы, басни и другие литературные произведения в стиле классицизма, господствовавшего в русской литературе XVIII века. По большей части авторами их в первое время были сами преподаватели духовной семинарии и выпускники, оставшиеся здесь преподавать. Наибольшее влияние из них оказали М. Финицкий, М. Ушаков, Г. Шутов, А. Попов, А. Серебренников и другие [23]. Все они вели занятия, связанные с пиитикой и риторикой. И как водилось в то время, помещали в создаваемых ими учебниках свои произведения.

В 50 – 60-е годы XVIII века в Вятку попадают произведения Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Хераскова, которые оказали большое влияние на начинающих заниматься творчеством вятчан.

Один из первых преподавателей М. Е. Финицкий (ок. 1705 – после 1787 гг.) оставил после себя рукописный учебник по словесным наукам и литературным занятиям с оригинальными эпиграммами. Его даровитыми воспитанниками стали М. А. Ушаков (1730 – ок. 1800 гг.) и Г. С. Шутов (1743 – 1807 гг.). Стихи Матвея Ушакова были первыми художественными образцами силлабо-тонического стихосложения в Вятке. Для него характерно также многообразие жанров, свойственных русскому классицизму: оды, торжественные похвальные стихи, сатиры, элегии. Он создает и свою «пиитику» в духе предшественников Л. Горки и М. Финицкого.

М. Ушаков родился в Вятке в семье дьячка, после окончания семинарии преподавал там пиитику и риторику. Его творчество, в котором проступает просветительская струя, было популярным на Вятке. Оды, торжественные и похвальные стихи («гратуляции») отличались звучностью, определенностью ритма и рифмы. Вот, к примеру, его «приветственная песнь» Екатерине II:

*Тобою мы все благосчастливы,
Всем ныне дни сияют красны:
Обилие, богатство вновь!
У всех мы видим дух спокойный,
Порядок зрится всюду стройный,
Усердность, искренность, любовь... [24].*

Большим успехом пользовались его стихотворение «Похвала наукам», сатирические стихи, например, «Моим завистникам».

Многие начинающие поэты начинали с переложения басен в вирши. Но создавали, подражая, басни и сами. В этом особенно отличился Г. С. Шутов. Гавриил Шутов в качестве учебного пособия также подготовил рукописный сборник, куда вошли не только его собственные произведения (басни «Кот в пиве», «Ворон и лисица», «Лисица и цапля», «Волк и журавль», «Муха и муравей» и другие, переводы из Овидия и Горация), но и образцовые опыты учащихся. Из ученических упражнений, включенных в сборник, выделяются стихи «Портрет разумного и честного человека» В. Кашина, «Неприхотливый человек» С. Пономарева и др. Большинство стихов посвящены описанию местности, крестьянскому и купеческому быту, явлениям природы. Такие произведения приучали школьников к изображению характеров, обычаев, нравов людей.

Незаурядным поэтом показал себя младший современник М. Ушакова и Г. Шутова А. И. Попов (1748 – 1788 гг.), ставший учителем пиитики в семинарии с 1768 года, а затем занявший место префекта Вятской семинарии после П. Любарского, ставшего в 1772 году ректором Казанской семинарии. Антон Попов писал преимущественно сатирические эпиграммы, в которых

клеил лицемерие, лукавство, пьянство, разврат и тому подобное вятского «высшего общества». Его эпиграммы вышли в Петербурге в 1778 году под названием «Сатирические забавные и нравоучительные эпиграммы, сочиненные в г. Хлынове Вятской семинарии префектом Антоном Поповым». В 1786 году вышло второе издание эпиграмм также в Петербурге и под тем же названием.

В первой книжке столичного журнала «Зеркало света» за 1787 год была помещена библиографическая заметка, где было сказано, что эти эпиграммы «не отличаются красотой слога, но сочинитель, который как видно живет в Вятке, заслуживает похвалу, и в книжке есть места, показывающие его дарования и способность к стихотворству». Из 107 эпиграмм больше всего достается хлыновским дамам за их легкость нравов, лживость и неверность. В немалом количестве эпиграмм бичуются спесь, взяточничество, сплетни, чванство. Вот одна из них, 102-я:

*Случилось гордого увидеть мне вельможу,
Который наклонить свою боится рожу.
Я кланялся ему, он не нагнулся мне:
Конечно, у него сел чирей на спине [25].*

Не менее, а может и более известен был соратник А. Попова поэт и переводчик А. Н. Серебренников (1749 – 1792 гг.), учитель знаменитого Е. И. Кострова. А. Серебренников после окончания семинарии преподавал синтаксис и грамматику, затем пиитику. Все свободное время отдавал сочинению стихотворений и поэм. Он быстро стал восходить по лестнице чинов после написания в 1772 году «Поэмы на день восшествия на Всероссийский престол ея величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны» и публикации ее в Петербурге. Стихотворцы, которые отдавали свою музу на службу абсолютизму и дворянской аристократии, как правило, делали порой блестящую карьеру. В 1773 году Серебренников был уже префектом Московской славяно-греко-латинской академии, затем стал епископом Олонецким и Екатеринославским. Был дружен с Г. Потемкиным и лично

известен Екатерине II. А. Серебренников одним из первых перевел на русский язык поэму «Потерянный рай» Д. Мильтона, написал ряд сочинений богословского содержания. Перевод «Потерянного рая» пользовался большой популярностью и выдержал три издания. Обращение к произведениям Джона Мильтона (1608 – 1674 гг.), поэта-гуманиста и ученого энциклопедиста эпохи английской буржуазной революции, говорит о просветительских началах в творчестве А. Н. Серебренникова и о его большой эрудиции. Кроме того, он дважды издал свое произведение «Краткое руководство к оратории российской», а сборник его стихов также выдержал не одно издание. В 1784 году А. Н. Серебренников был произведен в члены Российской Академии наук [26].

Самый крупный и известный из вятских писателей XVIII века Ермил Иванович Костров (1750 – 1796 гг.) был сыном дьячка Слободского уезда, но по отчиму формально считался монастырским (экономическим) крестьянином. В 1773 году окончил Вятскую духовную семинарию, затем учился в Московской духовной академии и университете [27]. Стихотворения Е. Кострова печатались в журналах и отдельными изданиями. Первое напечатанное произведение под названием «Стихи Новоспасского монастыря архимандриту Иоанну» было издано в Москве в 1773 году, когда он был еще семинаристом.

Е. Костров писал на первых порах, подражая М. В. Ломоносову, преимущественно торжественные оды, хвалебные стихи и эпистолы, прославляя просвещение и абсолютную монархию. После появления оды Г. Р. Державина «Фелица» (1782 г.) Костров, восхищенный ею, подражал Державину. Его стихи стали более простыми и лиричными, в них больше места уделялось природе и простым человеческим чувствам. Наибольшую славу Е. И. Кострову принесли его переводы Гомера, Апулея и Оссиана. Благодаря этим переводам русский читатель получил возможность познакомиться с произведениями великих зарубежных поэтов. Перевод Костровым «Илиады» Гомера был первый в России. Шесть песен поэмы вышли в 1787 году,

остальные три – после смерти переводчика (умер он в нищете в петербургских трущобах). Один из переводов Е. Костров посвятил А. В. Суворову, и на стихотворное свое посвящение получил также стихотворный ответ Суворова, который очень высоко ценил «Илиаду» в переводе Кострова, а с Оссианом не расставался и в походах. Печатался также Костров в «Зеркале света» (1786 – 1787 гг.) Туманского, в «Приятном и полезном препровождении времени» (1783 – 1895 гг.) Сохацкого и Подшивалова, в «Аонидах» (1786 г.) Карамзина. Был знаком с М. Херасковым, И. Дмитриевым, графом Шуваловым, Н. Карамзиным.

Характеризуя русскую поэзию эпохи классицизма, В. Г. Белинский отмечал: «Громкой славой пользовались у знатоков и любителей того времени четверо писателей школы Ломоносова – Поповский, Херасков, Петров и Костров» [28].

* * *

В XVIII веке в России наука и просвещение, светская литература и искусство стали распространяться повсеместно и достаточно активно, чему способствовала прогрессивная политика Петра I. Эта активность не ослабла, а даже усилилась при Екатерине II.

Влияние традиций древнерусской литературы, с одной стороны, и новые влияния реформ, с другой, определили развитие литературного процесса в первые десятилетия XVIII века. В России завершился начавшийся еще во второй половине XVII века переход от средневековой религиозной культуры к новой европеизированной, светской. Выросла плеяда видных деятелей просвещения, науки, литературы, искусства, техники.

В полной мере это коснулось и Вятской губернии, в первую очередь самой Вятки, которая, несмотря на отдаленность от Петербурга и Москвы, становилась одним из литературных провинциальных центров империи, со своей школой и традициями. Славяно-греко-латинская школа, преобразованная

вскоре в духовную семинарию, явилась настоящим очагом просвещения и культуры в крае, воспитала десятки ярких, талантливых литераторов и общественных деятелей российского масштаба. Обращение к литературному творчеству, главным образом к стихотворству, входит в культурный обиход вятского просвещенного общества. Ширится круг образованной аудитории, усиливается влияние просвещения на все сословия. Культурные и литературные традиции, сложившиеся к концу XVIII века, благоприятно развились в начале XIX века.

1.3. Просвещение и культура в Вятской губернии в начале XIX века

Весьма заметной литературная и культурная жизнь в Вятке и крае становится с 20-х годов XIX века. Этому способствовали век просвещения Екатерины II и рост народного самосознания, вызванный Отечественной войной 1812 года, в которой вятчане принимали активное участие; а также довольно усиленное развитие экономики и просвещения в крае, начавшееся в конце XVIII века. Появляются первые фабрики и заводы, такие, как Воткинский железоделательный, Ижевский оружейный и другие. Более интенсивно происходит развитие ремесел. В начале века возникло, например, производство дымковской игрушки. Совершенствуется социальная инфраструктура, расширяются ее границы. Это, разумеется, ускоряет и развитие общественной и культурной жизни. И такое событие, скажем, как открытие в Вятке еще в 1783 году почтамта, организация почтовой связи, не могло в этом не сказаться. Сама возможность письменного сношения в мире, предоставления услуг на подписку периодических изданий и т. д., в этом плане – значительный шаг вперед, особенно по тем временам. Существенным, если не главным, фактором «ускорения» развития общественной и культурной жизни стала централизованная организация народного образования.

1.3.1. Народное образование

К концу XVIII века в России уже существовало 549 различных учебных заведений, в которых одновременно обучалось 62 000 учащихся [29]. Постановке дела народного образования на Вятке уделялось достаточно серьезное внимание. И касалось это исключительно всех сословий. До появления светских учебных заведений обучением детей из низов занимались отставные солдаты, бедные церковники и т. п. В частных школах, на дому, они учили азбуке, письму, псалтири и часослову, катехизису. С возникновением учебных заведений частное обучение управой благочиния было запрещено.

В 80-х годах XVIII века в губернии в связи со школьной реформой 1786 года, проводимой правительством Екатерины II, создаются народные училища. По этой реформе предусматривалось открытие народных училищ двух типов: малые училища с двухлетним курсом обучения, которые предполагалось организовывать в уездных городах, и главные народные училища с пятилетним курсом, создаваемые в губернских городах. В Вятке в том же году было основано главное народное училище, а в Слободском, Котельниче, Нолинске и Сарапуле – малые народные училища. К концу XVIII века в народных училищах обучалось 273 ученика, в том числе несколько девочек. Что характерно, в вятских училищах обучались преимущественно дети мещан (36%), крестьян (31%) и купцов (16%). На долю остальных сословий приходилось всего 17% [30]. Забегая вперед, отметим, в 1863 году Вятская губерния имела 230 различных учебных заведений, насчитывающих около 800 учащихся. Из них большинство составляли дети мещан (50%) и крестьян (20%). Детей дворян, церковников и чиновников было около 20%, остальные из купцов и других сословий [31]. Как видим, школа в губернии по своему составу была демократической.

Со вступлением на престол императора Александра Павловича (1801 г.) и начавшимися преобразованиями, наступает новый период в жизни учебных заведений. В 1803 году была проведена новая школьная реформа. Созданы

учебные округа во главе с попечителями. Вятская губерния вошла в Казанский учебный округ. Знаменитый Казанский императорский университет, заметим, станет в будущем центром просвещения и нерусских народностей – татар, удмуртов, марийцев, чувашей, территории проживания которых входили в округ. Реформа предполагала организацию школьной сети, состоящей из приходских школ (начальное образование), уездных училищ (неполное среднее образование) и гимназий (среднее образование). В 1811 году Вятское главное народное училище было преобразовано в мужскую гимназию, а малые народные училища несколько позднее реорганизованы в уездные. Открылись новые уездные училища в Елабуге (1809 г.), Яранске (1817 г.), Глазове (1827 г.), Уржуме (1839 г.) [32]. Увеличилось и количество духовных учебных заведений. Организуется также профессиональное обучение. При некоторых заводах создаются ремесленные училища, из которых крупным было Ижевское; в Вятке открылось училище для подготовки канцеляристов, которое функционировало с 1829 по 1861 год.

Сфера образования постепенно охватывала самые широкие слои населения, отдаленные уголки, чему способствовало появление приходских школ. Все больше детей крестьян и мещан, хотя не повсеместно и далеко не каждый, получали возможность научиться начальной грамоте. Эти возможности особенно возрастут во второй половине XIX века. В этот период организуется и система женского образования. Первое женское учебное заведение в губернии откроется в 1859 году, когда будет основана Вятская женская гимназия. Вслед за ней они откроются в Котельниче и Елабуге. Об открытии Вятской Мариинской женской гимназии и о первом ее выпуске, например, писали «Вятские губернские ведомости» (ВГВ, 1859, №42; 1864, 5 июля. В неофициальной части ВГВ дата не указывалась. – А. В.).

Часто, особенно на первых порах, многие учебные заведения испытывали нужду, недостаток в учителях и т. д. Но, благодаря усердию заинтересованных людей, пожертвованиям населения, учреждений, народное образование все крепче становилось на ноги, делало успехи. Многие чиновники администрации

губернии принимали участие в налаживании учебного процесса, сознавая роль образования в общественном и культурном развитии. Самую добрую память в этом отношении оставил, например, губернатор Ф. И. фон-Брадке, служивший на этом посту в 1808 – 1816 годы. Современникам запомнилось его высказывание: «...обогащать детей науками, капиталом наследственным, которого никакой случай, никакое несчастье от них отнять не может» [33].

Будучи по тем или иным делам в губернии известные государственные деятели, в том числе лица императорского двора, непременно при первой возможности имели честь посетить учебные заведения. Так, осенью 1824 года Вятскую гимназию посетил император Александр I, а в 1837 году – будущий император Александр II, тогда еще наследник престола, в сопровождении поэта В. Жуковского, учителя наследника [34].

Централизованная система учебных заведений, охватившая все сословия, играла значительную роль не только в расширении образованной аудитории, но и в развитии литературного процесса, становлению книжного дела в крае.

Чтобы понять, каковы были «семена», закладываемые в «литературную почву» тех лет, выделим некоторые штрихи внутриучебного процесса в Вятской гимназии. На торжественных годовых актах, посвященных окончанию заведения, ученики произносили благодарственные речи не только на русском, но и на французском, немецком и латинском языках. Иногда ученики декламировали стихотворения и исполняли музыкальные пьесы [35]. Прилежные ученики по окончании учебного года награждались книгами. К примеру, за 1792 год в награду были вручены следующие книги: «Краткое описание жизни Петра Великого», «Слава русских», «Прочти меня на досуге», «Разговоры Пифагора с Сократом о должностях человека» и др. [36].

Любовь к слову и литературе прививалась на уроках русского языка и словесности, склонные к литературному творчеству ученики развивали свои способности. Уроками творчества становилось написание сочинений. Вот какие темы для сочинения по русскому языку и словесности предлагались, например, в 1838 году: 1) Весеннее утро, 2) Разлив реки весной, 3) Деревенские работы

и увеселения летом, 4) Осень, 5) Святки, 6) Масленица, 7) Святая неделя, 8) Родина, 9) Юность в параллели со старостью, 10) Дружба, 11) Уединение,... 14) Восхождение солнца, 15) Буря, 16) Благородный человек,... 23) Описание произведений искусства (местных зданий, памятников, картин и проч.) и др. По сочинениям Вятская гимназия числилась одной из лучших по учебному округу. Производились критические разборы художественных произведений, например, таких, как «Гимн к Богу» Дмитриева, «Ода на взятие Варшавы Суворовым» Державина, басни «Фортуна и нищий», «Гуси» Крылова, «Певец во стане русских воинов» Жуковского и др.; переводы с латинского, греческого, немецкого, французского из классических авторов [37].

Любопытно: в то время учителя не аттестовали способности учеников баллами, в графе «способности ученика» обыкновенно обозначали словами «понятен», «остр», «туп», «надежен», «способен», «посредствен», «малопонятен» и т. п.

В 1844 году по распоряжению попечителя учебного округа Мусина-Пушкина в гимназиях, в том числе Вятской, были введены литературные беседы. Беседы эти состояли в том, что ученики шестых и седьмых классов два раза в месяц писали сочинения на избранную тему и прочитывали их в присутствии директора, инспектора, старшего учителя словесности, учителя грамматики и других преподавателей, приглашенных директором. Причем ученики сами анализировали и разбирали свои произведения [38]. Позднее стали проводиться литературно-музыкальные вечера.

Добрую репутацию имели многие учителя словесности, в частности, А. Ф. Михайлов, большой знаток русской литературы. Директор М. В. Полиновский, получивший образование в Казанской духовной академии и руководивший Вятской гимназией в 1835 – 1846 годы, был членом общества любителей отечественной словесности при Казанском университете. В 1832 – 1834 годах совместно с адъюнктом М. С. Рыбушкиным он издавал первый Казанский частный журнал «Заволжский муравей» [39]. Некоторое время, кстати, учителем французского языка в гимназии был Э. Ж. Геро, секретарь парижского журнала

«Энциклопедическое обозрение», с 1809 по 1819 год проживавший в России, а в 1812 – 1817 годы в Вятке. Э. Ж. Геро, как известно, публиковался в «Московском телеграфе» Н. Полевого.

Некоторые выходцы учебного заведения сами становились учителями словесности, а с появлением в губернии газет – активными их сотрудниками, как, например, А. Вештомов и Д. Савинов. Вообще, из стен Вятской гимназии вышло немало известных не только в крае, но и в России имен, принесших славу ей во многих отраслях. Можно назвать хотя бы имя одного из лучших психиатров России профессора В. М. Бехтерева.

Распространению просвещения в крае способствовали и библиотеки. В 40 – 50-е годы они были главными местными очагами культуры (см. об этом подробнее во II главе). Определенное значение они имели и в развитии местной литературы и журналистики.

1.3.2. Литература и искусство

С ростом образования расширяется интерес к искусству, книге, печатному слову. Время от времени ставились спектакли, устраивались концерты и литературные вечера силами любителей и учащихся средних учебных заведений. В Вятке были свои талантливые певцы и музыканты, существовал любительский хор. Некоторое время существовал частный театр вятского мецената Н. А. Прозорова.

Истоки вятской драматургии можно видеть уже в конце XVIII – начале XIX века. К этому периоду относятся стихотворные «разговоры» З. Ляшевича «Разговор между троими детьми» и С. Леонтьева «Разговор». Это были своеобразные интермедии между серьезными философскими «соревнованиями» (рассуждениями). В 1820 году была представлена учениками Вятской духовной семинарии своеобразная пьеса, которая называлась «Маленький щелчок Минерве (нечто комическое). Сочинение Вятской семинарии магистром

профессором философских наук и представленное учениками богословского и философского отделения в день тезоименитства Амвросия епископа Вятского и Слободского» [40]. Рукописный экземпляр этой пьесы имеется в собрании краеведческого отдела Кировской областной научной библиотеки имени А. И. Герцена. Он является одним из немногих источников, которые подтверждают наличие на Вятке постановок «школьных драм» или «учебных разговоров» (постоянно же действующий театр в Вятке открылся в 1877 году, на сцене которого ставились не только драмы, комедии и водевили, но также оперы, оперетты и так называемые «волшебные феерии»).

В отличие от традиционной школьной драмы, которая разрабатывала, как правило, библейские сюжеты, основа пьесы «Маленький щелчок Минерве ...» незамысловата, она строится именно на разговорах действующих лиц, представляющих собой изложение тех или иных философских тезисов. Действие развивается в спорах, опровержениях каких-либо истин или в их доказательстве. Пьеса представляется своеобразным откликом на животрепещущие поиски новых философских подходов к проблемам истории, морали, истины, которые появляются во множестве на страницах столичных журналов и альманахов. Просветительская вера в разум порождала убеждение, что слово обладает могучей силой действенности. Истина, открытая разумом, так прекрасна, так очевидна и безусловна, что она должна была неотвратимо перевоспитать человека, открыть ему путь к нравственному воскресению. Эти просветительские веяния, коснувшиеся в первую очередь литературы, сказались и в системе образования, которая в первые годы царствования Александра I претерпела изменения, в том числе в преподавании отдельных наук. Во все провинциальные учебные заведения были спущены новые программы преподавания. Так, в сентябре 1818 года в Вятскую семинарию пришли «Конспекты наук, преподаваемых в преобразованной семинарии». С этого же года назначены и новые преподаватели-профессора, такие, как В. Ф. Романовский, А. Т. Шиллегодский и другие [41].

Молодые преподаватели пытались увлечь студентов-семинаристов своими знаниями, идеями, полученными ими в столицах, поэтому они нередко использовали разнообразные формы, в том числе и традиции «школьной драмы». Так зародилась вышеназванная пьеса и ее постановка в стенах местной духовной семинарии. Автор ее не указан, однако можно предположить, что им был Василий Романовский. Сын дьячка, он по окончании Московской духовной академии, как отмечали «Вятские епархиальные ведомости» в № 20 за 1868 год, был определен профессором философии и немецкого языка в Вятскую семинарию, где, кроме того, занимал должность секретаря правления.

Молодой преподаватель пишет пьесу не только для представления в день тезоименитства преосвященного Амвросия, но и для того, чтобы ученики могли наглядно воспринять идеи разных философских учений. Для этого автор выводит довольно любопытный и в то же время традиционный для такого рода сочинений круг «разговаривающих лиц»: Правдодум, Любопытов, Смехотворов, Пифагор, Гераклит, Демокрит, Платон, Диоген, Аристит, Хризит. Следуя античной традиции, автор вводит в пьесу и хор. Таким образом, текст пьесы представляет одно из интересных явлений драматургических опытов в вятской литературе начала XIX века, где своеобразно преломились элементы философской публицистики, проникавшие в традиционные жанры «учительной» драматургии и определявшие их художественное своеобразие...

Еще раньше, на ежегодных «философских состязаниях» в Вятке в 1807 – 1810 годах читались сочинения, посвященные доказательствам пользы наук. Нередко эти сочинения выходили в столичных изданиях. Причастными к литературной работе становились и чиновники. Например, губернский прокурор В. И. Копылов сотрудничал в столичных журналах «Улей» (1811 – 1812 гг.), «Благонамеренный» (1819 – 1822 гг.). Секретарь уголовной палаты Ф. А. Слуткин публиковал в «Русском инвалиде» и том же «Благонамеренном» притчи [42].

Известными литераторами стали А. И. Емичев и кавалерист-девица Н. А. Дурова, И. А. Раевич и М. И. Осокин, В. Г. Варенцов и др.

Алексей Иванович Емичев (1808 – ок.1852 гг.) родился в Слободском, окончил местное уездное училище. Работал учителем начальных классов Котельнического уезда, затем чиновником Вятского губернского правления, впоследствии был переведен в Петербург и служил в Сенате. Емичев писал рассказы, стихотворения, статьи, сотрудничал в столичных изданиях «Московские ведомости», «Современник» А. С. Пушкина, «Телескоп» Н. И. Надеждина, «Библиотека для чтения» О. И. Сенковского и др. Первые выступления А. Емичева в печати относятся к началу 30-х годов XIX века. Так, в «Северной пчеле» (1833, № 4. – С. 14 – 15) под псевдонимом «Е. Глухой» публикуется его «Письмо к другу из Вятки». Автор письма сообщает между прочим о вятском клубе: «Бывает два раза в неделю благородное собрание: в среду одних мужчин для бостона и в воскресенье, когда съезжаются все лучшие семейства и проводят время, играя в карты и танцуя до поздней ночи...». В «Письме» также упоминается об устраиваемых «благородных театрах для бедных». Одна из самых известных его публикаций, этнографическая статья «Мифология вотяков и черемис», увидела свет во втором томе пушкинского «Современника» за 1836 год. В ней описывается религиозная жизнь первообитателей края – удмуртов и марийцев.

В 1836 году сочинения А. И. Емичева были изданы отдельной книгой в С.-Петербурге под заглавием «Рассказы дяди Прокопья». В книге три рассказа, в которых прослеживаются вятские реалии. В рассказе «Глухая Машенька», например, повествуется о молодой девушке, в детстве потерявшей слух, но не утратившей веру в людей, в свое будущее. В награду за терпение она приобретает искреннюю любовь молодого учителя Ивана Антоновича. Он становится наставником Машеньки, помогает научиться читать, писать... Эпизод, в котором описывается публичный экзамен в уездном училище, связан с воспоминаниями автора о времени, когда он учительствовал в Котельниче. (Рассказы дяди Прокопья. – С. 224 – 228).

Широкой известностью в России пользовалась (и пользуется) вятская писательница, уроженка г. Сарапул, героиня Отечественной войны 1812 года

Надежда Андреевна Дурова (1783 – 1866 гг.). Выйдя в отставку, Дурова поселилась в Елабуге и занималась литературной работой. Она написала книгу «Кавалерист-девица», а позднее выступила в печати с воспоминаниями «Записки Александра (Дуровой)». Сочинения Н. А. Дуровой привлекли к себе внимание читателей. А. С. Пушкин, признававший ее литературный талант, поместил отдельные главы из ее книги во втором томе «Современника» за 1836 год, всемерно поощрял писательницу к занятиям литературой. Н. А. Дурова написала несколько романтических повестей, из которых получили известность «Ярчук», «Угол», «Клад» и др.

Так, в первой половине XIX века в Вятской губернии появляется круг пишущих авторов. Через сотрудничество в центральных изданиях они совершенствуют журналистское и литературное мастерство, которое окажет затем влияние на становление местной печати. Развитие же в крае просвещения способствовало формированию региональной культуры, развитию грамотности и, следовательно, читающей аудитории.

* * *

1.3.3. «Хлыновский наблюдатель» – первенец вятской журналистики

Истоки вятской журналистики восходят к первому периодическому рукописному журналу «Хлыновский наблюдатель» (1826 – 1827 гг.). Выход журнала связан с именем П. Л. Яковлева. Павел Лукьянович Яковлев (1796 – 1835 гг.), столичный литератор, племянник баснописца А. Е. Измайлова, сотрудник журналов «Благонамеренный», «Невский зритель», «Вестник Европы» и «Сын Отечества», автор многих произведений, приехал в Вятку в 1824 году по служебному делу (для ревизии межевой конторы) и прожил здесь более двух лет, оставив память тем, что стал выпускать рукописный сатирический журнал «Хлыновский наблюдатель». Его первый номер появился в 1826 году. Всего вышло 23 номера, сохранилось 17 [43].

Материалы «Хлыновского наблюдателя» частично опубликованы И. А. Кубасовым в журнале «Русская старина» за 1903 год (№№ 6, 7), в «Приложении к «Вятским губернским ведомостям» за 1904 год (№ 33), а также кировским писателем-краеведом Е. Д. Петряевым в книгах «Люди, рукописи, книги» и «Литературные находки» [44].

Сохранившиеся номера первого вятского журнала имеют формат старинного писчего листа и заключены в прочный картонный переплет. Каждый номер имеет четыре страницы рукописного текста в две колонки. Судя по почерку, журнал не всегда писался одним Яковлевым, хотя все материалы принадлежат непосредственно самому Яковлеву. Это объясняется тем, что некоторые произведения он отдавал переписывать кому-либо из знакомых ему лиц, возможно, за плату. В оформлении заголовка и виньеток проявилось художественное мастерство издателя. Кроме названия «Хлыновский наблюдатель», в заголовке нарисовано тюремное окно с толстыми прутьями и силуэтом заключенного, а рядом эпитафия: «Отколь уйти нельзя, там лучше оставаться». По-видимому, это объясняется своеобразным взглядом автора-наблюдателя на негативные стороны существующей действительности. С другой стороны, может и выражать симпатии автора к событиям декабря 1825 года.

Рисунки, имеющиеся на страницах «Хлыновского наблюдателя», весьма интересны: ведь автор был превосходным акварелистом и карикатуристом, о чем свидетельствуют его многочисленные зарисовки, сделанные во время экспедиции в Бухарию, карикатуры на Дельвига, Кюхельбекера, известные литературоведам [45]. В № 22 заставка под названием меняется: в ней нарисованы гусиное перо, очки. Меняется вместе с заставкой (виньеткой) и эпитафия: «Придите чада, послушайте меня», а последний номер вышел без виньетки и эпитафии. В № 22 представлены также другие рисунки. На л. 32 помещен «Вид Вятского кафедрального собора». Внизу страницы примечание: « В одном из следующих номеров поместим описание его». Однако по каким-то причинам описание это не состоялось. На л. 34 помещен рисунок комнаты

Яковлева в Вятке с надписью: «Вот комната, в которой мыкал горе хлыновский наблюдатель с 23 декабря 1824 года по 18 июля 1826 года. Вот, где родился “Хлыновский наблюдатель”». Этот рисунок ценен тем, что он позволяет проникнуть в духовный мир автора, поскольку характеризует его привычки, вкусы и взгляды, почувствовать творческую атмосферу, в которой рождались страницы под пером описателя нравов вятской провинции. На левой стороне висит портрет, выполненный, скорее всего самим автором «Наблюдателя». На правой стене – две картины. У левой стены стоят клавикорды, у правой – конторка для работы стоя. На ней античный бюст – свидетельство интереса автора к этой культурной эпохе. Посередине комнаты – зеркало. В комнате два кресла, софа и стол. Нехитрое убранство говорит о том, что Яковлев мало заботился о внешней стороне своего быта. Интересен также автопортрет «Разговор с вятской дамой» (л. 30), который позволяет сделать наблюдения над тем, как одевались вятские дамы в середине 20-х годов XIX столетия. На л. 31 изображены весы, на одной чаше которых мяч, на другой книга, причем первая чаша перевешивает: шуточный намек на то, что Яковлев в Вятке нередко отрывался от своих писательских занятий в пользу увеселений... На страницах журнала хлыновский наблюдатель выступает прежде всего как автор шуточных рисунков, карикатурист.

В основных отделах «Наблюдателя» («Внутренние известия», «Смесь», «Словесность», «Нравы», «Мысли и замечания» и др.) помещено много разнообразного материала, почерпнутого из местной жизни. Журнал насыщен юмористическими зарисовками вятских обывателей, живыми сатирико-юмористическими рассказами дидактического характера, едкими замечаниями, осуждающими отрицательные стороны человеческой натуры и т. д. Знакомство с содержанием издания позволяет вычленить несколько главных тем, которые отражены во всех номерах.

Одна из них – противоречие между разными сословиями, безнравственность чиновничье-бюрократического аппарата по отношению к бесправным, неимущим. Вот заметка «Коровы» с язвительным подзаголовком

«Скотоводство»: «... Когда я вижу раскормленную корову и галку и ворону на спине ее, ... сравниваю корову с вице-губернатором, а галку с ревизором! Ни корова, ни губернатор не чувствуют потери немного шерсти и немного денег. Когда галка налетает на тощую корову, из которой уже вытеребили и выщипали половину шерсти, – корове чувствительно, больно ей, но доброе животное только что отмахивается хвостом, которого галка не боится. Как это похоже на русского крестьянина, обобранного, оборванного, и с которого рвут последнее, несмотря на то, что он отмахивается угрозами! Галки и вороны – чиновники по разным поручениям – влетают в стадо коров, ощипывают их и улетают на свои теплые гнезда, не заботясь о благодарности ...» [46].

Другая тема – высмеивание всякого рода аморальных поступков, непорядочности, бездуховности и т. п. «Наблюдатель» высмеивал людей, у которых нет своего лица, а все чужое, заемное – улыбка, манеры, походка, разговор. «Эта рабская копия, – писал автор, – еще несноснее тем, что в ней видно подражание не одному оригиналу, а десяти». Свое наблюдение он подкрепляет поведением купца Садакова, заседателя от купечества в уголовной палате, который «стал подражать министрам, ... подписывать, не читая ...» [47].

П. Л. Яковлев осуждал всякое чванство, считая, к примеру, столичное высокомерие признаком недалекого ума. «... Мне хочется представить провинциалов в их настоящем виде, следовательно, совсем не так, как мы привыкли разуметь их, – писал он. – Собравши все насмешки насчет провинциалов, я вывожу заключение, что в провинциях более людей с характером, более оригинальных характеров ..., а это не стыдно. Оригинал, каков он ни есть, приятнее копий. В провинции вы видите человека, каков он есть ... Провинциал входит в общество просто, свободно ... Но столичный житель ... Несмотря на свою ловкость, на приятный разговор, ... это какая-то машина, имеющая вид человека – много искусства и нет природы. Все у него рассчитано, всякое слово взвешено ... Житель столицы актер..., а провинциал – спокойный зритель ...» [48].

Примечателен и отдел «Виршевание», представленный талантливými стихами Н. Языкова (№ 7. Л. 8), Е. Баратынского (№ 19. Л. 28) и казанского поэта Н. Ибрагимова (№ 18. Л. 25 об.). Н. Ибрагимов известен и как автор журнала «Благонамеренный». Одно из его стихотворений, «Во поле березонька стояла», опубликованное в «Благонамеренном» [49], стало народной песней. О местном поэте-сатирике Ф. А. Слуткине, сотруднике столичного «Благонамеренного», «Наблюдатель» сообщал: «Долго не определяли Слуткина в секретари Вятской уголовной палаты потому, что он пишет шарады! Бедняга, чтоб получить это место, должен был дать клятвенное обещание не писать и не печатать стихов, и вот отчего замолкла его лира ...» [50].

Вместе с тем журнал не был чисто литературным изданием. Представлена была в нем и хроника местных событий: устройство на реке Вятке «обширной беседки с ванною посередине»; открытие благородного собрания, для которого «нанят прекрасный новый дом»; окончание ремонта губернского дома и т. п. «Мы пользуемся прекрасной погодой, – говорится в корреспонденции в № 9. – Первого мая было гуляние в загородном общественном саду ... там собралась вся блестящая публика. И в тот же день открыта в том саду литературная ресторация. Там любители чтения найдут все русские газеты и журналы, не исключая “Горного журнала”, “Коммерческой газеты” и “Прейскуранта”» [51].

Можно сказать, «Хлыновский наблюдатель» представляет бесценный материал для истории края, поскольку автор его был своего рода летописцем событий жизни г. Вятки. В разделе «Внутренние известия» он сообщает даже малозначительные подробности городской жизни, будь то лошадиная ярмарка или публичное испытание учащихся Вятской гимназии. На страницах журнала мы находим упоминание множества лиц: это и полицмейстер А. Н. Казимирский, и губернский прокурор А. Ф. Венмарн и ссыльные коллежский советник Ананьевский, и казачий урядник Дорошкевич, и купец Машковцев, и губернатор А. И. Рыхлевский. В журнале П. Л. Яковлева помещались также «мудрования» – замечания и мысли общего характера; в беглых заметках издатель касался самых различных тем: о воскресных визитах к начальству,

о любителях подолгу жить гостем, о женских ссорах и «обезьянстве» в одежде и занятиях, о свадьбах и многое другое.

Таким образом, журнал содержит множество любопытных фактов и для историка, и для краеведа, и просто для любого читателя, поскольку он найдет в нем множество зарисовок, анекдотов, источником которых послужила жизнь Вятского края в середине 20-х годов XIX века и все эти произведения написаны острым и наблюдательным пером.

Весьма любопытна публикация вятских диалектов в одном из номеров, говорящая о лингвистических наблюдениях автора и о том, что он был одним из первых филологов, заинтересовавшихся вятской диалектной речью. Вот некоторые редкие слова, приведенные в ней: *язгаться* – общаться, *ратовище* – копье, *ченинка* – кусочек стекла, *рундук* – ступени крыльца, *матуха* – корова, *отапок* – лапоть, *начесь* – вчера [52].

Опыт выпуска первого вятского рукописного журнала П. Я. Яковлев повторил, оказавшись в 1828 году в Саратове, где в числе других числился издателем также рукописного «Саратовского колониста». Об этом свидетельствует тот же документ, хранящийся в рукописном отделе Российской Национальной библиотеки [53].

«Хлыновский наблюдатель» представляет собой издание одного автора. П. Л. Яковлев выступил в нем одновременно в качестве издателя, редактора и автора. Появление первого периодического рукописного журнала в крае утвердило местных авторов в возможности функционирования собственной журналистики, стимулировало их к творчеству.

Некоторые произведения, помещенные в «Хлыновском наблюдателе» и созданные на местном материале, П. Л. Яковлев затем опубликовал. Так, например, рассказ «Разбойники», где действие происходит в г. Сарапуле, был напечатан в «Календаре муз на 1827 год» – альманахе, изданном им совместно с А. Е. Измайловым. Наибольший интерес представляет путевой очерк Яковлева «Поездка в Вятку», опубликованный в этом альманахе. Публикация носит этнографический и бытописательный характер. Цель автора – познакомить

читателей, жителей России, с малоизвестным уголком провинции, с его обычаями, нравами, историей. Автор описывает свои впечатления, включая дорогу из Москвы в Вятку, поездку в городок Кай, посещение им Великорецкого крестного хода. П. Л. Яковлев был первый из профессиональных писателей, кто описал Вятский край, запечатлел его народ, его быт, праздники и обычаи, проторив, таким образом, дорогу другим, более известным писателям – А. И. Герцену, М. Е. Салтыкову-Щедрину, В. Г. Короленко, которые описывали Вятку уже в другое время и по-своему. Однако Яковлев был первым, кто взглянул на Вятку не равнодушным взглядом писателя, а отнесся к этому краю с любовью, видя в нем неповторимую прелесть одного из самобытных уголков необъятной России.

Таким образом, к середине XIX века в Вятской губернии складывается благоприятная обстановка для развития в крае местной журналистики и литературы, книгоиздательского дела, что было обусловлено несколькими факторами:

- зарождением письменности, духовной и светской литературы в контексте общероссийской словесности;
- развитием экономики и промышленности в крае, что обеспечит местную журналистику материально-производственной базой, появление губернской и частных типографий;
- ростом культуры и просвещения, чему способствовали открытия духовных и светских учреждений, школ, управленческих структур, библиотек; общей возросшей потребностью провинции в удовлетворении культурных и информационных запросов. Все это создавало потенциальную аудиторию местной периодики и литературы;
- укреплением экономических и культурных связей Вятки с центром страны, распространением центральной печати в губернии, влиянием на

общественное сознание вятчан передовых взглядов оказавшихся в губернии столичных интеллигентов;

– формированием местной творческой интеллигенции, кадров региональной журналистики и литературы.

Примечания

1. Лихачев Д. С. Заметки о русском. – М., 1984. – С. 7.
2. Вахрушев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века). – Ижевск, 1994. – С. 7.
3. См.: Очерки истории Кировской области. – Киров, 1972; Эммаусский А. В. История Вятского края в XVII – середине XIX века. – Киров, 1996.
4. Ученова В. В. От вековых корней: Становление публицистики в русской культуре. – М., 1985.
5. Вахрушев А. А. Агиографическое начало в культурно-историческом становлении вятского края // Обсерватория культуры, 2010. № 1. – С. 112.
6. Вятский Успенский монастырь при преподобном Трифоне (По подлинному документу 1601 года). – Вятка, 1902. – С. 10 – 11.
7. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии. Вып. II. – Вятка, 1902. – С. 106.
8. См.: Севастьянов А. Н. Рост образованной аудитории как фактор развития книжного и журнального дела в России (1762 – 1800). – М., 1983.
9. Луппов С. П. Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века. – Л., 1983.
10. Эммаусский А. В. Указ. соч. – С. 83.
11. Там же. – С. 5.
12. Труды Вятской ученой архивной комиссии. – Вятка, 1912. Вып. I – II.
13. См.: Низов В. В. Новый памятник вятской письменности XVII века // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой

- архивной комиссии): Тез. докл. и сообщ. к межрег. научн. конф. – Киров, 1994. – С. 316 – 321.
14. Бычков И. А. Каталог славянских русских рукописей П. Д. Богданова. Вып. 1. № 88. – СПб., 1891. – С. 149 – 150.
 15. Цит. по: Слово о книге: афоризмы, изречения, литературные цитаты / Сост. Е. С. Лихтенштейн. – М., 1984. – С. 85.
 16. История Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости, 1868. № 1. – С. 14.
 17. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии. Вып. II. – Вятка, 1902. – С. 117.
 18. Эммаусский А. В. Указ. соч. – С. 141.
 19. Там же.
 20. Там же.
 21. Там же.
 22. Верещагин А. С. Вятские стихотворцы XVIII века. – Вятка, 1896. – С. 3, 4.
 23. См. подробнее: Верещагин А. С. Указ. соч.; Изергина Н. П. Писатели в Вятке. – Киров, 1979.
 24. Цит. по: Верещагин А. С. Указ. соч. – С. 33.
 25. Верещагин А. С. Указ. соч. – С. 57.
 26. Вятская земля в прошлом и настоящем: В 5 т. Т. 2 / Отв. ред. В. А. Поздеев. – Киров, 1995. – С. 6.
 27. См. подробнее: Бердинских В. А. Ермил Костров. Судьба поэта. – Киров, 1989.
 28. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. – М., 1955. – С. 111.
 29. Севастьянов А. Н. Указ. соч. – С. 8.
 30. Столетие Вятской губернии. 1780 – 1880. Т. II. – Вятка, 1881.
 31. Эммаусский А. В. Указ. соч. – С. 200.
 32. Там же.
 33. Васильев М. Г. История Вятской гимназии за 100 лет ее существования. – Вятка, 1911. – С. 6.

34. Там же. – С. 6, 61.
35. См. подробнее: Васильев М. Г. Указ. соч.
36. Юрьев В. Народное образование в Вятской губернии в царствование императрицы Екатерины II: Материалы к истории Вятской гимназии по поводу ее столетия (1786 – 1886). – Вятка, 1887. – С. 57.
37. Васильев М. Г. Указ. соч. – С. 71, 73, 78.
38. Там же. – С. 110.
39. Там же. – С. 51.
40. История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): Тез. докл. и сообщ. к межрег. науч. конф. – Киров, 1994. – С. 322.
41. См.: Лузянина Л. Н., Поздеев В. А. Рукописная пьеса «Маленький щелчок Минерве» // Герценка: Вятские записки. Вып. 9 / Редкол.: С. Ю. Горбачев, Н. П. Гурьянова, В. И. Курилова и др. – Киров, 2000. – 143 с.
42. Петряев Е. Д. Люди, рукописи, книги. – Киров, 1970. – С. 34.
43. Российская национальная библиотека (РНБ), отд. рук. F XVIII, № 54.
44. Петряев Е. Д. Указ. соч. – С. 5 – 32; Он же. Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. – Киров, 1981. – С. 9 – 32.
45. См.: Вацуро В. Э. Из истории литературного быта пушкинской поры. – М., 1962. – С. 11.
46. Хлыновский наблюдатель, 1826, № 18. Л. 24.
47. Там же. – № 9. Л. 9.
48. Там же. – № 7. Л. 5 об.
49. Благонамеренный, 1825. № 19. – С. 203.
50. Хлыновский наблюдатель, 1826, № 6. Л. 5.
51. Там же. – № 9. Л. 9.
52. Там же. – № 19.
53. Российская национальная библиотека (РНБ), отд. рук. F XVIII, № 55.

ГЛАВА II. ВЯТСКАЯ КНИЖНОСТЬ. ЭВОЛЮЦИЯ ТИПОГРАФСКОГО, КНИЖНОГО И БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА

Литературная и книгопечатная деятельность в России проявляется повсеместно еще в дореформенный период, захватывая постепенно и отдаленные провинции. В конце XVIII – начале XIX века складывается тип местной книги и периодического издания.

Если до начала 1760-х годов журналистская, книготорговая, издательская деятельность в России развивалась медленно и не везде, то с началом царствования Екатерины II происходит издательский бум. Общий подъем умственной жизни с приходом новой императрицы, ее покровительство литературной и типографской деятельности способствовали резкому увеличению количества издаваемых в России книг. В первое же десятилетие екатерининского царствования книгоиздательская деятельность настолько усилилась, что число ежегодно выходивших изданий увеличилось почти в пять раз по сравнению с предыдущим десятилетием [1]. И что важно: книга в конце XVIII века стала проникать в самые отдаленные города России. В этом большая заслуга деятельности вольных типографий и в, частности, Н. И. Новикова, размах и организация издательского и книготоргового дела которого были на самом высоком уровне.

Безусловно, важным фактором расширения книжного пространства следует считать возникновение типографий в провинции. Исходным моментом их появления послужил правительственный указ 1773 года об учреждении типографий при губернских правлениях «в облегчение излишнего приказно-служителям затруднения» [2]. Указ этот, однако, в силу объективных трудностей (отсутствие подобного опыта, необходимых средств и кадров) не был реализован своевременно и «сработал» позднее, главным образом во

второй половине 80-х и в 90-х годах. Первыми, после столиц, городами, которые обзавелись типографиями, были Астрахань и Кременчуг (1765 г.) [3]. Обе эти типографии, как, впрочем, и остальные, возникшие вслед, на первых порах служили исключительно для казенных надобностей. Из-за скудного их оборудования местные авторы не могли напечатать там свои работы. Даже мелкие стихотворные произведения, писавшиеся, например, семинаристами по различным торжественным случаям, отдавались для печатания в столицы.

Решающее значение для развития книгоиздательского дела в России имел указ 15 января 1783 года о разрешении каждому заводить где угодно вольные типографии. Указ предписывал «... типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий» [4]. С этим знаменательным актом в истории русского просвещения связан период возникновения типографского и издательского дела в провинции. Указ 1783 года был важен не столько тем, что разрешалось каждому заводить типографии, сколько в том отношении, что сильно увеличившаяся частная типографская деятельность в столицах вызвала, благодаря книжной торговли, значительный наплыв книг и в провинцию. В то же время стали открываться разрешенные еще указом 1773 года типографии при губернских правлениях.

Известный историк книжного дела А. В. Блюм выделяет три этапа развития провинциального книгоиздательства в дореволюционной России [5]. Первый – 1784 – 1808 гг. – возникновение типографского и издательского дела. В течение четверти века типографии возникли в 26 центрах, наиболее активно они действовали в Ярославле, Калуге, Тамбове, Тобольске, Курске, Воронеже, Смоленске и Владимире. В конце 1796 года цензурно-правовое положение местной книги ухудшается: если ранее она подвергалась предварительному просмотру на местах, то теперь, в связи с введением централизованной цензуры, она должна была просматриваться только в двух цензурных комитетах – Санкт-Петербургском и Московском. В 1807 году был создан также цензурный комитет при Казанском университете. С Казанью связан второй этап – 1809 – 1837 гг., где книжное дело в это время было поставлено

образцово (казанская типография открыта в 1805 году). В целом, по России в этот период наблюдается упадок в отрасли. Третий этап – 1838 – 1860 гг. С 30-х годов и до 60-х годов XIX века печать российской провинции была представлена практически только официальными губернскими «Ведомостями». Хронологически до «Ведомостей» провинциальные газеты появлялись лишь эпизодически (ярославский ежемесячник «Уединенный пошехонец», 1786 г., тобольский ежемесячник «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», 1789 – 1791 гг. и некоторые другие) [6]. Появление губернских «Ведомостей», в свою очередь, оживило деятельность местной полиграфической промышленности, привнесло импульс журналистскому творческому процессу.

Основное количество всей местной книжной продукции в конце XVIII – начале XIX веков, по исследованию А. В. Блюма, составляли беллетристика и переводная литература [7]. Значительное место занимали и книги по философии и естественным наукам. Также намечался тип краеведческого издания, ставший к середине XIX века доминирующим.

В целом, характер местной издательской деятельности был обусловлен просветительскими настроениями в среде провинциальной интеллигенции и экономическими соображениями издателей, понимавших, что слабый губернский рынок не в состоянии поглотить всей собственной книжной продукции. Поэтому было стремление издавать литературу для всей России.

2.1. Возникновение типографского и издательского дела в губернии

В числе первых губернских типографий была и Вятская. Она открылась 15 апреля 1797 года [8]. Так как в Вятке не было ни одного наборщика, губернатор обратился в Петербург с просьбой помочь местной типографии. Из столицы был направлен Андрей Яковлев, наборщик типографии Академии наук, фактически первый местный полиграфист. Губернская типография стала колыбелью печатного дела в крае. С 1838 года здесь печатается орган местной

администрации «Вятские губернские ведомости», дававший большую часть дохода типографии.

В 1838 же году в Вятке открывается первая частная типография купца К. Я. Блинова. Позднее в губернском центре возникли еще две частные типографии, в 60 – 70-е годы они стали создаваться и в уездных городах – Котельниче, Слободском, Нолинске... Одним из крупных печатных центров в губернии становится уездный город Сарапул, где первая частная типография купца А. Старкова возникает в 1866 году. В 1875 году она перешла во владение А. Пойловой, а с 1888 года – И. Колчина [9].

Большую роль в развитии печатного дела в крае сыграла писчебумажная промышленность. В дореформенный период в губернии производили только писчую, оберточную и чайную бумагу, а с 1870-х годов на двух фабриках, наряду с прочей, изготавливается и печатная бумага, вятская бумага довольно широко распространялась по стране: ее продавали в Москве, Казани, Астрахани, на крупнейших ярмарках [10].

На первых порах типографии специализировались на производстве канцелярской и прочей бумаги, всевозможных бланков. Но были исключения. В 1837 году в губернской типографии была отпечатана отдельной листовкой замечательная речь А. И. Герцена, пламенный гимн книге, которую он произнес 6 декабря 1837 года при открытии Вятской публичной библиотеки, ныне носящей его имя (об участии А. И. Герцена в организации библиотеки см. в разделе 2.6). Считается, эта листовка была первым литературным произведением, напечатанным в Вятской губернской типографии [11]. Речь А. И. Герцена о значении книги стала хрестоматийной. Тем не менее, позволим напомнить отрывок из этой речи: *«...Опыт, написанный и брошенный в общее употребление, есть книга. Книга – это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить; приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место. Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Она росла вместе*

с человечеством, в нее кристаллизовались все учения, потрясавшие умы, и все страсти, потрясавшие сердца; в нее записана та огромная исповедь бурной жизни человечества, та огромная аутография, которая называется всемирной историей. Но в книге не одно прошедшее; она оставляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего, во владение всей суммы истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она – программа будущего. Итак, будем уважать книгу!» [12].

Более разнообразной продукция типографий становится в 50-е годы. В 1853 году губернская типография напечатала «Памятную книжку о состоянии в государственной и общественной службе по Вятской губернии на 1854 год». Кроме списка должностных лиц, в ней содержались некоторые статистические и справочные сведения по губернии. Она и является первой известной нам вятской печатной книгой. До 50-х годов, несмотря на наличие технической базы (частная типография К. Я. Блинова еще в 1846 году установила выписанную из Германии скоропечатную машину; для губернской типографии такую машину приобрели в 1867 году) [13], в Вятской губернии книги не печатались. Один из современников объяснял это тем, что в Вятке почти нет людей, занимающихся изданием своих сочинений [14]. Но вряд ли это утверждение правомерно. В Вятке к этому времени было достаточно людей, занимающихся литературным творчеством и желающих, естественно, издаваться (см. главу I). Другое дело, не успели «созреть» местные издатели.

Первым книгоиздателем в Вятке был владелец типографии К. Я. Блинов. В 1856 году он стал принимать заказы на печатание книг. Среди первых книг К. Блинова, которые, кстати, выставлялись на Петербургской промышленной выставке 1861 года и удостоились серебряной медали, были «Походные записки в войну 1853 – 1856 гг.» в двух частях П. В. Алабина (см. о них в следующем разделе) и русский перевод «Книги Иова», сделанный вятским епископом Агафангелом [15]. До 1860 года в типографии К. Блинова было отпечатано 12 различных произведений [16].

Прогресс типографского дела, полиграфии, обусловленный вступлением России в эпоху капитализма, бурным развитием промышленности и торговли, транспорта и т. д., сказывается, естественно, и на развитии культуры и литературы в целом [17]. Увеличение числа типографий ускоряет это развитие и, прежде всего, книгоиздательское дело. В 1870 году в губернии насчитывалось 10 типографий, в 1897 году – 17. К началу первой мировой войны их будет уже целых 28 [18]. Очевидной становится взаимосвязь роста просветительских тенденций, народного образования и книжной культуры в крае.

Н. А. Добролюбов на страницах «Современника» в 1859 году дал яркую характеристику духовного развития провинции: «Подумаешь, право, что в России везде, кроме столиц, люди спят и рта открыть не умеют, двух мыслей не свяжут, особенно на бумаге. А между тем это вовсе неправда: в провинциях-то и живут люди, рассуждающие серьезно, интересующиеся наукой и литературой, с любовью следящие за современным направлением мысли» [19]. Эти слова Н. А. Добролюбова в полной мере можно отнести в адрес Вятской губернии. Завидной активностью отличалась здесь интеллигенция. Природу ее активности точно определил В. И. Ленин: «Почти полвека существует земство дворянское, обеспечивающее безусловное преобладание помещика феодального (по-русски: крепостнического) типа. И лишь в некоторых губерниях, например, Вятской, где почти нет дворянского землевладения, земство носит более мужицкий характер» [20].

Этот «мужицкий характер» и объясняет демократизм земской деятельности вятчан, особенно когда это касалось просвещения народа. Неслучайно к началу XX века Вятская губерния среди губерний России в деле народного образования занимала ведущее положение. Например, число школ в 1903 году по земствам распределялось таким образом: Вятское – 1088, Пермское – 953, Полтавское – 848, Московское – 828, Курское – 800 и т. д. [21].

2.2. Издательская деятельность земств и других учреждений

Просветительство становится делом первостепенной важности с введением в губернии земских учреждений (1867 г.). Как писал вятский публицист П. А. Голубев, «... земства с первых лет особенное внимание начали обращать на удовлетворение народных нужд в просвещении, медицине и на экономические мероприятия, касающиеся, главным образом, крестьянства, которое здесь составляет от 95 до 98% всего населения» [22]. Надо сказать, вятское население отличалось неизменной тягой к знаниям. На это обращали многие, посещавшие губернию. «Народ здесь в высшей степени любознательный, развитой, охотно учится, готов идти вперед, готов просветиться, готов покупать книги», – писал общественный деятель и писатель П. В. Алабин [23]. Вятское земство активно шло навстречу «готовности просветиться», создавало благоприятную почву для подъема культурной и общественной жизни края, стремилось к тому, «... чтобы хорошие книги были в каждой крестьянской семье, как предметы самой первой и самой существенной необходимости, чтобы каждый грамотный крестьянин мог пользоваться ими всегда и, как собственник этих вещей, мог свободно отдавать их другому для прочтения в обмен на книги, принадлежащие соседним семействам и чтобы, следовательно, каждая самая глухая деревушка через посредство обучившихся и обучающихся в школе детей, могла обладать, наконец, известным запасом книг для народного чтения, живое обращение которых между грамотным населением деревни могло бы вполне удовлетворять всем нравственным и умственным потребностям этого населения» [24].

Одной из ярких страниц деятельности вятских земцев была организация книгоиздательства. Оказывая особую заботу внешкольному образованию, Вятское земство в 60-е годы издает учебные пособия для начальных школ: «Азбука для вятских детей» (1867 г.), «О способах обучения предметам учебного курса начальных народных училищ» (1868 г.), «Грамота» (1869 г.), составленные вятским литератором, учителем и священником Н. Н. Блиновым.

Еще раньше, в 1866 году, в Елабуге выходит «Букварь и первая учебная книжка» А. Ислентьева [25]. Книги начали издаваться также в Малмыже, Уржуме, Котельниче. Предпринимаются попытки наладить распространение книги, организуются книжные склады. Один из первых таких складов не только в Вятской губернии, но и в России, был открыт Уржумским уездным земством в 1872 году [26]. Вятское земство открыло книжный склад в 1894 году, заведовал которым известный позднее книгоиздатель Н. П. Ложкин, и добилось в деле распространения книг замечательных успехов.

Книжные склады начали возникать в России в 60-х годах; основательное развитие получили в начале 90-х, когда снова пробудились просветительские стремления русского общества и оживилась деятельность комитетов грамотности. К началу XX века в стране насчитывалось свыше 900 книжных складов [27], причем пальма первенства в их организации принадлежала земствам, которые искали новые пути и средства к широкому распространению книг среди населения. Как отмечал обозреватель «Русской мысли», «... склады эти заслуживают особенного внимания прежде всего потому, что через них **скорее и легче может дойти до народа хорошая книга** (выделено нами – А. В.), так как ... не стеснены в выборе книг всевозможными каталогами и списками...» [28]. Среди губернских земств, добившихся незаурядных результатов по организации и широте деятельности книжных складов «Русская мысль» выделяет Саратовское и Вятское.

Вятский книжный склад, положивший начало организованной книжной торговле, имел 14 отделений во всех уездных городах и некоторых селах губернии. «Книжная торговля открыта губернским земством с тем, – писал П. А. Голубев, – чтобы все выгоды от нее шли только на удешевление книги, с этой целью земство, получая от книготорговцев и издателей на книжном товаре скидки от 30% и более, само взимает при продаже действительную стоимость только с надбавкой 5%. Земская книжная торговля, делая громадную скидку покупателю на книгах, стоит вне всякой конкуренции с частной торговлей...» [29]. Но видное место заняла продажа и обмен собственных

изданий склада, которые прежде всего были предназначены для многочисленных сельских библиотек губернии, чтобы улучшить их состав путем подбора в них избранных из разрешенных книг.

«Начало издательской работы Вятского земства относится к 1894 – 1895 годам, когда оно приступило к организации 3.000 сельских библиотек, – вспоминал Н. П. Ложкин. – В результате длительной борьбы земство добилося разрешения учредить эти так называемые Батуевские библиотеки (по имени их инициатора председателя земской управы А. П. Батуева)... Для дешевых библиотек потребовались и дешевые книги, и земство, естественно, пришло к мысли об организации собственного издательства, так как в Вятке были все условия для удешевления книги: дешевая типография и дешевая бумага, работа же по выбору изданий и наблюдению за их печатанием выполнялась земскими работниками (зачастую и в сверхурочное время) без какой-либо особой оплаты... В первую очередь были напечатаны ряд классиков, несколько исторических романов, детских книг. Далее шли книжки по прикладным знаниям, по сельскому хозяйству, по медицине и ветеринарии... Книжки Вятского земства, напечатанные четким шрифтом на хорошей бумаге, пользовались большой популярностью» [30].

Широкий размах книгоиздательская деятельность Вятского губернского земства получила во многом благодаря неутомимой энергии и благородной жажде оказать посильную помощь своему народу председателя правления А. П. Батуева. Известный русский книгоиздатель И. Д. Сытин, лично знавший его, писал о нем в своих воспоминаниях: «Зная и деревню и город не понаслышке, а по личному опыту, он понял, что главное усилие земства должно быть направлено в сторону образования, и легко, быстро добился того, что Вятская губерния заняла в этом отношении одно из первых мест в России.

Как человек удивительно обаятельный и милый, Батуев сплотил вокруг себя целый кружок прекрасных работников и задался мыслью искоренить в своей губернии безграмотность и бескнижность. Сразу, в один прием, он

создал три тысячи бесплатных деревенских библиотек, и я с удовольствием вспоминаю, что с этим заказом он по старой памяти обратился ко мне.

Списки книг Батуев составлял сам и умел в это дело внести свои познания образованного человека и свой торговый опыт купца.

– В каждой библиотеке должны быть 100 книг, и все и все они вместе должны стоить не дороже рубля.

Этот заказ Батуев повторял ежегодно и всякий раз обновлял и дополнял свои списки. А рядом с тем он широко развивал и прежнюю издательскую деятельность земства, внося в это дело свой ум, и свою широту, и свой торговый опыт» [31].

Предложение организовать во всех сельских обществах 3.000 пятирублевых библиотек А. П. Батуев выдвинул еще будучи гласным губернского земства. В 1894 году в докладе о сельских библиотеках управа ходатайствовала об ассигновании 15.000 рублей на их устройство, которые и были учреждены в 1896 году (после неожиданной трагической кончины Батуева) как библиотеки покойного председателя – «батуевские библиотеки» [32]. По инициативе Батуева и других видных членов земство активно издавало в Вятке произведения русских и зарубежных писателей-классиков, а также местных авторов.

В первые же годы издательской деятельности земством были выпущены произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамина-Сибиряка, М. Н. Загоскина и др. К 50-летию со дня смерти Н. В. Гоголя оно выпустило в 1902 году трехтомное собрание его сочинений с рисунками известных художников, которые редактировал И. Репин. Иллюстрации печатались в Москве [33].

Губернская управа не ограничивалась выпуском книг лишь для сельских библиотек, предприняв целый ряд изданий для продажи, чем достигла еще большего удешевления книг.

Издательство той или иной книжной продукции было всегда продуманно, применялись и приемы, как бы мы сегодня сказали, сегментирования рынка.

Приступая к осуществлению дешевого народного издания сочинений Н. В. Гоголя, управа решила предварительно выяснить, может ли это издание рассчитывать на успех и с этой целью обратилось ко всем земствам с циркулярным письмом, где, сообщая о содержании предполагаемого сборника, просила указать, в каком количестве земства пожелают приобрести сочинения Гоголя в издании Вятского земства. В результате поступили просьбы увеличить ориентировочный тираж (8.000 экз.). Расчеты показали: если требования на книгу достигнут до 10 тыс. экземпляров, то, не увеличивая цены книги, можно будет выпустить ее с иллюстрациями, что особенно важно для народного издания; кроме того, для земских библиотек можно будет отпечатать 3 тыс. экземпляров сверх комплекта, что даст возможность земству получить два больших тома сочинений писателя почти в 1.000 страниц приблизительно за 55 коп... [34].

Практиковалось земством и издание школьных картин для наглядного обучения, которые, в отличие от выписываемых из-за границы, стоили раз в десять дешевле. При подготовке их к выпуску тщательно разрабатывалась каждая подробность. Вот, например, какие были рекомендации к будущим картинам по зоологии и ботанике: «Целая серия картин должна быть посвящена изображению разных представителей животного и растительного царства, причем картина в интересах наглядности не должна давать изображение только животного или растения на белом фоне, а должна по возможности показывать и занимаемое ими место в природе, и их значение для человека. Так, изображая дуб, не следует пропускать и дятла, который уничтожает личинки дубового короеда, нужно изобразить и ходы, проделанные этим жучком в коре дерева, нужно изобразить гнездо дятла и ту мушку, которая является причиной так называемых чернильных орешков. Такая картина полнее ознакомит ребенка с живой природой и скорее научит его понимать и любить Божий мир» [35]. Все это свидетельствует о серьезной, строго продуманной системе издательской деятельности Вятского земства, в основу которой положены прежде всего интересы духовного развития народа.

Нельзя не отметить и попытки земцев развить также книжную торговлю в разнос. Наем книгонош, контроль и расчет с ними взяли на себя уездные земства, доставку же книг производил книжный склад.

Надо сказать, книгоноши, или офени, были первыми, а до появления земских книжных складов и единственными проводниками печатного слова в народные массы. С коробом за плечами вдоль и поперек колесили они по российским просторам, заноса свой товар в самые отдаленные, в самые глухие уголки. Всюду их принимали тепло и радушно, ибо книги начинали играть все большую роль в обиходе крестьянской жизни. Главным предметом офениной торговли являлась икона, затем следовали книги и картины, на третьем месте – так называемая «галантерея». Но постепенно, по свидетельству тех же офень, как отмечает обозреватель «Русской мысли» Н. Тулупов, торговля книгами неуклонно развивалась, количество грамотных людей увеличивалось, и требования, которые предъявлялись к книге, повышались. Лучшая книга имела уже больше шансов на сбыт, чем лубочные издания [36].

Усилила спрос на книгу и организация **народных чтений**, позволившая вовлечь в «орбиту просвещения» самые широкие слои населения. Народные чтения, которые стали организовываться в 90-е годы, нередко собирали многочисленные аудитории. Ссылаясь на сообщение корреспондента «Волжского Вестника» об открытии в Вятке народных чтений, журнал «Русская мысль» писал: «С 13 ноября (1895 г. – А. В.) начались ... народные чтения, которые происходят каждый праздник в одном из земских зданий при громадном стечении публики. Стечение публики бывает настолько велико, что довольно просторная зала, могущая вместить до 500 человек, оказывается тесною...» [37]. При возможности эти чтения сопровождалось с использованием волшебного фонаря с картинками, что особенно притягивало людей. А книги, прочитанные в аудитории, как правило, раскупались потом нарасхват. Поэтому нередко чтения совмещали с продажей книг. «Бедность народа не позволяет ему самому взяться за образование своих детей,–

продолжает «Русская мысль», – но когда средства имеются, на сцену выступает крестьянская инициатива в деле распространения просвещения» [38].

Среди книг, пользовавшихся у населения наибольшим спросом в этот период, были: *духовно-нравственные* «Псалтирь» и «Евангелие», «Краткий молитвослов», «Новый завет», сборник молитв и другие; *художественные* «Три смерти», «Осада Севастополя», «Бог правду любит», «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, «Три друга» Д. Н. Мамина-Сибиряка, «Сигнал» В. М. Гаршина, «Убивец», «В ночь на Светлый праздник», «Дети подземелья» В. Г. Короленко, «Про счастливых людей» Г. И. Успенского и другие [39].

Важной частью программы формирования круга народного чтения была бесплатная раздача книг. В этом отношении, например, заслуживает внимания издание губернским земством сочинений А. С. Пушкина к 100-летию юбилею поэта.

Для крестьян Вятской губернии 1898/99 сельскохозяйственный год выдался крайне тяжелым от неурожая. Передовая демократическая интеллигенция, прежде всего земские служащие, приложили много усилий к организации помощи населению. Среди пришедших на помощь были и сотрудники столичных редакций «Русских ведомостей» и «Русского богатства», артисты Малого театра, писатель В. Г. Короленко [40]. И даже в обстановке тяжелого голодного года столетие А. С. Пушкина Вятское земство отметило широко.

До этого в течение пяти лет, с 1894 по 1898 годы, земство, получив право широкого выбора книг, уже предоставило грамотным крестьянам все основные произведения Пушкина, выпущенные отдельно и в сборниках общим числом до 30 названий в количестве 22 760 экземпляров. И это, считала губернская управа, далеко недостаточно, что предстоящий юбилей поэта должен явиться ему общенародным гимном, в котором Вятскому земству, представляющему трехмиллионное население пяти народностей, должен принадлежать не последний голос [41]. В этой связи управа приняла решение выпустить книгу

избранных сочинений Пушкина тиражом 13 тыс. экземпляров. Помог это осуществить московский издатель К. М. Тихомиров. 11 тысяч пошли на раздачу взрослому населению, две тысячи – для продажи и на раздачу ученикам земских училищ. Изящная книга в 440 страниц с портретом и вступительной статьей в прочном переплете стала для вятчан бесценным подарком. В нее вошли все лучшие стихотворения, сказки, поэмы, драматические и прозаические произведения. На титульном листе стояло: «В память столетия со дня рождения гениального русского народного поэта Александра Сергеевича Пушкина (26 мая 1799 – 26 мая 1899) населению Вятской губернии от Вятского губернского земства, по постановлению земского собрания созыва 1898 года» [42].

Раздачей этого сборника распространение книг поэта не ограничилось. Земский книжный склад приобрел 75 изданий всевозможных типов – от полного собрания сочинений до отдельного произведения. Большинство среди них были издания Ф. Ф. Павленкова (32 названия). Они продавались в самой Вятке и в отделениях склада в уездах. Кроме книг, можно было приобрести портрет А. С. Пушкина (он продавался в девяти вариантах от 2 до 25 копеек), несколько альбомов, большие картины-иллюстрации, выполненные С. С. Соломко на сюжеты «Сказки о царе Салтане», «Каменного гостя», «Утопленника», коллекцию открыток, набор «Пушкинской почтовой бумаги».

За шесть лет среди населения губернии земство распространило около 85 тысяч экземпляров произведений великого писателя и много других, связанных с его именем [43]. Для того времени, безусловно, это громадные цифры.

В Вятке и других городах губернии иной раз издавались и **первые** книги известных людей России, и эти книги нередко служили путевкой в большую литературу. В этой связи нельзя не упомянуть, например, Петра Владимировича Алабина (1824 – 1896 гг.), общественного деятеля в области

культуры и образования, писателя и журналиста, историка и этнографа. П. В. Алабин был связан с Вяткой с 1857 по 1866 годы и много сделал для подъема культурного уровня Вятского края. Именно здесь он начинается как писатель, подготовив и напечатав, как мы уже отметили выше, в типографии купца К. Я. Блинова в 1861 году свою первую книгу «Походные записки в войну 1853 – 1856 гг.» в двух частях. Эти походные записки академик Е. В. Тарле назвал правдивыми и драгоценными для истории» [44]. В Самаре, где затем служил Алабин, он издал вторую книгу под названием «Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1855 – 1856, 1877 – 1878 гг.» (Ч. I – III, Самара, 1888 – 1893 гг.). Вторая и третья части этой книги были выпущены и в Москве, а третья напечатана в Петербурге отдельной книжкой. Четвертую часть своего труда писатель не успел завершить.

Две изданные крупные книги дали основание назвать П. В. Алабина русским военным писателем. Активный очевидец Крымской эпопеи, он, сочетая художественную и документальную прозу, рисует запоминающиеся картины войны в хронологической последовательности, воссоздает яркие страницы увиденного и пережитого. Написанные им произведения стоят в одном ряду с произведениями «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого, «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского, «Малахов курган» С. Григорьева и др.

После военной службы Алабин работает помощником, управляющим Вятской удельной конторой, много занимается культурной и общественной работой, пишет свою первую книгу. Сотрудничает в губернских и «Епархиальных ведомостях», печатая статьи по истории, литературе, археологии, ботанике: «Ананьинский могильник», «Крестьяне-братья», «Атмосферические явления в Вятке», «К сельским хозяевам и любителям природы» и др. [45].

В 1860 году П. В. Алабин выпустил сборник «Русских стихотворений для чтения простолюдинам и жизнеописание Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слепушкина», который был переиздан через два года

в Петербурге. Он активно участвует в работе Вятской публичной библиотеки, в создании женской гимназии. В 1866 году за заслуги перед вятчанами ему присваивают звание почетного гражданина Вятки [46].

Из Вятки Алабин посылает также заметки, статьи в столичные издания «Санкт-Петербургские ведомости», «Северная пчела», «Русская старина», «Голос», «Маяк» и другие, переписывается с видными писателями и издателями. В Рукописном отделе Российской национальной библиотеки в С.-Петербурге хранятся письма П. В. Алабина к И. С. Аксакову и к А. А. Краевскому. «Милостивый Государь Андрей Александрович! – пишет он, в частности, в марте 1863 года А. Краевскому. – Препровождаю небольшую статейку, не признаете ли возможным поместить в “Голосе”».

Следующую корреспонденцию я намерен посвятить учебной части в Вятском крае, сделать очерк училищ высших и низших, библиотек, народных школ. Если успею, в ту же корреспонденцию вложу очерк здешних больниц и состояния врачебной части, затем особую корреспонденцию посвящу обзору тюрем, нищенства, богоугодных заведений, приютов...» [47].

В 1866 году П. В. Алабин переезжает в Самару, где прожил до 10 мая 1896 года, до своей кончины.

Среди многочисленных авторов, издаваемых земством, пользовался популярностью и И. И. Лажечников. Его романы «Ледяной дом» и «Басурман» в количестве 3.000 экземпляров было решено издать для сельских библиотек без права продажи в магазинах [48]. Оба романа печатались в типографии В. С. Малышева в 1898 году в Вятке маленькими карманными книжками: «Ледяной дом» в четырех книжках по 154 – 155 страниц каждая, а «Басурман» в трех книжках по 190 страниц каждая. Оба романа были тщательно выверены редактором А. Сосницким по первому полному собранию сочинений И. И. Лажечникова в 12 томах (изд. М. О. Вольфа) [49]. Книги писателя разошлись по всей губернии и стали доступны широкому кругу читателей.

Надо сказать, имя И. И. Лажечникова уже было известно вятчанам благодаря публикации о нем в «Вятской газете». 26 июня 1897 года под

заголовком «Дни кончины замечательных людей» газета писала, что в июне 1886 года, 11 лет назад, скончался замечательный русский писатель А. Н. Островский, а 26 июня 1869 года, 27 лет назад, скончался писатель Иван Иванович Лажечников, который «... верно рассказал про историю земли русской. Лучшее его произведение – это «Басурман», исторический роман, в котором он изобразил жизнь и порядки в России в конце XV столетия, во время царствования Иоанна III, показал, какие понятия тогда были у народа,.. рассказал о том, как Иоанн III стремился просветить русский народ и призывал для этого из чужих государств разных ученых людей, которых народ называл басурманами. Жизнь одного из таких *басурманов* (курсив газеты. – А. В.) и описывает Лажечников, – как он стремился принести пользу русским, как в конце концов завистники и невежественные люди загубили его, оклеветав перед Иоанном, добились того, что он был казнен. Очень верно и хорошо, правдиво и интересно написан этот роман».

На родине издавались, конечно же, и отдельные наиболее ценные работы местных авторов, в том числе исследователей края – историков В. П. Юрьева, А. С. Верещагина, А. А. Спицына и некоторых других. Так, перу В. П. Юрьева, преподавателя Мариинской женской гимназии, принадлежат такие книги, как «Исторический обзор венчания русских царей на царство» (Вятка, 1883 г.), «Очерк из истории женского образования» (Вятка, 1884 г.), «Состояние г. Вятки в царствование императрицы Екатерины II» (Вятка, 1885 г.), «Вятка в рукописных памятниках старины» (Вятка, 1885 г.). «История герба г. Вятки» (Вятка, 1886 г.), «Народное образование в Вятской губернии в царствование императрицы Екатерины II: Материалы к истории Вятской гимназии по поводу ее столетия. 1786 – 1886» (Вятка, 1887 г.) и некоторые другие. В. П. Юрьев был хорошо знаком вятским читателям и по публикациям в местной прессе.

Были и весьма любопытные издания. К их числу можно отнести составленную Н. Свешниковым книгу «Воляпюк», выпущенную в Вятке в 1886 году и представлявшую курс всемирного языка, изобретенного И. М.

Шлейером. В издании предлагались упражнения по изучению языка (своего рода эсперанто), отдел о словообразовании.

Надо отметить, качество издательского дела в крае, оформительское мастерство и т. п., было на высоком уровне. В период с 1872 по 1897 год, например, губернская типография участвовала на четырех различных выставках и удостоивалась тех или иных наград [50]. В эти годы, кстати, «главная» типография напечатала такие книги, как «Статистическое описание Вятской губернии» Н. Спасского (1875 г.), «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III» (1888 г.) Н. Блинова, «О начальном образовании у вотяков и татар Ярославской волости слободского уезда, и о названии "татары"» И. Софийского (1893 г.), «Народные песни Вятской губернии – Вятского, Орловского, Котельнического, Яранского и Нолинского уездов» С. Скворцовой (1893 г.), «На ниве народной» Н. Блинова (1897 г.), «Полтава» А. Пушкина (1897 г.), «Недоросль» Д. Фонвизина (1897 г.) и многие другие [51]. Вятское земство по отделу книжных изданий на промышленной и сельскохозяйственной выставке Северного края в Ярославле, которая прошла в 1903 году, получило Золотую медаль [52]. И таких примеров было немало.

Книгоиздательская деятельность земцев, как видим, носила системный, многоплановый характер. Все их устремления имели широкие просветительские цели. Главными мерами Вятского земства к внешкольному образованию и поддержанию в народе интереса к просвещению, литературе и науке в конце XIX века, как отмечал П. А. Голубев, были следующие: бесплатные библиотеки-читальни; бесплатная раздача книг народу; учреждение книжной торговли в уездах; народные воскресные чтения с волшебным фонарем и картинами; издание народной «Вятской газеты» [53].

С 1907 по 1916 год в связи с наступлением реакции губернское земство уменьшило объем издательской деятельности, ограничившись выпусками «Памятных книжек» (см. о них ниже) и «Трудов Вятской ученой архивной комиссии», а также ежемесячным иллюстрированным журналом «Пчеловодство».

Обогатили систему местной печати «Труды Вятской ученой архивной комиссии». Первые губернские ученые архивные комиссии (ГУАК) возникли в России в 1884 году. Своею деятельностью они стремились ликвидировать тот существенный разрыв, который возник между уровнем развития исторической науки в университетских центрах и исторической мыслью российских провинций. Свои задачи архивные комиссии тесно сопрягали с задачами, которые решало российское земство. Они, в основном, и существовали на средства губернских и уездных земств. Исторические знания, добытые на основе местных материалов, служили основой воспитания в народе чувства разумного хозяина, уважения к памяти предков и лучшим национальным традициям. В работе комиссий обнаруживаются черты универсальности и региональной неповторимости. Сбор и публикация источников по истории освоения или колонизации края, изучение местных хозяйственно-культурных связей и традиций, сбор материалов о выдающихся личностях своих регионов – все это составило центральные пункты приложения сил провинциальных исследователей. Они находили много материалов уникальных, на основе которых создавался неповторимый историко-культурный облик региона, а не безликой среднестатистической территориальной единицы.

Вятская ученая архивная комиссия открылась в 1904 году и активно взаимодействовала с другими комиссиями России, с университетами, научными центрами, принимала участие в проведении общих мероприятий, съездов, совещаний. С 1905 года она начала издавать «Труды». Они выходили по 2 – 4 отдельных выпуска в год. В первых томах «Трудов» 1905 года были помещены памятники древней Вятской письменности с комментариями и исследованиями; в выпусках следующего года – «Грамоты и акты Успенского Трифонова монастыря», в «Трудах» 1907 года изданы «Грамоты и акты Вятского архиерейского дома». Кроме того, в выпусках 1905, 1906 и 1907 годов были напечатаны извлеченные из наиболее древних писцовых, дозорных и переписных книг сведения о городах Хлынове, Слободском, Сарапуле, Елабуге, Уржуме, Малмыже и других, а так же немало рефератов и сообщений

членов Комиссии по местной истории. После 1907 года архивная Комиссия занялась собиранием исторических местных материалов и исследованием более близкого к нам времени, XVII – XVIII веков, а также XIX века. В 1900 – 1917 годах в «Трудах» иногда перепечатывались исторические сведения из журналов и научных изданий XIX века. Это было полезно: многие из исторических работ к XX столетию оказались забытыми, и «Труды» напоминали о них краоведам.

Первым редактором «Трудов» ученой архивной комиссии стал выдающийся историк-краевед Вятского края А. С. Верещагин. После его смерти в 1908 году издания Комиссии возглавил учитель истории Вятского женского епархиального училища В. Д. Емельянов, а с 1912 года – до закрытия Комиссии в 1918 году – Н. А. Спасский.

С самого начала издания «Трудов ВУАК» встал вопрос, на какого читателя они должны в первую очередь ориентироваться. Первый редактор А. С. Верещагин обратился к членам комиссии с просьбой отметить дефекты, замеченные при издании, для их устранения, и указать те улучшения, какие члены находили бы нужным делать при дальнейшем издании «Трудов». Особенно споры вызывал вопрос о том, как публиковать источники – на старославянском или на русском, сохранять ли старую орфографию или печатать в большем или меньшем приближении их текста к требованиям современной орфографии. Было принято решение: «При издании древних и старинных памятников письменности руководствоваться теми правилами, каких держится Археологическая комиссия», так как «Труды» должны служить «не столько для популярного чтения, сколько имеют в виду интеллигентных лиц, заинтересованных прошлой жизнью Вятского края» [54]. Так до конца своего существования «Труды» оставались сугубо научным изданием, ориентированным на лиц, занимающихся изучением истории края.

Надо отметить, что с самого начала их издание было нерентабельно, выручали благотворительные средства. Несмотря на финансовые трудности, в 1907 году архивная комиссия снизила подписную цену для церквей, учителей средних и начальных училищ с 1 рубля до 75 копеек за выпуск. Кроме того,

часть тиража рассылалась бесплатно всем почетным членам комиссии, в Вятскую публичную библиотеку, в «Вятскую газету» и «Вятские епархиальные ведомости», в редакции столичных журналов «Русская старина», «Русский архив», «Журнал Министерства народного просвещения», «Киевская старина». А журнал «Исторический вестник», куда так же рассылались вятские номера, регулярно помещал рецензии на них [55]. В дореволюционной России широко практиковался обмен изданиями между различными научными обществами. Так, Вятская ученая архивная комиссия рассылала для обмена свои «Труды» во все губернские архивные комиссии, в Санкт-Петербургский Археологический институт, в Археологическую комиссию, в Императорское Русское Географическое общество, в Московские Архивы МИД и Министерства юстиции, в Московский, Казанский, Киевский и Юрьевский университеты и другие общества, получая взамен их издания [56].

Деятельность комиссии по изданию «Трудов ВУАК» носила открытый, демократический характер; все материалы выпусков проходили предварительное обсуждение на общих собраниях членов архивной комиссии.

«Труды Вятской ученой архивной комиссии» – богатый материал по истории Вятского края с XV по XX век; так же, как и «Памятные книжки», они представляют неоценимый исторический источник, образец кропотливой краеведческой работы.

Одной из первых книг, изданных губернской типографией, как мы уже отметили, была «Памятная книжка о состоящих в государственной и общественной службе по Вятской губернии на 1854 год». С тех пор «Памятные книжки», в которых помещались не только официальные материалы, но и статьи краеведческого характера, стали выпускаться регулярно, вплоть до 1916 года. Некоторые оригинальные статьи этих книг выходили отдельными оттисками.

Большая работа по выпуску ежегодников «Памятных книжек» проводилась Вятским губернским статистическим комитетом, который был образован в 1834 году. Он ежегодно составлял цифровые таблицы для центрального Статистического комитета. Одной из основных обязанностей комитета являлось составление подробных «Обзоров Вятской губернии», прилагающихся к отчетам вятских губернаторов. «Обзоры» сельскохозяйственные и т. п. печатались с 1870 года. Всего издано 44 тома «Обзоров».

В 1880 – 1881 годах статистический комитет выпустил фундаментальный труд по истории Вятского края – два сборника под общим названием «Столетие Вятской губернии» [57] и приложение к ним – сборник «Древние акты, относящиеся к истории Вятского края» [58], составленный А. С. Верещагиным.

Издание «Памятных книжек Вятской губернии» – важная страница в культурной жизни края. С 1879 года они выходили ежегодно, содержание их стало разнообразным. С 1854 по 1916 год вышло 50 «Памятных книжек». Главным составителем и редактором «Книжек» и «Обзоров» был крупный ученый-краевед Н. А. Спасский.

«Памятные книжки» – тип официального издания, характерный для многих губерний. Вятские «Памятные книжки» отличаются богатством материалов об экономике, культуре, населении края; содержат сведения и наблюдения по этнографии, истории и природоведению. В литературно-исторических отделах «Книжек» сотрудничали выдающиеся вятские ученые краеведы А. С. Верещагин, А. С. Спицын, Н. А. Спасский и другие; этнографы Д. К. Зеленин, Г. Е. Верещагин, С. К. Кузнецов, В. К. Магницкий; литераторы М. К. Селивановский, Я. Ф. Мултановский.

В каждом ежегоднике обязательно публиковались содержательные статистические и справочные сведения, различные таблицы. И это несмотря на то, что статистический комитет в издательском отношении имел определенные трудности. Это подтверждает, например, рецензия на «Памятную книжку и Календарь на 1885 год» в одном из номеров «Вятских губернских

ведомостей»: «...Ощутительный недостаток материальных средств комитета, ограниченное число его рабочих сил, несвоевременное доставление сведений и наконец желание удешевить издание – вот причины, по которым каждый выпуск календаря не может заключать в себе всех сведений, какие было бы желательно видеть в местном календаре ежегодно...» [59].

За свое долгое существование ежегодники несколько раз меняли название: в первые годы – «Памятная книжка Вятской губернии», с 1894 года – «Календарь и Памятная книжка Вятской губернии», с 1900 года – «Памятная книжка Вятской губернии и календарь», в последние два года – «Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии».

Похвальные отзывы о «Памятных книжках Вятской губернии» неоднократно появлялись в местной и столичной прессе. Вот как отзывалось об одном из сборников «Новое время» в № 3943: «В ряду календарей, издаваемых губернскими статистическими комитетами, “Календарь Вятской губернии”... занимает едва ли не первенствующее место по серьезности своего направления и неуклонности в выполнении принятой им задачи. Эта задача и серьезность издания характеризуются рядом статей, напечатанных в календаре в разные годы, обрисовывающих собою различные стороны жизни губернии в историческом, экономическом и других отношениях. Так как все эти материалы являются в календаре обработанными, то со временем, пользуясь ими, представится полная возможность составить по ним весьма обстоятельное описание целой губернии в желаемом отношении... весь календарь составляет довольно порядочную, опрятно изданную книжку...». Действительно, «Памятные книжки» представляют «полную возможность» обстоятельно изучать по ним историю местного края. Как исторический источник, они имеют непреходящее значение. В истории же провинциальной журналистики этот тип изданий сыграл свою роль и в развитии журнальных жанров – статьи, обозрения и др.

2.3. Издательская деятельность Ф. Ф. Павленкова в период вятской ссылки

В 1877 – 1878 годы «Памятная книжка Вятской губернии» вышла с необычным названием – **«Вятская незабудка»** (см. о ней ниже). Инициатором и издателем «Вятской незабудки» был один из прогрессивных представителей книгоиздательского дела Ф. Ф. Павленков (1839 – 1900 гг.) [60]. За выпуск сочинений Д. И. Писарева и за хлопоты по увековечению его памяти Флорентий Федорович Павленков в 1868 году был арестован и выслан из Петербурга в Вятку, где прожил с 1869 по 1877 год. Позднее он неоднократно подвергался преследованиям царского правительства, и многие изданные им книги конфисковывались и запрещались.

Флорентий Федорович Павленков оказал большое влияние на развитие демократического книжного дела в Вятке и крае, на духовную жизнь вятчан. Несмотря на то, что за ним был учрежден строгий полицейский надзор с «воспрещением на будущее время издательской деятельности...» [61], Флорентию Федоровичу удалось организовать целую «павленковскую» систему книгоиздательства, со своим строгим направлением и содержанием.

Период вятской ссылки прогрессивного деятеля книжного дела совпадает с нарастающим интересом вятской интеллигенции и учащихся к передовой демократической литературе, к идеям революционных демократов. В губернию проникают лондонские издания «вольной типографии» А. И. Герцена, захлебываются журналы «Современник», затем – «Отечественные записки». Появляются нелегальные кружки и организации. Вот как описывает уроженец Вятки Иларию Шадрин увлечение вятских семинаристов прогрессивной литературой в своей повести о жизни духовных семинарий «Бурса»: «...читали изредка вольные книжки, спорили... Среди любимых писателей Лев Николаевич Толстой у семинаристов пользуется особым почетом... Сочинения его читаются залпом, особенно – запрещенные.

Несмотря на всю строгость семинарской цензуры, которая не разрешает ученикам читать Некрасова и Белинского, не говоря уже о Добролюбове, Писареве и других, несмотря на то, что ученик уличенный в чтении запрещенного автора мог за это навсегда распрощаться с *Alma mater*, – все-таки запрещенная литература прочитывалась семинаристами в большом количестве. «Крейцерова соната», «Исповедь», «В чем моя вера» – хорошо были известны ученикам не только последних классов...» [62].

Интересы передовой российской интеллигенции, в том числе вятской, были далеко не востребованы. Это, естественно, глубоко понимал Ф. Ф. Павленков и как мог пытался их удовлетворить, более того, усилить и расширить.

Лишенный права издательской и литературной работы, он использует все возможности для продолжения любимого дела. Стремление нести прогрессивное печатное слово в народ заставляет его обратиться к уже испытанной революционными демократами уловке – выпуску книг под чужой издательской маркой, к другим приемам. В целях конспирации он прибегает к «крыше» своих друзей-издателей – В. Д. Черкасова в Петербурге и А. А. Красовского в Вятке.

В Вятке к этому времени была открыта частная типография А. А. Красовского. Просветитель-демократ и общественный деятель А. А. Красовский (1828 – 1883 гг.) родился в Вятке [63]. После окончания Петербургской духовной академии, с 1853 года он преподает русскую словесность в Вятской духовной семинарии. Но через шесть лет за свои убеждения и методы обучения был отстранен начальством от занимаемой должности. После этого он полностью отдает себя просветительской работе. Для этой цели он открывает библиотеку и книжный магазин (см. об этом ниже). В начале 1865 года Александр Александрович обращается к местным властям с просьбой разрешить ему открыть в г. Вятка типографию. Это, писал он, «вызвало бы новый род деятельности в обществе – издательский и даже литературный труд» [64]. Министр внутренних дел, в ответ на запрос вятского

губернатора, запретил А. Красовскому открытие типографии на том основании, что он был причастен к антиправительственному заговору, раскрытому в Казани в 1863 году. Тем не менее, в конце 1868 года типография все же была открыта путем покупки ее у К. Блинова на имя брата – Василия Александровича. Фактически делами типографии управлял А. А. Красовский по доверенности брата [65].

За относительно недолгое время существования типографии (она была закрыта властями в 1875 году за неугодную правительству издательскую деятельность хозяина, связи с политическими ссыльными) [66] А. А. Красовский издал немало книг по различным отраслям знания. И лучшие среди них были связаны с именем Ф. Ф. Павленкова, идейная и творческая дружба с которым у вятского книжника и книгоиздателя просто не могла не завязаться. Очень много у них было общего.

В период вятской ссылки Ф. Ф. Павленков издал 34 книги, и ни на одной из них имени самого издателя, по цензурным соображениям, не значится. По направлениям это были книги: просветительские – для беднейших слоев населения, научного характера и книги, разоблачающие произвол местных властей.

Первым изданием его стала книга известного педагога-просветителя Н. Н. Блинова «О способах обучения в семье и школе...» [67]. Другая книга, «Наглядная азбука», отпечатанная в Петербурге в 1873 году, также вышла под авторством Н. Блинова и так же, как и первая, написана с позиций передовой педагогики. «Наглядная азбука» была создана под воздействием учения знаменитого педагога К. Д. Ушинского, в основе которого содержался наглядно-звуковой метод. Ф. Ф. Павленков, сторонник и пропагандист учения К. Д. Ушинского, заказал для своей азбуки около 600 рисунков: наглядный, игровой элемент, присущий этой азбуке, должен был облегчить усвоение ее детьми, сделать сам процесс обучения живым и занимательным. Книга получила международную известность. Участники педагогической конференции, которая состоялась в дни Всемирной выставки в Вене в 1873

году, пришли к заключению, что «Наглядная азбука» является лучшей из всех известных пособий такого рода [68].

Иным было отношение к азбуке властей. Вятский губернатор В. И. Чарыков в письме попечителю Казанского учебного округа сообщал, что «подобная азбука вреднее сочинений Лассалю», что «она может только развратить юношество, так как некоторые картины в ней могут привить взгляды Дарвина о происхождении человека» [69]. По указу Особого отдела Ученого комитета министерства народного просвещения учебник был изъят из школ и народных библиотек, причем с рекомендацией не допустить повторного издания [70].

Особый отдел был создан в 1869 году, когда в связи с ростом революционного движения правительство обратило повышенное внимание на учебную литературу и круг чтения учащихся школ и гимназий. Ни одна книга, ни один учебник не могли попасть в руки школьников и гимназистов без специального грифа Ученого комитета. Таким образом, учебная литература подвергалась двойному цензурированию.

Н. Н. Блинов послал «Наглядную азбуку», как и положено, на рассмотрение Особого отдела. Ученый комитет увидел в ней «нежелательное сопоставление» рисунков, двусмысленность которых (букву «Ц» поясняли изображения виселицы, цепи, офицера, царя) и сатирическое изображение помещиков были очевидны. Ф. Ф. Павленков не сдался. Он посылает в киевскую цензуру рукопись книги под названием «Чтение и письмо по картинкам», подчеркнув, что это «1-е издание», снабжая ее предисловием, в котором «разносит» свою же «Наглядную азбуку» [71]. Обманутый киевский цензор разрешает ее к печати... Но при печатании книги Павленков изъясил предисловие и выпустил ее в свет с некоторыми новыми рисунками, смысл которых достаточно ясен. Например, под заглавием «Бывает ли так?» помещены сюжеты: барин правит клячей, впряженной в крестьянскую телегу, барыня жнет серпом на поле и т. п. В дальнейшем «Наглядная азбука» выдержит 22(!) издания. Одновременно с появлением «Азбуки» в 1873 году он

выпускает «Объяснение к «Наглядной азбуке», «Ключ к “Чтению и письму по картинкам”» (Киев, 1876 г.), «Родная азбука» (ряд изданий), «Азбука-копейка» (СПб., 1876 г.) и т. д. [72].

Николай Николаевич Блинов (1839 – 1917 гг.) – священник и педагог, статистик и литератор, этнограф и общественный деятель, знаток своего края – становится близким другом и сподвижником ссыльного издателя. П. А. Голубев в одном из своих очерков писал про него: «Священник Блинов пользуется широкой известностью не только как статистик, но еще более и как талантливый педагог, публицист и в особенности как даровитый и редкий популяризатор – писатель для народа» [73]. Думается, жизнь и творчество этого незаурядного человека еще далеко не изучена и не оценена по достоинству.

«Редким популяризатором» Н. Блинов становится благодаря сотрудничеству с Ф. Ф. Павленковым, который в большом количестве выпускает его сочинения, преимущественно учебники и школьные хрестоматии. Широкую известность приобрела в свое время хрестоматия Н. Блинова «Ученье – свет. Книга для чтения в народных училищах», выпущенная Ф. Павленковым в Москве в 1873 году с рисунками вятского художника В. И. Порфирьева. Хрестоматия построена своеобразно и необычно: рассказ ведется от имени крестьянского мальчика, который непринужденно рассказывает о своей школе, родном доме, окружающем его мире. Чтение неумолимо притягивает юного читателя безыскусственной манерой изложения. И сегодня, без преувеличения, оно может быть востребовано и полезно. Одновременно выходит в свет и методическое руководство к этой хрестоматии под названием «Замечания для учителей о классных занятиях по книге “Ученье – свет”» (М., 1873 г.). Двумя изданиями Ф. Павленков выпускает другое дополнение к «Ученью – свет» – хрестоматию «Пчелка» (Сборник стихотворений, пословиц и загадок, составленных применительно к книге «Ученье – свет» Н. Блинова). Впервые, кроме лучших образцов русской поэзии – стихотворений А. С. Пушкина, А. В. Кольцова, И. С. Никитина, Н. А. Некрасова – в школьной хрестоматии печатаются стихи П. Ж. Беранже

в переводе В. С. Курочкина. Жаль, что Особый отдел Ученого комитета одобрил для обучения в школе только «Пчелку». Вот что заставило усомниться членов комитета в книге «Учение – свет»: «Мальчик задумывается над тем, от чего некоторые живут богато, а другие бедно... Нет никакой причины особенно возбуждать в детях вопросы о бедности и богатстве» [74].

Запрещению подвергались и некоторые другие книги Н. Блинова. Пройдя «общую» предварительную цензуру, они, наполненные глубоким гуманизмом, лишенные назидательного нравоучительного тона, натолкнулись на неодолимую преграду, поставленную «педагогической цензурой». Особая страница в просветительской деятельности Н. Н. Блинова – обучение грамоте удмуртских детей (см. об этом в разделе 4.3).

Также типография другого соратника по вятской ссылке А. А. Красовского печатает не менее замечательные книги Ф. Ф. Павленкова. Так, в 1873 году здесь появляется книга Ж. Р. Ламе-Флери о путешествиях М. Колумба «История открытия Америки». Перевод с французского сделан Ю. Л. Синцовой и Ф. Ф. Павленковым. Издание оригинально тем, что в конце книги дается «Краткий словотолкователь, содержащий объяснения незнакомых детям слов. Именно «словотолкователь» и нашел Ученый комитет неуместным для школьного обучения [75]. Слово «деспотизм», например, объясняется как «неограниченный произвол, требующий себе рабского подчинения. Всего более к нему склонны грубые, неразвитые люди, в особенности, если они обладают властью». Но что интересно: «словотолкователь», вызвавший протестную реакцию цензуры, вовсе не был переводом с французского, во французском оригинале его просто нет. Словарь составил сам Павленков. Кстати, именно в период вятской ссылки он собирал материалы для своего, ставшего знаменитым «Энциклопедического словаря» [76].

Целую серию популярных книжек просветительского направления в типографии А. Красовского издает благодаря помощи Ф. Павленкова вятский педагог и общественный деятель В. И. Фармаковский. Его работы были предназначены для крестьян с целью разъяснить их права, суть тех или иных

законов, необходимых в повседневной жизни. В условиях пореформенной России крестьяне остро нуждались в правовой пропаганде, знании гражданских прав и обязанностей. В этой связи как никогда кстати пришлось книги В. И. Фармаковского «Книжка для земских гласных» (1874 г.), «Книжка о мировом суде» (1874 г.), «Книжка для волостных старшин и сельских старост» (1876 г.) и др.

Ряд трудов, задуманных Ф. Павленковым совместно с А. Красовским, цензура не допустила к печатанию [77].

Большим спросом пользовалась изданная Ф. Павленковым в 1871 году в Петербурге и переизданная с помощью А. Красовского в 1875 году в Вятке «Популярная физика» А. Гано. Написанная живо и занимательно, с авторскими дополнениями и комментариями Ф. Павленкова, книга наглядно и популярно знакомила читателя с последними техническими новинками и изобретениями тех лет (например, электротелеграфом). Обновленный перевод этой книги под названием «Полный курс физики» выдержал еще три издания (третье заново пересмотренное и дополненное) в Петербурге (1866, 1868, 1874 гг.).

В 1873 году в Вятке вышла еще одна естественно-научная книга в типографии Красовского «Единство физических сил» римского аббата Анжелло Секки. При переводе Павленков убрал из нее места, где, на его взгляд, присутствовала «иезуитская софистика». Книга вызвала много отрицательных отзывов духовенства и цензуры [78].

В этом же ряду стоят изданные Павленковым в период вятской ссылки «Краткий очерк популярной химии» (СПб., 1874 г., написанная совместно с Н. Вальберхом), книга английского ученого Д. Льюиса «Сердце и мозг. Популярно-физиологическое объяснение душевных волнений» (СПб., 1875 г., пер. с англ. М. Мерцаловой) и некоторые другие.

* * *

Особый интерес представляет издание Ф. Ф. Павленковым нескольких выпусков «Памятной книжки Вятской губернии», переименованную им в «**Незабудку**».

Первый выпуск с названием «Вятская незабудка. Памятная книжка на 1877 год» вышел в свет в марте 1877 года в Петербурге в количестве 800 экземпляров и разошелся в 1,5 – 2 месяца. Это была книга небольшого формата, состоящая из 52 статей на 324 страницах.

В июне 1877 года появилось 2-е издание «Незабудки» тиражом уже 1050 экземпляров, в которое было включено 13 новых статей и исключено 9 старых. С нестандартным заглавием пришло и совершенно непривычное тогда для вятских мест содержание. Сборники получили большой общественный резонанс, как в Петербурге, где они печатались, так и в самой Вятке. Об этом свидетельствуют и многочисленные отзывы, появившиеся сразу после издания «Вятской незабудки». Столичная «Неделя» в № 24 за 1877 год писала: «Содержание “Вятской незабудки” преимущественно обличительное. Это сборник корреспонденций, написанных бойко, с юмором и едкостью». «Вятские губернские ведомости» в № 32 высказались так: «Вятская незабудка» отличается крайним пристрастием и поспешностью выводов, язык желчный, иногда переходящий в брань». По словам рецензента из «Нового времени» (№ 477), издание это «вызвало взрыв негодования со стороны вятских, сарапульских, яранских, малмыжских и других проконсулов и ликторов».

Реакция властей на «Незабудку» была, конечно, самая недоброжелательная. Не случайно третий и последний выпуск «Вятской незабудки», отпечатанный в 1878 году петербургской «Русской скоропечатней» в количестве 2100 экземпляров, почти весь состоящий из новых материалов, еще более живых и острых, распоряжением Комитета министров был запрещен, а ее тираж изрезали на бумажную массу [79]. Уцелел, может быть, лишь десяток этих синеватых «мраморных» томиков в 520 страниц. Министр внутренних дел сообщал 22 апреля 1878 года в Комитет министров следующее: «“Вятская незабудка” составляет сборник исключительно обличительных

и пасквильных рассказов о правительственных и общественных учреждениях Вятской губернии, о местных должностных лицах, начиная с волостных писарей и тюремных сторожей и доходя до губернатора и архиерея... Возбуждение полнейшего недоверия правительству, избирающему будто своими агентами самых возмутительных администраторов, судей, наставников юношества и охранителей государственных имуществ, оставляет неизбежное для неразвитых читателей впечатление после чтения этой книги. Но это впечатление идет дальше, так как на страницах этой книги проводятся революционные идеи» [80].

Что же представлял собою этот «пасквиль» и почему он вызвал такой резонанс? В отличие от других «Пмятных книжек», издававшихся в разных губерниях и не выходивших обычно из сферы вопросов истории и этнографии местного края, «Вятская незабудка» имела ярко выраженный обличительный характер и состояла из своеобразной подборки статей и фельетонов о «порядках» в Вятской губернии и различных злоупотреблениях, которые чинило местное начальство. Фактической основой этих произведений, вошедших в «Незабудку», послужили корреспонденции, ранее опубликованные в газетах и журналах. Однако определенная их часть написана специально для этого сборника.

В десятках острых сатирических статей и очерков авторы рассказывали о неприглядных сторонах вятской действительности, смело называли лихоимцев, головотяпов и самодуров, имена которых были даны в специальном алфавитном указателе, открывающем сборник. Это оказалось удачным новшеством. Читатель сразу видел, кого клеймит «Незабудка».

Многие произведения сборника написаны художественно, талантливо, с большим чувством юмора, сарказма. В некоторых из них («Судоговорилка», «Дергун», «Пришел, увидел, победил» – вып. 3 и др.) сатира доходит до гротеска. Идейные творческие установки авторов «Вятской незабудки» близки творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина. Создатели ее заявляют, что критикуя «волков в овчарне», они верят в светлое будущее «не по-гетевски, а по-

щедрински» (вып. 3. – С. 479), активно борясь за него. С творческой манерой великого сатирика авторов «Незабудки» сближает и то, что они тяготеют к художественно-публицистическому, сатирическому очерку и к чистой публицистике. Кроме очерка, они обращаются, как и Щедрин, к жанрам рассказа, фельетона, сказки, публицистической статьи и каждому из них придают сатирический характер. Сатира при этом берет на вооружение творческие приемы Щедрина – деформацию образа, кукольности, автоматизации образа, зоологического уподобления, гиперболы, гротеска и иронии. Однако использование щедринской манеры не лишает сборник оригинальности.

Публикации «Вятской незабудки» представляют собой своеобразное сочетание особенностей публицистической статьи с сатирическим очерком, рассказом и даже сказкой. Самая простая заметка, напечатанная в ней, имеет яркую, как правило, художественную форму. Это достигается разными средствами. Часто используются пародийно-сатирические или просто интригующие заголовки: «Кусаящиеся овцы», «По шишу за рубль» – вып. 2, «Взяточная артель», «Бубновый король», «Реальное дерьмо» – вып. 3 и т. п.; выразительные эпитафии.

В щедринском освещении дается картина многих явлений вятской жизни. В очерке «Вопрос о подвижных школах», например, критикуется земское собрание в Яранске: «Недавно закрывшееся у нас земское собрание прошло с шумом, громом, бенгальскими огнями... Много было споров, препирательств... Зал заседаний представлял собой настоящее поле брани... Наступало новое трехлетие, а с ним и новые шансы на участие в дележе земского пирога. Одним словом, шла борьба за власть, борьба за трехлетнее существование на подножном земском корму» (вып. 2. – С. 198 – 199). О злоупотреблениях в медицине: «... Поселившись в Яранске, г. Шнейдер тотчас же занялся рациональной медициной и так успешно, что под конец получал разом три жалованья (являясь единым в трех лицах – больничного

городового, уездного и участкового врача) и уже простирал руку к четвертому. Но тут кошель прорвался...» (вып. 1 – С. 908).

Перед читателями предстает картина организованного взяточничества, о чем ярко свидетельствует очерк «Взяточная артель» с сатирическим эпиграфом из Капниста: «На что ж приделаны нам руки, как не затем, чтоб брать». «Вятская губерния, конечно, не представляла благословенной страны, в которой бы взяточничество... не было практикуемо», – иронизирует автор очерка (вып. 3. – С. 216).

Разоблачает «Незабудка» и негативные стороны в судопроизводстве. В очерке «Судоговорилка» дается выразительный гротескный образ прокурора-куклы, автомата. «По наружности это – молодой человек (около 30 лет), тип провинциального прокурора... Тупое, апатичное лицо его украшено котлетообразными бакенбардами... По манере держать себя кукла наверно не уступит лучшему из представителей обвинительной власти провинции. Во время допросов она точно также, за неимением лучшего занятия, протирает... пенсне, позевывает, ловко балансирует на стуле и время от времени чистит свой нос...» (вып. 3. – С. 172- 174).

Сатира и юмор уступают место публицистике, минорному тону, когда речь в сборниках заходит о простом народе. Перед читателями проходят потрясающие картины народной жизни. В очерке «Кайский и Синеглинский край», эпиграфом к которому взяты слова Н. А. Некрасова «Невесела ты, родная картина», нарисованы страшные сцены народных страданий и бедствий: «Урожайным годом жители этих местностей называют тот, в который хлеба достаёт до рождества. О мясе крестьяне не имеют почти понятия; едят один сухой хлеб, в который примешивают кору, отруби и т. п... Живут кайцы и синеглинцы в куриных, полусгнивших избах, с виду скорее похожих на телячью стайку...» (вып. 2. – С. 266 – 267). Приводятся так же примеры безграмотности крестьян, их суеверий; истязаний их чиновниками, полицией.

Авторами «Вятской незабудки» были: сам Ф. Ф. Павленков, публицист и санитарный врач В. О. Португалов, учитель Сарапульского реального

училища Р. Н. Рума, публицист П. А. Голубев, ученый и писатель Н. Н. Блинов, политический ссыльный, позднее крупный математик В. И. Обреимов, санитарный врач А. Н. Рудаков, поэт-самородок В. Я. Заволжский, земский врач Орловского уезда С. И. Сычугов, старший помощник управляющего канцелярией А. А. Сырнев, статистик Н. Н. Романов и др.

Издание «Вятской незабудки», отзывы о ней свидетельствуют об оригинальном образце русской демократической публицистики XIX века. По сути, «Незабудка» стала и первым образцом неофициальной местной печати.

Параллельно с «Вятской незабудкой» Ф. Ф. Павленков готовил к выпуску журнал под названием «Вестник Вятского земства». Власти не допустили его выхода [81]. Материалы, готовившиеся для журнала, легли в основу «Вятской незабудки».

В последние годы ссылки Павленков мечтал о создании боевого публицистического органа – дешевой провинциальной газеты. Он пишет известному нижегородскому краеведу и публицисту А. С. Гацисскому о своей «давнишней мечте – издавать ежедневную копеечную газету» [82]. Но, конечно, власти бы не дали ему такой возможности.

Уже в Петербурге, он еще нашел остроумный способ высмеять вятских чиновников. Достав фотографии губернатора Тройницкого и других видных вятских власть предержащих, выпустил целую серию **«Загадочных картинок»** – карикатур, напечатанных в петербургской типографии А. М. Котомина. В начале 1879 года по этому поводу возникло цензурное дело. Эти картинки появились в продаже в Вятке. Одна карикатура появилась и в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 14 декабря 1878 года. «Загадочные картинки», изготовленные в виде колоды игральных карт, представляют собой как бы иллюстрированное приложение к «Вятской незабудке».

Более 700 книг издал Ф. Ф. Павленков за свою жизнь, в том числе известную серию «Жизнь замечательных людей». Посвятивший себя до остатка просвещению народа, он завещал свое состояние В. Д. Черкасову на продолжение и расширение книжного дела. В память о нем его друзья

в течение многих лет ставили на книгах традиционную подпись – «Издание Ф. Ф. Павленкова».

Большую часть своего состояния Павленков завещал на открытие 2.000 бесплатных народных библиотек в сельской местности. Примечательно, что наибольшее количество «павленковских библиотек» было открыто именно в Вятской губернии: к 1911 году их было 194 [83].

2.4. «Вятское книгоиздательское товарищество»

Отдельная страница книгоиздательского дела в губернии связана с «Вятским книгоиздательским товариществом» (1903 – 1918 гг.) [84]. После того, как земствам было запрещено издавать литературу, кроме ведомственной, – постановления земских собраний, докладов, отчетов и т. п. – группа передовой вятской интеллигенции в январе 1903 года организовала «Вятское книгоиздательское товарищество». Ядро правления составили председатель Н. А. Чарушин и его помощник Н. П. Ложкин. Вскоре в общество вошли публицисты М. П. Бородин, П. А. Голубев, А. Н. Баранов, издатель А. П. Чарушников и др.

В первый же год «Товарищество» приступило к выпуску больших тематических сборников произведений русских и иностранных писателей – «Сказки и легенды», «Крестьянские дети», «Женская доля», «Несчастные» и другие, а также сочинений отдельных писателей, наиболее популярных в народе, тиражом в среднем 10 тыс. экземпляров. Книги «Товарищества» привлекали внимание невысокой ценой, добротностью редакционно-издательского оформления и явной демократической направленностью идей, заложенных в них.

В 1903 – 1905 годы было издано около 40 популярных дешевых книжек на разные темы. Все они печатались в типографиях Н. А. Огородникова и М. И. Шкляевой. Большим спросом у читателей пользовались рассказы о народе И. А.

Данилина, А. Н. Баранова, В. И. Дмитриевой, В. Г. Богораза, С. Н. Миловского, исторические труды Е. Волковой и др. Так, популярен был рассказ А. Н. Баранова «Макарыч» (Вятка, 1903 г.) о судьбе юриста-самоучки, страдающего за крестьян Малмыжского уезда. Взрослые и дети зачитывались рассказами С. Елпатьевского «Гектор» (Вятка, 1903 г.) – о любви детей к животным, к собаке Гектору, «Подпасок» (Вятка, 1904 г.) – о трагической участи пастушонка Петьки, который из-за любви к книгам просмотрел стадо коров и повесился, рассказом С. Н. Миловского (С. Елеонского) «Папаша-крестный» (Вятка, 1903 г.), повестью В. Г. Богораза (Тана) «Авдотья и Ривка» (Вятка, 1903 г.) – о жизни русских в Америке и др.

Популярны были и сборники избранных произведений русских поэтов: «Крестьянские дети», «Женская доля», «Трудовой крестьянский год». Стоили эти сборники очень дешево – 5-12 копеек [85].

«Вятское товарищество» переписывалось по поводу издания тех или иных произведений с крупнейшими писателями России, прежде всего с В. Г. Короленко, который, находясь в вятской ссылке, сблизился со многими вятскими журналистами и писателями. В письме к В. Г. Короленко от 7 марта 1903 года, например, Н. П. Ложкин писал: «...По поручению товарищества я обращаюсь к Вам, Владимир Галактионович, с предложением, не найдете ли Вы возможность передать нашему товариществу право на издание некоторых Ваших рассказов, именно: «Судный день», «Невольный убийца», «На Волге», «В последственном отделении», «За иконой», «Черкес», «Ночь под светлый праздник», «Соколинец»...» [86].

Издания «Вятского книгоиздательского товарищества» распространялись через Вятский книжный склад и его отделения. Кроме того, книги шли в Москву и Петербург через прогрессивные издательства (О. Н. Поповой в Петербурге и др.).

В 1905 году, после закрытия типографии Н. А. Огородникова, Н. П. Ложкин и несколько членов книгоиздательского общества переезжают в Петербург, и «Товарищество», уже под новым названием – «Вятское

книгоиздательское товарищество. Народная библиотека» – продолжает работу в столице. В 1906 году в Петербурге одними из первых были напечатаны рассказ В. Гаршина «Происшествие» – о судьбе образованной девушки, ставшей проституткой, рассказ А. Погорелова (А. Сигова) «Аликаев камень» – о судьбе разбойника Аликая, после смерти любимой бросившегося в реку и разбившегося о камни; другие произведения.

В итоге, под грифом «Вятское книжное издательство» вышло до 1918 года более 200 наименований книг популярных в народе авторов. Были изданы многие произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, В. Короленко, Л. Толстого, Г. Успенского, А. Серафимовича, В. Гаршина, Н. Некрасова, С. Аксакова, К. Станюковича, А. Толстого, Н. Рубакина, а также произведения иностранных авторов: Андерсена, Сервантеса, Твена, Дефо, Гюго, Киплинга, Бичер-Стоу, Шиллера, Доде, Золя и других авторов. Издаваемые товариществом книги составляли отделы: «Популярные брошюры», «Сборники стихотворений», «Исторические рассказы», «История», «География», «Естествознание», «Иностранные авторы», «Русские авторы» [87].

Издания «Вятского книгоиздательского товарищества» проникали во все слои общества, в самую гущу народа, будили его самосознание, помогали «сеять разумное, доброе, вечное».

2.5. Культурное наследие вятских старообрядцев

По своему оригинальную и самобытную лепту в культурное наследие вятского региона внесли приверженцы русского староверья, бежавшие в результате церковного раскола из Великороссии и обосновавшиеся здесь (преимущественно в южной части) в XVII веке.

Впервые серьезное внимание на это обратили археографы Отдела рукописей и редких книг Библиотеки Академии наук СССР (г. Санкт-Петербург), организовавшие в 1969 году первую научную полевую экспедицию

в южную Вятку и выявившие немало древних рукописей и старопечатных книг. За период 1969 – 1978 гг. Библиотекой Академии наук были проведены четыре экспедиции, в ходе которых выявлены основные вехи в формировании старообрядческой книжной культуры региона и создана специализированная коллекция – Вятское территориальное собрание [88]. Одним из участников экспедиций был уроженец Вятского края археограф БАН А. И. Копанев. Количественные итоги этих экспедиций достаточно красноречивы: рукописных книг и фрагментов обнаружено 197, печатных книг – 49.

Несколько успешных экспедиций были проведены в 1978 – 1983 гг. специалистами Уральского госуниверситета. Следующие экспедиции петербургские и уральские ученые одновременно провели в 1984 – 1988 гг. В 1984 году, например, уральские археографы приобрели 7 рукописей XIX – XX веков и 5 старопечатных книг XVII – XX веков [89].

Ценные находки археографов выявили и произведения местного типографского художества начала XX века, и объемистые сборники литургических текстов, и произведения народного поэтического творчества, и образцы музыкально-певческого искусства.

В одном из сборников духовных стихов имеется писцовая запись – «Калина Степанов Шихалев». Он – автор около десятка стихов. В ряду множества эсхатологических стихов, как «О смерти», «О антихристе», попадаются и стихи светского содержания: «В поли я гуляю на равнине», «Буря море раздымает» и другие [90].

Весьма любопытен сборник, полученный петербургскими исследователями от уржумских федосеевцев в 1988 году (92 р.), свидетельствующий о знакомстве местных старообрядцев с изданиями Вольной русской типографии А. И. Герцена. Сочинение, фрагмент которого в вятском сборнике озаглавлен как «Христианские ответы пустынножителей...», известно в списках XVIII и начала XIX века [91]. В 1861 году оно было подготовлено к печати В. Кельшевым и опубликовано А. И. Герценом в Лондоне [92].

Вятские старообрядцы, список которых полнее лондонского, пользовались герценовскими изданиями.

Другой любопытный, среди многих иных, рукописный сборник – текст старообрядческого сочинения, озаглавленный неизвестным автором «Русская астрономия» [93]. Эсхатологическое по настроению, оно представляет яркий памфлет против господствовавшей православной церкви. Непосредственным толчком к его созданию явилось наблюдение в 1858 году кометы Донаги. В рукописи содержится реалистическое описание кометы, период обращения которой вокруг Солнца составляет около 1950 лет. Автор дает свою трактовку петербургского памятника Петру I Фальконе, воспринятого старообрядческим автором как символ принятия «зверской» власти Антихриста на земле. Описание памятника образно и динамично: «Взяв адской искры Екатерина Великая воздвигнула Петру памятник, о принятии царства зверя, донныне видати конь з браздою Петра под ногами змии, приступ Петров верзен в челюсть ада» и говорит о том, что автор «Русской астрономии» видел своими глазами памятник, но и не исключается его знакомство с «Медным всадником» А. С. Пушкина.

Из рукописных книг, полученных в ходе экспедиции 1980-х годов, выделяется так же конвюлют XIX века (Вятское собрание, 206), в составе которого сохранились памятники местной традиции (Житие Трифона Вятского), слова и поучения на праздники, имевшие хождение в разных регионах империи. К этим памятникам в конвюлюте присоединены полемические сочинения Федосеевского согласия, также частные письма руководителей Старотушинской общины.

По вятским сборникам старообрядцев можно судить о большой их любви к духовным стихам. Один из литургических сборников, включающий слова на Рождество-Богородицы и на обретение Честного Креста, Сказание о новых чудесах святого Николая и другие тексты, создал в начале XX века вятский книгописец С. А. Сумцов [94]. Практически все рукописные книги и фрагменты

подготовлены местными переписчиками. Известностью пользовались книжники-староверы И. С. Вологжанин, Е. В. Радыгин и др.

Из рукописных книг чаще встречаются Псалтирь (XIX в.), Сборник духовных стихов (XIX в.), Устав о христианском житии (XIX, XX вв.), Сборник молитв и заговоров (XIX в.), Часовник (XIX в.), Лечебник (XVIII в.), Азбука певческая (XIX, XX вв.), Сборник литургический (XIX в.), Сборник учительный (XIX, XX вв.) и др. Из старопечатных книг – Часослов (XIX в.), Библия (типография И. Федорова, выпуск 1581 г.), Часовник (типография местного старообрядца Л. Гребнёва, выпуск 1910 г.) и др.

Из интереснейших находок историками-книговедами следует выделить и печатные издания Триадь цветную московской печати 1620 года и знаменитую Острожскую Библию, напечатанную Иваном Федоровым в 1581 году и входившую в состав библиотеки местного типографа-просветителя Л. А. Гребнева.

Особый интерес представляет деятельность старообрядческой **типографии в с. Ст. Тушка Малмыжского уезда** и личность ее создателя и владельца **Л. А. Гребнёва**. Талантливый вятский книгоиздатель, библиофил и художник Л. А. Гребнёв (1868 – 1932 гг.) родился в д. Дергачи Уржумского уезда. Он, как и его родители-старообрядцы, был предан Федосеевскому согласию поморского типа. До 1907 года Л. Гребнёв писал иконы, а затем уехал в Москву, где в типографии крупного фабриканта Г. К. Горбунова освоил для себя ремесло печатника. В 1909 году на родине жены – в селе Старая Тушка Малмыжского уезда – он открыл **крестьянскую** «Типографию христиан древнеправославно-кафолического вероисповедания и благочестия». Приобрести печатные станки и изготовить шрифты помогли казанские старообрядцы братья Семеновых [95].

Первым тушкинским изданием стала азбука, вышедшая тиражом 4 тыс. экземпляров и предназначалась для обучения детей церковно-славянскому чтению и письму. Книги гребнёвской печати (а среди них были и небольшие брошюры, и объемистые, в сотни листов, фолианты), «одевались» в красивые

кожаные, коленкоровые переплеты, украшались заставками и рисунками, имели изящные застёжки, изготовленные в местной литейной мастерской.

Полное научное описание этих изданий предпринято сотрудниками Отдела рукописей и редкой книги БАН (г. Санкт-Петербург) и Лаборатории археографических исследований УрГУ [96]. Открывают описание рекламные материалы (листовка «Извещение от христианской типографии...» и «Каталог печатных богослужебных и прочих книг...»), рассылавшиеся печатником, уделявшим большое внимание распространению своих книг. Публикуемые каталоги дают представление о репертуаре изданий Л. Гребнёва до 1915 года включительно. Завершает список воспроизведение одной из оригинальных работ, напечатанных в Ст. Сушке, – краткого исторического очерка Федосеевского согласия «О степени отеческой». Данное сочинение – одно из немногих памятников в жанре «родословной», удостоившихся тиражирования.

Неоднократно выходили в гребнёвской типографии брошюры против курения и картежной игры, листы «Целебника», карточки открыток с изображением райских птиц к религиозным праздникам, тысячными тиражами печатались различные каноны, псалтири, часовники. Вышли книги «Чаду желаний духовных», «Скитское покаяние», «Поморские ответы», «О посте отшельника», «Аптека духовная», «Беседы о таинстве брака» и др.

Красивое оформление, четкий шрифт, доступная цена делали гребнёвские издания популярными не только среди старообрядцев Вятского края, но и далеко за его пределами. Их можно было купить в Москве, Петербурге, Казани.

Кроме типографского искусства Л. А. Гребнёв занимался также иконописанием, обучением детей соловому пению, сочинением духовных стихов и историко-публицистических текстов; имел свою библиотеку. Можно сказать, это был своего рода местный Новиков.

Наследие вятских старообрядцев свидетельствует: духовно-нравственное совершенствование, развитие человека или общности людей, стремление к «светлости» непременно сопряжено с умственной деятельностью,

с творчеством. Книга (рукописная или печатная) становится в этом случае предметом первой необходимости. И не только обостряется необходимость приобщения к ней в виде чтения (пользования), но и готовность самому ради других и самовыражения творить книгу, которая бы своим добрым словом и советом несла объединяющее, созидательное начало.

2.6. Библиотеки как очаги культуры и просвещения

Большую роль в развитии культуры и просвещения сыграли библиотеки. Впрочем, и сегодня они не утратили свою огромную в жизни общества значимость. В этом их универсальность, непреходящее амплуа просветительства и образования.

В XIX веке библиотеки становятся массовыми, приобретают качества самостоятельных учреждений, предназначенных для всех слоев населения. В 40 – 50-е годы они были главными местными очагами культуры. Определенное значение они имели и в развитии литературы и журналистики.

Первая в Вятской губернии публичная библиотека возникла в уездном центре – Сарапуле, в 1835 году. А. И. Герцен писал, что она была заведена уездным лекарем Х. И. Чудновским «с невероятными усилиями, жертвами и с огромной настойчивостью» и была прекрасно составлена, получала все новые книги и журналы [97]. Знаменитый А. Смирдин на льготных условиях присылал в Сарапул все свои издания [98].

Открытие Вятской публичной библиотеки состоялось в декабре 1837 года. Как мы уже писали выше, молодой чиновник А. И. Герцен, находившийся тогда в вятской ссылке, произнес на торжестве по случаю этого события речь – пламенный гимн книге. За год до открытия «публички» ему было поручено заняться подбором литературы. В декабре 1837 года в библиотеке уже насчитывалось 645 названий (1313 томов) книг, из них на русском языке – 610, на французском – 22, на латинском – 12, на польском – 1. Около половины книг

составляла беллетристика (234 названия), исторических и географических названий было 153, по естественным наукам и медицине 47 и т. д. [99].

Имея приличную литературу художественного и справочного характера, публичная библиотека уже в первые годы получала 17 названий центральных журналов и газет. О ее популярности говорят следующие цифры: за год «публичку» посещало примерно 350 канцеляристов и чиновников, около 400 мещан и купцов, 300 учащихся и других [100].

Большой вклад в развитие вятской публичной библиотеки внес П. В. Алабин. В 1861 году, когда библиотека пришла в упадок, он избирается управляющим ее делами. П. В. Алабину удалось за короткий срок возродить ее. Через губернатора он добивается создания попечительского комитета библиотеки, становится во главе его, передает 214 собственных книг в фонды библиотеки. С целью ее оживления использует подписные листы с обращением «к разным лицам и членам местного общества о пожертвовании на библиотеку», организует концерты, литературно-музыкальные вечера. 20 марта 1862 года состоялось торжество по случаю «возобновления» библиотеки. Он пишет «записку» о деятельности библиотеки, разрабатывает устав и правила пользования книгами, составляет и печатает в 1863 году каталог, активно участвует в создании при библиотеке краеведческого музея, который был открыт 22 января 1866 года [101].

В 1873 году фонд губернской публичной библиотеки насчитывал более 15 тыс. экземпляров книг, выписывались 93 периодических изданий. Библиотека ежегодно имела около 300 подписчиков и ежемесячно более 400 читателей. Среди читателей преобладала учащаяся молодежь [102].

История фондов библиотеки, их возникновения и дальнейшего роста убедительно опровергает утверждение о том, что Вятка до революции была «медвежьим углом». Большое количество литературы публичная библиотека вобрала в себя в двадцатых годах позапрошлого века из бывшей библиотеки Вятской семинарии и из частных собраний, некоторые из которых были ей завещаны.

В «медвежьем углу» не могло быть таких книжных богатств, как в Вятке. И не случайно сегодня по численности фондов публичная библиотека им. Герцена стоит на одном из первых мест в Российской Федерации среди центральных региональных библиотек: в ней насчитывается 4 миллиона единиц хранения [103]. Особый интерес для наших современников представляет фонд дореволюционных изданий, только периодических здесь насчитывается около 1000 единиц хранения. Среди них есть уникальные издания, которые свидетельствуют одновременно и о развитии книгопечатания.

Здесь собраны книги кириллического, гражданского шрифтов, а также прижизненные издания трудов ученых, писателей XVIII, начала XIX веков, многие весьма оригинальны по своему полиграфическому исполнению. Сохранились и раритеты, трогательные лирические послания на бересте, свитки и тяжелые фолианты рукописей. Так, например, хранятся два рукописных свитка. Первый из них – Азбука славянская. По археографическим данным этот свиток написан в конце XVII, начале XVIII веков (материал – бумага, наклеенная на холст) [104]. Второй свиток пергаменный (не пергаментный, как пишут в некоторых трудах, а пергаменный – от названия столицы древней Ассирии Пергам, где в свое время пергам пришел на смену папирусу. – А. В.). Пергаменный свиток, хранящийся в библиотеке, представляет собой рукопись на древнееврейском языке, где описываются обряды и ритуалы древнееврейского праздника – пурим.

Хранится в библиотеке имени Герцена и факсимильное издание первой рукописной книги на Руси – «Остромирово евангелие», «живой» экземпляр которой находится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Среди редких рукописей в герценовской библиотеке также «Космография», исполненная на бумаге последней четверти XVII века. «Космография», иначе говоря, описание всего Света, представляет перевод с латинского «Атласа» голландского ученого – географа Герарда Меркатора. Русские переводы «Космографии» известны в нескольких редакциях.

Экземпляр, принадлежащий Кировской библиотеке, содержит полный текст книги в 230 главах. Другая редкость – одна из первых печатных книг первопечатника Ивана Федорова – «Острожская библия», увидевшая свет в городе Остроге в 1581 году и представляющая непреходящий интерес: книга содержит полный библейский текст на славянском языке. К тому же, одновременно это есть и книга-памятник кириллического шрифта.

Библиотечные фонды хранят и книги, напечатанные в период царствования Петра I, когда произошла реформа шрифта, которая подвинула вперед развитие издательского дела в России и заключалась в замене кириллицы, с ее сложной, замысловатой графикой, простой и удобной в наборе гражданской азбукой. В основу нового шрифта был положен четкий доступный рисунок букв. Большую библиографическую редкость представляют «Указы Петра Великого», изданные впервые Санкт-Петербургской Академией наук в 1739 году. «Указы» эти издавались несколько раз, в Кировской библиотеке хранится редчайший экземпляр первого издания.

Книгопечатание в XVIII веке шагнуло вперед и сделало книгу сравнительно доступной для людей своего времени. Книги печатались на хорошей бумаге простым и удобным шрифтом. В их иллюстрировании принимали участие лучшие художники и граверы. XVIII век положил начало расцвета гравюры на меди. Некоторые книги имели гравированные титульные листы. Вообще же, старинные книги исполнены так тщательно, что, кажется, несут в себе следы труда рукотворного. В первой половине века начала свою деятельность типография Академии наук. В коллекции редких книг хранится изданная в ней «Российская грамматика» М. В. Ломоносова.

Твердые грамматические предписания позволяли избегать разностильности как в письменной, так и устной речи. До нашего времени этот труд представляет для ученых интерес с точки зрения истории русского языка. Библиотека имени Герцена является обладательницей книг по русской истории, написанных Ломоносовым. Это изданный в 1760 году «Краткий Российский летописец с родословием», он содержит перечень русских царей и князей до

Петра I включительно. В 1766 году Академией наук была издана незаконченная М. В. Ломоносовым «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого или до 1054 года». Кировской публичной библиотеке принадлежат и другие книги великого русского ученого, изданные при его жизни.

Хранится здесь и небольшое количество книг, изданных Н. И. Новиковым. Среди них его литературно-критический труд «Опыт исторического словаря о российских писателях», вышедший в 1772 году. Перечень этот можно продолжить. Фонды библиотеки содержат, конечно, и редкие местные издания [105]. Есть среди редких книг особая коллекция – книги, поступившие в библиотеку в 1837 году, то есть в первый год ее существования...

Так, мы видим, что провинциальный вятский читатель XIX века мог держать в руках весьма не «рядовые» книги, приобщаться к серьезным источникам знаний. И Вятская публичная библиотека по обслуживанию своих абонентов была на достаточно высоком уровне...

Наиболее яркой личностью среди интеллигенции Вятки середины XIX века был А. А. Красовский. Убежденный в огромной роли в жизни общества книг и библиотек, он в 1859 году открывает в Вятке для всех желающих библиотеку, а в 1861 году при ней – книжный магазин. Пропагандируя значение библиотек и, в частности, Вятской публичной библиотеки и своей, он регулярно выступал в губернской газете. Так, в 1859 году в № 3 в «Вятских губернских ведомостях» он изложил свои взгляды на библиотечное дело в статье «Об открытии частной библиотеки в Вятке»: «... слиться интересами с центрами нашей общественной жизни, участвовать в общем ходе развития можно только при теперешних условиях провинциального быта, через открытие библиотек для чтения. Библиотека таким образом становится орудием духовного сближения города с центрами образованности и поднимает общий уровень его существования». Тогдашний редактор «Вятских губернских ведомостей» Н. И. Золотницкий так же писал о важности серьезного чтения, например, в статье «Мысли о чтении книг» (1859, № 6).

А. А. Красовский придавал особое значение произведениям В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. С этой целью он приобрел полный комплект журнала «Отечественные записки» за 40-е годы, выписывал «Современник» и «Журнал для воспитания». Ученик и близкий знакомый Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, он пропагандирует в Вятке идеи революционной демократии. Вятский губернатор называл его «основателем нигилизма в Вятке» [106]. В его библиотеке были произведения Гоголя, Грибоедова, Достоевского, Лермонтова, Некрасова, Огарева, Пушкина, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Тургенева, Фонвизина, Байрона, Вольтера, Гете, Руссо, Шекспира, Шиллера и др. С большим умением был проведен подбор книг по истории литературы, географии, истории и другим отраслям.

К Красовскому тянулась лучшая часть учащейся молодежи, которую он умело приучал к избирательному чтению. Как пишет кировский историк В. Д. Сергеев, А. А. Красовский сам приносил книги, в частности, в семинарию, раздавал их с пояснениями, почему необходимо прочесть ту или иную из них, составлял списки литературы, своего рода рекомендательную библиографию. Кругом чтения учащейся молодежи становились «Письма об изучении природы» А. Герцена и его роман «Кто виноват?», статьи В. Белинского в «Отечественных записках», номера «Современника», исторические труды Т. Грановского, тома «Всемирной истории» Ф. Шлоссера [107].

Библиотека и магазин А. А. Красовского сделались центрами распространения оппозиционных идей. В библиотеке также действовал нелегальный кружок, где изучались и обсуждались «Отечественные записки», «Современник», запрещенный властями герценовский «Колокол» [108].

Книжный магазин распространял книги и за пределами губернии. В Казани продаже книг способствовал редактор «Камско-Волжской газеты» Н. Я. Агафонов. Объявления о работе книжного магазина и типографии А. Красовского помещались и на страницах петербургских и даже сибирских газет. По-видимому, под влиянием Н. Я. Агафопова, как утверждает В. Д.

Сергеев, у Красовского возникала мысль об издании в Вятке частной газеты [109].

А. А. Красовский поддерживал связи с петербургскими книгопродавцами. По рекомендации Добролюбова и Чернышевского ему присылали книги из магазина Д. Е. Кожанчикова. Кроме того, поступали книги из книжного магазина Н. А. Серно-Соловьевича. Непосредственно через редакцию получал Красовский журнал «Современник», а Н. А. Добролюбов лично следил за их высылкой в Вятку [110]. По подсчетам Н. Г. Чернышевского, собравшего сведения о числе подписчиков на «Современник», в самой Вятке в 1859 году выписывалось 12 экземпляров журнала. Всего по Вятской губернии в 1859 году выписывалось 33 экземпляра «Современника», в 1860 – 44, в 1861 – 47 [111].

А. Красовский, с риском для себя, содействовал и распространению запрещенного герценовского «Колокола», что станет главным мотивом закрытия в октябре 1866 года его библиотеки и магазина. Автор одного из перлюстрированных Третьим отделением писем сообщал адресату: «...здесь легко попадают в руки сочинения Искандера и я, кажется, успеваю их все перечитать и даже “Колокол” за нынешний год (1860. – А.В.): вот как просвещена Вятка!» [112].

В 1862 году А. А. Красовский подвергся обыску, который привел его к трехмесячному аресту. Вернувшись из казанской тюрьмы, попал под политический надзор и не имел возможности выезжать из Вятки. Тем не менее, не дрогнул и продолжал свою деятельность. Формальным владельцем книжного магазина становится его младший брат Василий Александрович, а библиотекой, вновь открытой в 1869 году, ведал Н. И. Вершинин. За 1870 – 1873 годы библиотека приобрела заново свыше 4 тыс. томов, большая часть которых перешла из бывшей библиотеки Красовского.

О направлении библиотеки дают наглядное представление два каталога, выпущенных А. А. Красовским в 1871 и 1873 годах. Их особенностью являлись указания на рецензии Добролюбова, Писарева к сочинениям Тургенева, Достоевского, Шевченко. Приводились отзывы, помещенные

в демократических журналах, на сочинения Гейне, Гюго, Ж. Санд, Диккенса. В каталогах были учтены «Исторические письма» П. Лаврова, «Положение рабочего класса в России» В. Берви-Флеровского, произведения А. Щапова, Н. Шелгунова, Ч. Дарвина, Т. Гексли, И. Сеченова, номера «Современника» и «Отечественных записок», повести и рассказы Ф. Решетникова, И. Омулевского и других писателей-народников [113].

Власти всячески противодействовали просветительской деятельности А. А. Красовского. В конце концов библиотека Красовского-Вершинина и книжный магазин в июле 1875 года по особому указу были закрыты [114].

Библиотека и магазин, а также типография А. А. Красовского сыграли исключительную роль в общественной и культурной жизни вятского края. Имя их основателя навсегда войдет в историю книжного и литературного дела российской провинции.

Пользовалась популярностью в Вятке и частная библиотека П. А. Шуравина. Открытая в 60-х годах в его доме, где, кстати, жил великий ученый К. Э. Циолковский, она просуществовала до 1874 года [115].

Заметную просветительскую работу проводили библиотеки в Котельниче (владельцы И. Н. и Е. А. Кошурниковы), в Слободском (В. З. Ефремов и Н. З. Платунов), которые совмещались с книжным магазином; в Уржуме (Л. П. Матвеев и А. А. Чернов), в Орлове (А. Н. Кузнецов), в Нолинске (А. Ф. Ергин), в Яранске (А. С. Филимонова), в Елабуге (И. Н. Кибардин) и другие [116].

Чрезвычайно деятельными в организации библиотечного дела проявили себя земства губернии. К концу 1894 года только при школах было открыто уездными земствами 65 бесплатных библиотек. Петербургский комитет грамотности снабжал открывающиеся библиотеки книгами на сумму не менее 250 руб. на каждую библиотеку [117]. Энергичную работу проводили земства, как мы уже отметили, в организации «батуевских» и «павленковских» библиотек.

Практически в каждом уезде открывались публичные уездные библиотеки. Так, например, публичная библиотека Глазовского земства была открыта

в октябре 1867 года. Незначительный поначалу ее книжный фонд пополнялся за счет небольшой суммы, выделяемой земством, и пожертвованиями частных лиц и учреждений. Все вопросы, связанные с содержанием библиотеки, решались ежегодно на сессиях Глазовского уездного земского собрания. Из года в год росли книжные фонды. Литература приобреталась, в основном, через петербургский книжный магазин для иногородних (Невский проспект, д. 36). Уездная «публичка» печатала «Каталоги»; существовали здесь и разработанные правила для читателей (в 1877 г.), и устав библиотеки (в 1897 г.) [118].

По «Каталогу книг публичной библиотеки Глазовского земства за 1877 год» библиотека имела 14 разделов. В разделе «Богословие» представлено 5 экземпляров книг (в 5 томах), «Философия и психология» – 20 экземпляров (в 25 томах), «Педагогика и дидактика» – 33 (в 38), «Естествознание, технология и медицина» – 105 (в 120), «Политическая экономия и правоведение» – 39 (44), «Антропология, социология и история» – 49 (86), «География, этнография и путешествия» – 39 (45), «Русская беллетристика, критика и библиография» – 139 (228), «Переводная беллетристика» – 405 (576), учебники, справочные пособия, детские книги, журналы. Выписывались многие журналы: «Будильник», «Всемирная иллюстрация», «Вестник Европы», «Дело», «Древняя и новая Россия», «Детское чтение», «Живописное обозрение», «Знание», «Искра», «Народная школа», «Неделя», «Нива», «Отечественные записки», «Русский вестник», «Русская старина», «Семья и школа», «Учитель». В библиотеке имелись сочинения Аксакова, Боборыкина, Гоголя, Гончарова, Грибоедова, Достоевского, Лажечникова, Лескова, Некрасова, Писемского, Помяловского, Решетникова, Салтыкова-Щедрина, Успенского. А о том, насколько сильно тяготели к знаниям глазовчане, говорит из года в год увеличивающееся число читателей библиотеки: в 1878 году – 75, в 1886-ом – 97, в 1887-ом – 115, в 1889-ом – 163, в 1903-ом – 197, в 1908-ом – 204, в 1913-ом – 312, в 1914-ом – 331, в 1917-ом – 503 читателя [119].

Активным читателем библиотеки являлся В. Г. Короленко, сосланный в «ненастоящий город» в 1879 году, и не терял связи с ней даже будучи высланный из Глазова в Березовские починки этого же уезда.

Заслуживающие внимания факты о круге чтения и о библиотеках Орловского уезда в конце XIX века содержатся в сведениях Вятского статистического бюро за 1885 год. В подборный бланк за этот год по уезду был включен специальный вопрос: сколько и какие книги имеются в семье? В 27 волостях Орловского уезда проживало 198 тыс. 243 человека, в том числе грамотных 13 816 мужчин и 777 женщин. Среди этих грамотных находились 17 133 экземпляра книг и брошюр [120]. Книги, принадлежащие одному хозяину, обходили почти всех грамотных деревни и составляли одну общую деревенскую библиотеку.

На каждую сотню грамотных приходилось по 50 и более книг. Как правило, владельцами библиотек были зажиточные крестьяне. Книги религиозно-нравственного содержания составляли 84 % от общего числа книг. Среди них часто встречались азбука, псалтирь и часослов. Любимым чтением селянина были Жития святых. Практически каждый грамотный домохозяин имел Евангелие, Библию, святцы, молитвословы, псалтирь, часословы. Распространены были акафисты, службы, слова, поучения, беседы (особенно сочинения вятского иеромонаха Стефана Куртеева. Массы крестьян шли к о. Стефану, чтобы послушать его поучения, спросить совета. Он снабжал посетителей своими сочинениями). Из периодических изданий были в ходу «Душеполезные размышления», «Странник», «Сельский вестник», «Грамотей» и др. Также большое распространение имели календари.

В середине XIX века начали возникать народные библиотеки. Орловская публичная библиотека была открыта 6 декабря 1846 года. По каталогу тогда в ней значилось 119 книг в 256 томов. В 1874 году была учреждена Орловская земская библиотека для народных учителей, которая затем слилась с публичной библиотекой. В 1900 году основана библиотека-читальня при чайной благотворительного общества. В Орлове также работала медицинская

библиотека и уездная библиотека духовного ведомства. В 1890 году открылась библиотека-читальня в с. Русаново, которая содержалась на частные средства. В том же году была учреждена Колповская народная библиотека. В 1892 году открылась Кленовицкая народная библиотека. С 1894 года в каждом сельском обществе возникают народные пятирублевые библиотеки. В 1895 году на средства общества трезвости была открыта народная библиотека-читальня в с. Истобенск [121].

О том, как были велики запросы народа к чтению в глубинках губернии, об инициативе самих крестьян в организации библиотек, писал, например, автор журнала «Русская мысль» И. Иванюков в «Очерках провинциальной жизни». Речь в них идет об организации библиотеки в с. Пьяный Бор Елабужского уезда и о предстоящих открытиях в уезде еще 12 библиотек. «Библиотека эта, недавно открытая и созданная, что называется, на гроши, собранная по подписке, теперь уже обставлена настолько удовлетворительно, что имеет до 400 названий книг и до 250 подписчиков крестьян, – говорится в публикации. – ...Увеличивающееся число подписчиков указывает на то, как симпатично к подобным учреждениям относится крестьянское население и как велики запросы народа к чтению... Книжки выдаются два раза в неделю: воскресенье и четверг, и в эти дни здание волостного правления бывает полно народом; некоторые из крестьян, чтобы получить желаемую книжку, ждут по два, по три часа своей очереди, так как зачастую еще книжка не сдана в библиотеку. Крестьяне замечательно бережно обращаются с книжками и всегда аккуратно возвращают их в назначенный ими срок. Некоторыми книжками, как, например, исторические повести, путешествия и рассказы из естественной истории, можно сказать, зачитываются и берут их по несколько раз» [122].

Увеличивалось в губернии количество небольших личных библиотек. Кстати, немало книг сосредотачивалось в руках активных корреспондентов местных газет. Так, внештатный корреспондент «Вятских губернских ведомостей» 60 – 70-х годов волостной писарь крестьянин Д. Л. Сенников открыл в своем селе Казаково Котельничского уезда библиотеку, собрал в ней

150 книг, выписал пять периодических изданий. Через год им был создан и сельскохозяйственный музей. Д. Л. Сенников ратовал за устройство при сельских школах опытных полей и садовых участков, составил проект «Подвижной азбуки» для быстреего и простого обучения грамоте [123].

Создание библиотек на селе с помощью частной инициативы находило все больше примеров. Примечательной в этом ряду была и сельская библиотека в селе Верховино Орловского уезда, созданная усилиями врача, просветителя и литератора С. И. Сычугова. В 1889 году Сычуглов поселился в селе Верховино, открыв вольную врачебную практику. Он видел нужду и непросвещенность крестьян, связывал с этим высокую степень заболеваемости и смертность. С юных лет знавший и любивший литературу, Сычуглов начал с раздачи книг крестьянским детям. Вскоре он понял, что лучше было бы открыть в селе библиотеку. Получив необходимое разрешение от губернатора, врач принялся за дело, положив на содержание библиотеки часть своего годового дохода.

Для приобретения книг он несколько раз совершал поездки в Москву, обращался к букинистам. В июне 1894 года библиотека открылась. Она была бесплатной, выдача книг производилась ежедневно [124]. Сычуглов сам выполнял обязанности библиотекаря, переплетчика и даже столяра, когда надо было мастерить книжные полки. К концу года для библиотеки поступило два пудовых тюка книг от Московского комитета грамотности. «Теперь моя библиотека цветет, – с гордостью сообщал Сычуглов. – Я могу давать по две, а дальним крестьянам и по три книги на дом. Абоненты не нахвалятся ими. Большинство абонентов читают дома вслух, и на их чтения, не говоря уже о семейных, собираются и соседи» [125].

За три первых года в библиотеку записалось около 500 человек, половина из них – учащиеся. Пожилые крестьяне читали в основном «божественное», молодежь предпочитала беллетристику, книги о войне, дети – сказки, жития святых. Книги Сычуглов подбирал сам, стараясь вести читателей от легкого чтения к серьезному, сообразуясь с развитием и вкусом читателей [126].

Создавались на частные средства и другие библиотеки. Обслуживание же рабочей читательской аудитории осуществляли заводские библиотеки. Открывались они хозяевами заводов. В 1882 году на средства владельцев Холуницких заводов Козелл-Поклевских при заводууправлении начала действовать бесплатная библиотека. В 1896 году в Белой Холунице по решению волостного схода открылась еще одна библиотека. Но заводских библиотек было недостаточно, о чем свидетельствуют требования их открытия, выдвигавшиеся во время забастовок в 1905 году вятскими железнодорожниками и рабочими кожевенных заводов Сарапула [127].

Кроме публичных, народных, учебных библиотек имелись и специальные библиотеки. В уездах земствами создавались небольшие медицинские и учительские библиотеки. Существовали библиотеки в различных учреждениях, научных, образовательных, общественных организациях. Большой библиотекой в 10 тысяч томов располагала библиотека Вятского губернского земства, около двух тысяч томов имелось в библиотеке Вятского губернского статистического комитета. Были библиотеки в канцелярии губернатора, в губернском присутствии и в других губернских и уездных учреждениях [128].

Публичные и частные (или домашние), заводские и другие библиотеки, несомненно, сыграли большую роль в формировании культурных сил и традиций. Они пробуждали интерес не только к литературе, художественным произведениям, научным сочинениям и трактатам, но и популяризации периодики тех лет, приучали к чтению журналов и газет, тем самым способствовали формированию и расширению аудитории вятской прессы.

К середине XIX века в России книга приобрела исключительное влияние на общественные настроения, составила серьезную конкуренцию периодическим изданиям. Усилению роли и значения книги способствовало

несколько обстоятельств, главное из которых – появление массового читателя, для которого чтение становится необходимой жизненной потребностью.

В книжном репертуаре второй половины XIX века появляется особый вид продукции – «книга для народа». Широкое распространение в низовой среде, взамен лубочной, просветительской, духовно-нравственной и т. д. литературы, позволило создать огромную взыскательную аудиторию из народного, в том числе крестьянского, читателя, повысить его идейный и культурный уровень. Велика в этом роль передовой прогрессивной интеллигенции, многих подвижников книгоиздательского и литературного дела, земских деятелей и др. Что важно: в народе сформировался возвышенный взгляд на литературу, как один из проводников просвещения, вообще, создается ситуация, когда, как писал один из авторов «Вестника Европы», «...книги, брошюры, газеты забирают себе главную, руководящую роль в стране» и «быть без грамоты» становится «почти все равно, что жить без глаз» [129].

Издания для народа имели большую познавательную ценность. В одних доступно излагались азы физики и химии, в других давались общие сведения по ботанике, зоологии, третьи способствовали простейшему пониманию закономерностей исторического развития.

В 1870-е годы оформились три главных направления в тематике книжных изданий для народа: революционно-демократическое, просветительское и охранительное [130]. Яркой страницей просветительского книгоиздательства служит деятельность Ф. Ф. Павленкова, сосланного в Вятку в 1869 году.

Усиливается профессионализация литературы, которая была тесно связана с ее журнализацией. Сильно возрастает общественная роль писателей и журналистов. По свидетельству Н. Шелгунова, «...никогда, ни раньше, ни после, писатель не занимал у нас в России такого почетного места», он «стал общественным учителем, воспитателем и пророком» [131].

Изменилось и само отношение к чтению, которое стало помощницей в выборе жизненного пути и инструкцией в повседневной практике.

С повышением уровня образования населения чтение входило в образ жизни все более широких слоев населения. Важную роль в этом начинают играть библиотеки, как очаги культуры и книжности.

Вятская губерния была одной из самых «книжных» и во многом превосходила другие по уровню грамотности и числу типографий и библиотек. Огромную просветительскую работу здесь проводило земство, отличавшееся своим демократизмом и «мужицким» характером деятельности. Большую лепту в книгоиздательское и библиотечное дело Вятского края внесли политические ссыльные, а также столичные прогрессивные деятели, революционные демократы и народники...

Примечания

1. Семенников В. П. Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII и в начале XIX веков // Русский библиофил, 1911. № 6 – 8. – С. 15.
2. Цит. по: Кировской областной типографии – 175 лет: Сб. – Киров, 1972. – С. 6.
3. Семенников В. П. Указ. соч. – С. 16.
4. Цит. по: Семенников В. П. Указ. соч. – С. 18.
5. Блюм А. В. Местная книга и цензура дореформенной России (1784 – 1860). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – С. 7 – 12.
6. См. о них подробнее: Смирнов-Сокольский Н. Первенцы провинциальной журналистики // Литература и жизнь, 1958. 27 апр.; Любимов Л. С. История сибирской печати. – Иркутск, 1982.
7. Блюм А. В. Указ. соч. – С. 8.
8. См. подробнее: Селивановский М. К. Столетие Вятской губернской типографии. 1797 – 1897. – Вятка, 1898.
9. Буня М. Глазовские находки: Записки краеведа. – Ижевск, 1971. – С. 36.

10. Селивановский М. К. Указ. соч.
11. Черняховский Г. С., Заболотский В. В. Из истории книгоиздательского дела в Кировской области. – Киров, 1964. – С. 3. Листовку с речью А. И. Герцена точнее будет отнести не к литературному, а к публицистическому произведению.
12. Цит. по: Слово о книге: афоризмы, изречения, литературные цитаты / Сост. Е. С. Лихтенштейн. – М., 1984. – С. 64 – 66.
13. Черняховский Г. С., Заболотский В. В. Указ. соч. – С. 4.
14. Вятские губернские ведомости, 1848. № 43.
15. Черняховский Г. С., Заболотский В. В. Указ. соч. – С. 5.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп. 54. Д. 155. ЛЛ. 29 – 32; Оп. 52-а. Д. 62. Л. 1.
17. О развитии российской печати конца XIX – начала XX века в контексте социально-экономических проблем, связанных с развитием капитализма, а также вопросах превращения газетно-издательского дела в отрасль капиталистического предпринимательства см. подробнее в кн.: Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. – М., 1984; Летенков Э. В. «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX века. – Л., 1988.
18. Черняховский Г. С., Заболотский В. В. Указ соч. – С. 4
19. Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти тт. Т. – М., 1962. – С. 423.
20. Ленин В. И. ПСС. Т. 22. – С. 295.
21. Вятский край, 1907. 2 марта.
22. Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России: краткий историко-статистический очерк культурной деятельности Вятского земства в связи с деятельностью всех русских земств. – Вятка, 1901. – С. 12. Очерк был написан П. А. Голубевым для Парижской выставки 1900 года и напечатан первоначально на французском языке. На русском языке издан повторно в дополненном виде.
23. Вятские губернские ведомости, 1859. № 51.

24. Доброхотов (Луппов П. Н.). Новая мера к развитию народного образования (Мероприятия Вятского губернского земства) // Северный Вестник, 1893. № 9. – С. 27.
25. Вестник воспитания, 1900. № 8. – С. 89.
26. Вятка: Краеведческий сборник. – Киров, 1972 / Сост. М. А. Ардашев. – С. 72.
27. Тулупов Н. Книжные склады в России // Русская мысль, 1901. Кн. II (февр.). – С. 15.
28. Там же.
29. Голубев П. А. Указ. соч. – С. 112 – 113.
30. Вятка: Краеведческий сборник. Указ. соч. – С. 72. По подсчетам П. А. Голубева, было издано, например, по статистике и философии – более 60 томов, по сельскому хозяйству и кустарным промыслам – более 40, до 10 – по кредиту, более 20 – по страховому делу, около 5 – по продовольствию, более 20 – по медицине, около 30 – по ветеринарии. См.: Голубев П. А. Указ. соч. – С. 116.
31. Сытин И. Д. Страницы пережитого // Жизнь для книги. 2-е изд., доп. – М., 1985. – С. 273.
32. Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы III научн. конф. в 5-ти тт. Т.2 / Отв. ред. В. А. Поздеев. – Киров, 1995. – С. 33.
33. Изергина Н. П. Литературная жизнь Вятки (1870 – 1917 гг.): Литературно-краеведческие очерки. – Киров, 1990. – С. 183.
34. Тулупов Н. Указ. соч. – С. 21.
35. Там же. – С. 22.
36. Там же. – С. 24.
37. Иванюков И. Очерки провинциальной жизни // Русская мысль, 1895. февр. – С. 151.
38. Там же.
39. Тулупов Н. Указ соч. – С. 40.

40. Шумихин В. Дстойное памяти великой души // Кировская правда, 1979. 6 июня.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же.
44. Тарле Е. В. Крымская война. – М.; Л., 1950. Т. I. – С. 285.
45. Вятские губернские ведомости, 1859. № 27 – 30; 1861. № 18; 1862. № 38; 1863. № 15.
46. Вятская земля в прошлом и настоящем. Указ. соч. – С. 24.
47. РНБ, отд. рук. Фонд И. С. Аксакова, 14. № 42, 43, 456; Фонд А. А. Краевского, 391. № 142.
48. Перечень изданий Вятского губернского земства. – Вятка, 1898. – С. 14.
49. Вятская земля в прошлом и настоящем. Указ. соч. Т. 2. – С. 33.
50. Селивановский М. К. Указ. соч. – С. 15.
51. Там же.
52. Черняховский Г. С., Заболотский В. В. Указ. соч. – С. 10.
53. Голубев П. А. Указ. соч. – С. 109.
54. См.: Марков А. А. Из истории создания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» // Герценка: Вятские записки. Вып. 1 / Редкол.: С. Ю. Горбачев, Н. П. Гурьянова, В. И. Курилова и др. – Киров, 2000. – 143 с.
55. Там же.
56. Там же.
57. Столетие Вятской губернии: Сб. материалов к истории Вятского края. В 2-х т. – Вятка, 1881.
58. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края: Приложение ко 2 тому сборника «Столетие Вятской губернии». – Вятка, 1881.
59. Вятские губернские ведомости, 1884. № 98.
60. См. о нем подробнее: Рассудовская Н. М. Издатель Ф. Ф. Павленков (1839 – 1900): Очерк жизни и деятельности. – М., 1960; Блюм А. В. Павленков в Вятке. – Киров, 1976.

61. РГИА. Ф. 1405. Оп. 66, 1868. Д. 3435. Л. 14.
62. Шадрин И. Бурса: Повесть из современной жизни духовных семинарий и духовенства. – СПб., 1913. – С. 71.
63. Об А. А. Красовском и его библиотеке см. подробнее: Петряев Е. Д. Люди, рукописи, книги: Литературные находки. – Киров, 1970. – С. 58 – 59, 95 – 98, 127 – 128, 172 – 177; Сергеев В. Д. А. А. Красовский. – Киров, 1977.
64. ГАКО. Ф. 582. Оп. 52. Д. 798. Л. 4.
65. Там же. Оп. 26. Д. 185. Л. 1; Д. 556. ЛЛ. 143, 153; Д. 670-а. Л. 123.
66. Там же. Оп. 26; Д. 795. ЛЛ. 42 – 43.
67. Блинов Н. Н. О способах обучения в семье и школе... – СПб., типография А. М. Котомина, 1870.
68. Блюм А. В. Павленков в Вятке. – Киров, 1976. – С. 28.
69. ГАКО. Ф. 582. Оп. 58, 1877. Д. 476.
70. РГИА. Ф. 734. Оп. 3, 1874. Д. 26. ЛЛ. 20 – 24.
71. Блюм А. В. Указ. соч. – С. 34.
72. Там же. – С. 35.
73. Голубев П. А. Указ. соч. – С. 12.
74. РГИА. Ф. 734. Оп. 3, 1874. Д. 26. ЛЛ. 490 – 492.
75. Там же.
76. Блюм А. В. Указ. соч. – С. 41.
77. См.: Там же. – С. 43.
78. См.: Там же. – С. 53 – 57.
79. РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Д. 201. Л. 15 – 16.
80. Цит. по: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. 1825 – 1904. – М., 1962. – С. 129.
81. РГИА. Ф. 776. Оп. 1, 1877. Д. 161.
82. Там же. Оп. 20, 1878. Д. 32.
83. Вятка: Краеведческий сборник. – Киров, 1975. – С. 89.
84. См. подробнее: Изергина Н. П. Указ. соч. – С. 182 – 189.
85. Там же. – С. 185 – 186.

86. РНБ. Отд. рук. Ф. 135/11. К. 39. Д. 27. ЛЛ. 1 – 2.
87. См.: Каталог изданий «Вятского товарищества. Народная библиотека». – СПб., 1913.
88. К истории книжной культуры южной Вятки: Полевые исследования / Под ред. А. А. Амосова и Р. Г. Пихои. – Л., 1991.
89. Там же. – С. 12.
90. Библиотека Академии наук (БАН). Отд. рук. и редк. книг. Кировское собрание. 61 р., 77 р. и др.
91. См.: Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. – СПб., 1912. – С. 230.
92. Собрание от Святого писания о антихристе и о последнем времени // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. Кельшев. – Лондон, 1861. Вып. 2. – С. 245 – 267.
93. БАН. Отд. рук. и редк. книг. Кировское собрание. 58 р/1831. Л. 29.
94. К истории книжной культуры южной Вятки. Указ. соч. – С. 27.
95. История и культура Волго-Вятского края / К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии: Тез. докл. и сообщ. к межрег. научн. конф. – Киров, 1994. – С. 349.
96. См.: К истории книжной культуры южной Вятки. Указ. соч.
97. Герцен А. И. Сочинения. – М., 1958. Т. 8. – С. 35 – 36.
98. ГАКО. Ф. 528. Оп. 81. Ед. хр. 577.
99. ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Ед. хр. 525. Л. III б.
100. Памятники истории и культуры города Кирова: Справочник. – Горький, 1986. – С. 65.
101. Вятская земля в прошлом и настоящем. Указ. соч. Т. 2. – С. 24.
102. История и культура Волго-Вятского края. Указ. соч. – С. 523 – 524.
103. Гурьянова Н. П. Кировская областная научная библиотека им. А. И. Герцена: история и современное состояние // Герценка: Вятские записки.

Вып. 12 / Редкол.: Н. П. Гурьянова (сост.), В. А. Коршунков (науч. ред.),
В. И. Морозов (общ. ред.) и др. – Киров, 2007. – 206 с.

104. Там же.

105. Кировская областная библиотека им. Герцена, отд. ред. книг. Каталог.

106. ГАРФ. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 303. ЛЛ. 5 – 6, 14, 31, 37.

107. Сергеев В. Д. Вятские «нигилисты»: Из истории разночинной
интеллигенции Вятки. – Петропавловск-Камчатский, 1994. – С. 39.

108. Памятники истории и культуры города Кирова. Указ. соч. – С. 67.

109. Сергеев В. Д. Указ. соч. – С. 61.

110. Там же. – С. 48.

111. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 16-ти тт. – М., 1954. Т. 10. – С. 458
– 459.

112. Гинзбург Б. С. Распространение изданий Вольной русской типографии //
Революционная ситуация в России 1859 – 1861 гг. – М., 1962. – С. 257.

113. Сергеев В. Д. Указ. соч. – С. 60 – 61.

114. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 160.

115. Писатели и Вятский край: Сборник. – Киров, 1976. – С. 104.

116. Петряев Е. Д. Вятские книголюбы. – Киров, 1986. – С. 91.

117. Голубев П. А. Указ. соч. – С. 109.

118. Вятская земля в прошлом и настоящем. Указ. соч. Т. 2. – С. 28.

119. Там же. – С. 29.

120. История и культура Волго-Вятского края. Указ. соч. – С. 525.

121. Там же. – С. 526 – 528.

122. Русская мысль, 1895. март. – С. 181.

123. См.: Панькова С. Н. Дмитрий Сенников – подвижник XIX века. – Киров,
1997.

124. Колупаева В. Н., Сергеев В. Д. Из истории вятских библиотек //
Энциклопедия земли Вятской: Откуда мы родом?: В 10 т. – Киров, 1994 –
1996. Т. 4. – С. 244.

125. Сычугов С. И. Записки бурсака. – М., 1934. – С. 310.

- 126. Колупаева В. Н., Сергеев В. Д. Указ соч. – С. 245.
- 127. См.: Там же.
- 128. Там же. – С. 246.
- 129. Вестник Европы, 1913. ноябрь. – С. 351.
- 130. См. подробнее: Книга в России. 1861 – 1881: В 3 т. Т.3. – М., 1991.
- 131. Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. – М., 1967. Т. 1. – С. 113 – 114.

ГЛАВА III. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС КАК НОВАЯ БАЗА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОВИНЦИИ (XIX – НАЧ. XX ВВ.)

Отечественная война 1812 года, восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года во многом определили ход российской истории и развития общественно-политической мысли первой половины XIX века. Реформы Александра I, принятые им нововведения (в том числе первый цензурный устав 1804 года), начавшиеся до этих событий, способствовали раскрепощению творческого потенциала общества. На страницах печати все чаще присутствуют темы, посвященные положению крестьянства, значению просветительской деятельности среди народа и т. д. Учитывая количественный рост прессы – в первой четверти XIX века возникло около 150 новых периодических изданий, официальных и частных, столичных и провинциальных [1], – можно судить об увеличении «площади» распространения (соответственно и влияния) демократической тематики. Народ, как главный носитель материальных и духовных ценностей, в оценке передовой печати находит достойное местоположение, сочувствие и всестороннюю поддержку. В главные герои выдвигается представитель низового сословия, он теперь – основной объект исследования, он – в фокусе общественного внимания.

Значительно возрастает влияние печати в 1840-е годы. В этот период определились основные идейные течения – крепостническое, либеральное и демократическое. Характеризуя влияние прогрессивной печати 40-х годов, В. Г. Белинский писал: «... Вся сфера современного общественного движения теперь выражается словом “пресса”; это живой пульс общества, по биению которого вернее, нежели по какому-нибудь другому признаку, можно судить

о состоянии общества ... Нет стороны в обществе, которая бы теперь не выражалась прессою, не жила в ней и ею» [2]. Журналистика становится главной составляющей в литературно-творческом процессе; современность ярче всего находит отражение в повременных изданиях. И не случайно проницательные литераторы и публицисты (например, Н. А. Полевой) еще в 1830-е годы угадывают универсальную роль прессы, начинают рассматривать развитие литературы сквозь призму журналистики [3]. В 40-е годы славянофил И. Киреевский в «Обзрении современного состояния словесности», напечатанном в «Москвитянине», констатировал: «В наше время изящную словесность заменила словесность журнальная». Он признавал руководящую роль прессы в формировании общественного мнения. Если прежде «литературные интересы были одною из пружин умственного движения народов», то теперь картина изменилась: «Господство журналистики в области литературы то же, что господство философских сочинений в области наук» [4].

Конечно, речь идет прежде всего о столичной печати, которая, впрочем, хотя и незначительно, распространялась и в провинции. Но знаковым событием в истории российской журналистики становится учреждение губернских «Ведомостей»; 1838 год, когда они появились во всех губерниях и областях, стал, можно сказать, точкой отсчета в организации системы провинциальной периодической печати в России. Лишь на рубеже 1870-х годов, после отмены крепостного права (1861 г.), провинциальная печать приобретает реальные очертания полноценной системы, включающей в себя разные типы и характеристики изданий, расширяя зону влияния, и наравне со столичной становится серьезным рычагом формирования общественного мнения. И так же, как столичная, провинциальная печать вбирает в себя все оттенки идеологических настроений, и так же, как столичная, выступает катализатором литературного процесса...

3.1. Пореформенная печать: начальный период

После отмены крепостного права во всем укладе российского государства, в том числе в области идеологии, произошли глубокие изменения. В конце 1861 года министром внутренних дел П. А. Валуевым была сформулирована новая программа политики в делах печати. Позже она лишь развивалась, дополнялась и приспособлялась к другой обстановке, потребностям времени и настроениям правительственных кругов. Экономические и политические условия после 1861 года вынудили правительство пойти на некоторые уступки. 6 апреля 1865 года Александр II подписал новые Правила о цензуре и печати, сохранившиеся в основе вплоть до октября 1905 года, когда была провозглашена «свобода слова».

Конечно же, общественная жизнь России была неоднородной, сложной, в разных местах имела особенности, свои амплитуды. В сельскохозяйственных районах, в том числе в Вятской губернии, несмотря на вступление страны в капиталистическую фазу развития, в 60 – 70-е годы сильное влияние оказывали народнические идеи. Народническая ориентация в Вятской губернии, ввиду фактора преобладания крестьянского населения, сохранялась значительно долгое время. Это наглядно отразилось и на содержании местной прессы. Но закономерности экономического и общественного движения вступающей в капитализм России давали о себе знать повсюду. Тем более, что вслед за крестьянской реформой царское правительство с 1863 по 1874 год проводит ряд других буржуазных реформ (земскую, судебную и др.), которые, несмотря на дворянско-помещичью сущность, способствовали ускоренному развитию капитализма. Все это вызвало мощный толчок общественного движения в стране и рост интеллигенции, особенно провинциальной, раскрепостило в той или иной степени все без исключения социальные слои общества.

Определяющими условиями, которыми объясняется новое качество всей журналистики, явились, подчеркнем, вступление России в эпоху капитализма,

бурное развитие промышленности и торговли, транспорта и т. д. Отчетливее происходит и дифференциация печати, расширяется ее аудитория. В газетно-журнальном деле наблюдается укрепление материальной базы газет, прогресс типографского дела, активизируется роль телеграфных агентств. Совершенствуется сама журналистская деятельность, набирается ее опыт.

С середины XIX века под влиянием процесса развития капитализма наметились признаки нового отношения к издательскому делу как выгодному коммерческому предприятию, что проявляется уже не только и не столько в прямом субсидировании, сколько в субсидировании их через объявления, рекламу. Так возникают частные издания, связанные с развитием торговли и промышленности. Часто они представляли собой так называемые ярмарочные листки («листки объявлений»), которые издавались в интересах промышленников, купечества. Первые такие «листки» в Вятской губернии появились в уездных городах Сарапуле и Елабуге, где купечество играло в жизни уездов заметную роль. Молодой, быстро растущий капитал требовал своего печатного органа, который бы содействовал распространению необходимых сведений по торговле, промышленности и другим производствам.

В Сарапуле ходатаем такого издания выступил купец И. М. Колчин, он же владелец типолитографии. В январе 1895 года Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи разрешило издание в Сарапуле газеты [5]. 4 мая 1897 года вышел первый ее номер под названием «Сарапульский листок объявлений». В подзаголовке значилось: «Газета реклам и публикаций». «Сарапульский листок» выходил два раза в неделю на двух страницах большого формата; годовая подписка стоила рубль. «Листок» давал широкую рекламу товаров, изделий различных магазинов, лавок, торгов, мастерских; рекламировал периодические издания, индивидуальные услуги, информировал о продаже имуществ, сдаче домов и т. п., о частных услугах, расписании движения пассажирских пароходов. Многие объявления были клишированы и гравированы. Фактически весь газетный объем занимали частные объявления (поэтому о содержании газеты как таковой не может быть

и речи). Кроме выпуска газеты, типолитография И. М. Колчина выполняла всевозможные типографские, литографские и переплетные работы. С начала XX века печатала ежедневно отдельными выпусками телеграммы Российского телеграфного агентства, получаемые из С.-Петербурга. «Сарапульский листок объявлений» выходил до 1906 года.

В Елабуге подобным типом издания был «Камский листок объявлений», который выходил с 1897 года по 1904 год.

Так, издание этих «листочков» открыло новый тип местной печати – коммерческий. Превращение платных публикаций в источник прибыли привело к выделению сбора и распространения объявлений в особую сферу деятельности – газетный бизнес. В общей же системе губернской печати этот тип издания имел локальное значение.

В это же время, с началом капитализации газетно-журнального дела, начинается процесс демократизации провинциальной журналистики. Он выразился и в том, что отдельные выходцы из народа оказываются причастными к журналистике, а во главе некоторых газет появляются люди из крестьянского сословия. Другая сторона демократизации журналистики и литературы в целом проявилась в повышении числа грамотных читателей, вообще в культурном росте. В Вятке, например, в 1897 году грамотных мужчин было 67 процентов, среди женщин – 52 процента [6].

Важнейшим источником духовной пищи для образованных людей в провинции была периодическая печать. Если в 1859 году в России выходило 280 периодических изданий, в 1872 году – 378, в 1882 году – 554, то в 1895 году уже 841[7]. Значительная часть этих изданий – губернские ведомости, епархиальные вестники, местные частные газеты. В России 1860 – 1880-х годов вырос массовый читатель в лице провинциальной интеллигенции, а так же грамотных крестьян. С 1890-х годов начался заметный рост читателей из широкой народной среды. Губернские города стали, помимо всего, издательскими центрами и обеспечивали определенного рода литературой и периодикой свои губернии. Кроме центральной периодики, у провинциальной

интеллигенции появились более широкие возможности в приобретении книг, в том числе местных авторов, изданных местными типографиями. Так, в Вятской губернии к 1874 году существовало 11 книжных лавок и 13 типографий, 11 публичных библиотек, причем в губернской Вятке – три библиотеки. В губернской библиотеке в 1874 году насчитывалось 6581 название книг в 13900 томах [8]. Все это не могло не сказаться на усилении просветительских, общеобразовательных тенденциях во всех слоях общества.

Просветительская нацеленность провинциальной интеллигенции, стремление не изолироваться в своем социальном кругу, а активно служить народу знаниями диктовали методы работы организаторам печати, активным ее корреспондентам. Отсюда – пристальное внимание к местным вопросам, к местному населению, вообще усиление регионального фактора в журналистском творческом процессе. Общие задачи консолидируют образованных людей, этому благоприятствуют и повсеместно создаваемые в губернских центрах ученые общества, статистические комитеты, земства, которые выполняли, кроме прямых обязанностей, краеведческие и издательские функции.

Провинциальная интеллигенция нередко начинает ощущать отличие собственных целей и интересов от интересов столичной интеллигенции. Показательна в этом отношении полемика вокруг статьи петербургского писателя Д. Л. Мордовцева «Печать провинции», опубликованной в 1875 году в столичном демократическом журнале «Дело» (№10) и вызвавшей бурную реакцию местной периодики. По мнению автора статьи, закон роста больших городов оказывал влияние на печать, которая сосредоточивалась в крупных центрах, а областная и национальная печать должна была в таком случае играть скромную роль, занимаясь исключительно местными вопросами. Д. Л. Мордовцев сделал вывод о бесперспективности провинциальной прессы. Многочисленные отклики местных газет и журналов на эту статью содержали дружное несогласие с этим мнением. Наиболее страстно и вместе с тем со знанием дела, с подробным анализом условий существования местной прессы

выступил известный провинциальный деятель, публицист А. С. Гацкий в работе «Смерть провинции или нет? Открытое письмо Д. Л. Мордовцеву» (Нижний Новгород, 1876 г.). «Разве областная провинциальная печать не может иметь своего мнения, и не по одним областным, но и по государственным вопросам? – вопрошает А. С. Гацкий. Эта полемика, с одной стороны, обнаружила недооценку и незнание истинного положения и роли провинциальной печати со стороны столичной журналистской элиты, с другой – показала, насколько выросла уверенность и вера в собственные силы провинциального корпуса журналистов.

К немногим из столичных литераторов и публицистов, кто понимал значение провинциальных газет, относился знаток российской журналистики и пытливый наблюдатель М. К. Лемке, имевший, кстати, опыт работы в «Орловском вестнике». «Я из того десятка петербургских литераторов, которые предвещают провинциальной печати громадное будущее», – писал он в 1899 году писательнице Е. П. Летковой-Султановой [9].

Несмотря на то, что правительство, цензура постоянно ограничивали деятельность не только демократической, но и либеральной печати (административные преследования, штрафы, конфискация номеров были обычным явлением), а провинциальная пресса находилась под двойным гнетом – со стороны столичной и местной администраций, поступательное развитие журналистики и литературы российских регионов стало очевидным. И Вятская губерния в этом отношении была одним из ярких примеров.

3.2. «Вятские губернские ведомости» – первая официальная газета

До появления в 1894 году органа Вятского губернского земства «Вятской газеты» и первой частной газеты общественно-политического направления «Вятский край» в 1895 году, информационное и духовно-идеологическое обслуживание населения края выполняли «Вятские губернские ведомости».

Учреждение губернских «Ведомостей» в истории российской журналистики стало значительным событием. Первыми губернскими центрами, в которых они по «Положению об издании губернских ведомостей», должны были быть созданы в 1830 году, стали Астрахань, Казань, Нижний Новгород, Ярославль, Киев, Слободско-Украинск. Однако по различным причинам (отсутствие необходимого оборудования, недостаток кадров и т. д.) опыт не состоялся. В 1831 году губернские «Ведомости» вышли только в Ярославле. Положение «О производстве дел в губернском правлении» 1837 года уже предусматривало «для облегчения и сокращения сношений gubernского правления и для скорейшего обнародования распоряжений gubernского начальства и других известий, следующих ко всеобщему сведению или исполнению» [10] выход губернских и областных «Ведомостей» во всех губерниях. С 1838 года времени в провинциальной России возникает довольно широкая сеть периодических изданий в виде официальных газет.

Если раньше были лишь отдельные редкие попытки создать где-нибудь в gubernском городе местный журнал или газету, издания к тому же тогда недолговечные, то теперь появились постоянно выпускаемые периодические издания, положившие начало развитию и самих «Ведомостей», и ряда возникающих за ними местных газет и журналов. С этой поры начинается история местной периодической печати.

Губернские газеты по замыслу правительства должны были быть проводниками правительственной политики и идеологии. Отсутствие более или менее совершенных средств связи в то время сильно осложняло руководство огромной империей. Поэтому через «Ведомости» во все концы необъятной страны отправлялись распоряжения, вызовы, проводился розыск и т. д. В этом смысле органы губернских администраций, верно служа самодержавному строю, выполняли важную управленческую функцию. Разумеется, они постоянно находились в поле зрения МВД, III Отделения императорской канцелярии, Главного управления цензуры Министерства просвещения, губернаторов. Каждый номер газеты лично санкционировался губернатором.

Для губернских изданий были определены программы, строго ограничен круг затрагиваемых вопросов. Хотя со временем в программы вводились коррективы, по сути они не могли изменить «лицо» газеты. Понятно, что «Ведомости» постоянно оставались в рамках, определенных законом. Вот как даже в 70-е годы этот закон определял неофициальную часть губернских газет: в ней «могут быть помещаемы относящиеся местности сведения и материалы географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и прочие статьи, сведения о сельском хозяйстве, об урожае, промыслах, торговле, фабриках, ярмарках, судоходстве, о рыночных и справочных ценах, состоявшихся торговых и других обществах, о выданных привилегиях на изобретение, некрология известных в губернии лиц и прочее» [11].

И все же далеко не всегда удавалось центральным и местным властям держать губернские «Ведомости» в рамках официальной программы и запретов, и это прежде всего касается неофициальной их части. Иногда неофициальная часть издавалась отдельно, но, как правило, и официальная, и неофициальная части составляли один номер газеты. Отличие же их по содержанию в большинстве своем было существенным. Если официальная часть газеты служила распространительницей общей обязательной правительственной и губернской информации, выполняла, так сказать, роль казенного информатора, то неофициальная часть давала возможность разнообразить газету, оживить ее, привлечь читателя познавательными статьями исторического, этнографического и другого характера. Конечно же, программа неофициальной части тоже подчинялась цензурным предписаниям.

Именно неофициальный отдел местных «Ведомостей» позволяет исследователям судить о них, как сыгравшими важную роль в общественной и культурной жизни в провинции, выделить их просветительское значение [12]. В ряду же немногочисленных «Ведомостей», о которых высоко отзывались современники, неизменно отмечались «Вятские губернские ведомости» [13]. Надо сказать, еще в дореволюционной историографии органы губернской

администрации активно использовались как исторический источник, и не случайно видный историк А. А. Корнилов расценивал их как источник, «очень верно и довольно полно» отражающий провинциальную общественную жизнь [14].

В первые годы издания губернские «Ведомости» оставались единственным печатным органом на местах. Это обстоятельство, как верно указывает Х. С. Булацев, во-первых, приучило местное население к самому понятию «газета» как к источнику новостей и сообщений, а во-вторых, привлекло к себе местных деятелей, проявлявших склонность и способность к литературному творчеству [15]. Привлекая к сотрудничеству многих представителей тогдашней провинции, местные газеты объективно содействовали оживлению в ней культурной и литературной деятельности. Нередко представители местной интеллигенции становились и редакторами неофициальной части губернских органов. Так было и в отношении «Вятских губернских ведомостей».

Неофициальная часть в «Вятских ведомостях», как и в других, сначала именовалась «Прибавлением» и состояла из трех разделов: 1) известия; 2) материалы по истории, статистике и этнографии края; 3) объявления. Затем, с начала 40-х годов, она приобрела обычное название «Неофициальная часть» и занимала вторую половину газеты.

Структура рубрик на протяжении всех лет издания газеты существенно не менялась, ее определяли разделы: общая и частная история вятского края; этнография и археология; геология и метеорология; зоология и ботаника; охота, леса, сады; земледелие и скотоводство; ветеринария; народное образование; кустарная промышленность; торговля, ярмарки; медицина; театр и музыка и другие (всего около тридцати). Центральной из рубрик, которая объединяла эти и другие разделы, была рубрика «Местный отдел». Она и представляет наибольший интерес.

С самого начала издания неофициальная часть «Вятских губернских ведомостей» приобрела интересное, разнообразное содержание. Это объясняется, прежде всего, появлением на ее страницах краеведческих

материалов, вообще установкой редакции на широкую тематику газеты, обращение к различным сторонам жизни. Это привлекло со стороны вятских читателей неподдельный интерес. Вызвал интерес, безусловно, и сам факт появления своей, местной регулярно выходящей газеты.

С первых лет издания губернского органа заметно стремление газеты служить общественным интересам, в частности, делу образования, просвещения широких слоев населения. Вопросы образования и просвещения – один из доминирующих блоков «Ведомостей». Многие публикации и по другим направлениям носят просветительский характер.

На протяжении многих лет затрагивались разные стороны просвещения: это и состояние школ («О сельской школе в с. Верховском Орловского уезда», 1859, № 20; «О земских школах Котельнического уезда», 1876, № 95 и др.), и начальное народное образование («О начальном народном образовании», 1871, № 71 и др.), и воскресные школы («О воскресных школах в Вятском уезде», 1889, № 100), и женское образование («Об общественной важности образования женщины», 1864, № 31) и др. Чаще всего, авторы этих публикаций – представители просвещения, такие, как сельский учитель («Заметки сельского учителя» 1879, № 58, 59), преподаватель гимназии В. Юрьев. Перу В. Юрьева, наиболее активного корреспондента газеты, принадлежат не только статьи на тему образования, но и содержательные исследования по истории Вятского края, например, «Вятская старина. Материалы для истории Вятского края первой четверти XVIII века» (1887, № 85, 87, 89, 91, 92, 97, 99, 101 – 104; 1888, № 6, 8, 19). «Современная школа должна доказать, – писал он в одной из статей, – что не потребность в умении разбирать печатное и писать вызвала ее к существованию еще глубокая древность, а прирожденное человеку стремление к счастью и благополучию, идея человеческого и гражданского совершенства, выработанная общественной жизнью каждого народа» (1884, № 33).

Относительно смелые публикации начинают появляться с конца 50-х годов. Просветительское движение рубежа 1850-х – начала 1860-х гг.,

вызванное подготовкой великих реформ, отменой крепостного права, расширило круг авторов из провинциальной интеллигенции – учителей, врачей, чиновников, учащейся молодежи. Новые черты общественного подъема не замедлили сказаться на содержании неофициального отдела «Ведомостей». В 1858 году (№ 8), например, «Ведомости» напечатали (без подписи) статью «О возможности и условиях развития вне школы», где отмечалось: «Кто ищет чтения, как первой нашей потребности, кто видит в нем единственный исход (в борьбе за самоусовершенствование), того не удержат бюрократические путы, не урезонят застрашивание и мороченье ветхой схоластики, и несмотря на все препятствующие условия к благому делу собственного развития, он станет читать, думать, развиваться». В другой статье – «Общественная жизнь в провинции» (1859, № 10) – выражены мысли о том, что освежающая сила – в развитии общественной жизни, ибо в противном случае «всегда будут царствовать лень и апатия, грубость нравов, узость понятий и ограниченность». То есть – «амплитуду» содержания публикаций определяет значение общественного, умственного развития общества, культурно-образовательного уровня людей. По большому счету, этот признак – довлеющий во всей «ткани» просветительской журналистики.

К циклу просветительского направления примыкают и выступления газеты о библиотеках, библиотечном деле. Забота об общественном предназначении публичных и частных библиотек, значение их в культурном и образовательном развитии провинции – вот что волнует авторов этих выступлений. «... Слиться интересами с центрами нашей государственной и общественной жизни, участвовать в общем ходе развития, через восприятие того, что там вырабатывается, население губернского города, такого, как наш, можно только при теперешних условиях провинциального быта через открытие библиотеки для чтения ...», – утверждал общественный деятель, просветитель А. А. Красовский (1859, № 3).

Регулярно писала газета о местной публичной библиотеке, ее роли в жизни Вятки. Особенно часто о ней упоминалось в начале 60-х годов. В 1862 году

(№ 16) редактор неофициальной части, известный общественный деятель Казанского Поволжья Н. И. Золотницкий поместил речь А. И. Герцена, произнесенную им 25 лет назад при открытии Вятской публичной библиотеки, хотя в то время все написанное Герценом цензура вычеркивала. В примечании Н. И. Золотницкий пояснил: «... Местная газета считает обязанностью перепечатать речь г. Герцена как для ознакомления общества со взглядом человека, принимавшего в свое время участие в устройстве библиотеки, на назначении этого «храма мысли» (А. И. Герцен), так и для сохранения на своих страницах материала для истории библиотеки». Текст речи и пояснение редактора перепечатала столичная газета «Северная пчела» в номере за 9 мая того же года. Публикация речи в местной газете стоила редактору увольнения с поста редактора и вынужденного уезда из Вятки в слободу Кукарку [16].

Подобные смелые выступления в «Вятских ведомостях», надо сказать, были весьма редки: губернская администрация и цензура не дремали, и увольнение Н. И. Золотницкого – вполне объяснимая реакция властей. Кстати сказать, до начала редакторской работы Н. И. Золотницкий выпустил в Вятке два номера рукописной газеты «Незванный гость», содержащей и местные сюжеты и пользовавшейся успехом, читалась нарасхват [17].

Просветительский, демократический характер газеты проявлялся, с одной стороны, и в том, что она старалась выражать мнение широких слоев населения, с другой – регулярно предоставляла свои страницы рядовому читателю.

Одним из таких авторов был даровитый крестьянин из Котельнического уезда, писарь волостного правления Д. Л. Сенников. Его сотрудничество с редакцией началось в 1860 году. Д. Л. Сенников в течение 10 лет опубликовал на страницах «Ведомостей» более 20 корреспонденций и заметок на разные темы – описание местностей, народное просвещение, сельское хозяйство... «О крестьянской бесплатной библиотеке для чтения», «О распространении сельскохозяйственных орудий и машин в Вятской губернии», «Деревня Моркинская (близ Котельнича) в хозяйственно-статистическом отношении»,

«Краткий историко-статистический очерк с. Гостевского» (1862, № 3; 1866, № 103; 1871, № 28, 30) – эти и другие выступления внештатного корреспондента отличают равнодушное отношение к окружающей действительности и активность, знание описываемого предмета. Пропагандируя способности народных умельцев, он пишет зарисовку «Деревенский часовщик» (1871, № 64) о шестнадцатилетнем парне из родного уезда Иване Шабалине, искусно изготавливавшем стенные часы-ходики. Все детали, за исключением осей, он вытачивал, орудуя ножом, пилкой и шилом, из дерева. Часы эти были просты и дешевы.

Надо отметить, что газета учитывала характер аудитории, преобладание крестьянского населения губернии. Поэтому регулярно велась сельскохозяйственная, агрономическая пропаганда. Газета становилась популяризатором новых сельскохозяйственных машин и технических новинок, новых способов ведения хозяйства. Вот названия лишь некоторых корреспонденций такого характера: «О приготовлении молотильных машин изобретателя Сенина, сарапульского крестьянина» (1847, № 1), «Об увеличении плодородия навозом и другими удобрениями» (1873, № 50, 51), «Способ приготовления кормовых трав» (1873, № 73, 74), «Культура и обработка льна» (1883, № 1, 3, 6, 7, 11), «Новый способ сохранения картофеля» (1885, № 88) и др.

Появлялась информация и о сельскохозяйственных выставках. Об одной из таких выставок в Вятке написал в 1851 году (№ 36, 40, 49, 56) находившийся в это время в вятской ссылке М. Е. Салтыков-Щедрин. Статья анонимна, но в примечании от редакции пояснялось, что описание выставки было поручено титулярному советнику Салтыкову. Эта статья, как утверждает известный кировский краевед Е. Д. Петряев, единственная публикация писателя за все годы вятской ссылки [18].

М. Е. Салтыков-Щедрин, размышляя над причинами застоя и упадка в сельском хозяйстве, не обвинил в этом крестьян, как зачастую делали другие авторы. Напротив, он полон веры в трудолюбие, смекалку русского мужика.

Успех выставки, по мнению Салтыкова, «должно прямо приписать необыкновенной восприимчивости простого народа Вятской губернии, чрезвычайно быстро постигающего полезную сторону дела по горячему его сочувствию ... при всяком истинно полезном для крестьян нововведении» (№ 56).

М. Е. Салтыков-Щедрин, сосланный в Вятку за «крамольные» повести «Противоречие» (1847 г.) и «Запутанное дело» (1848 г.), опубликованные в «Отечественных записках», провел в ссылке семь с половиной лет, с мая 1848 по декабрь 1855 года, и находился на службе в губернских учреждениях. Как чиновник, он разбирал и решал сотни дел, выезжал в уездные города и волости губернии и имел возможность близко познакомиться с состоянием края, его населением, темными и светлыми сторонами вятской жизни. Салтыков (вторую половину фамилии «Щедрин» он приобрел после ссылки) впервые открыл для себя низовую, уездную Россию, окунулся в животворную для писателя «стихию достолюбезного народного говора», получил массу впечатлений и наблюдений, что отразится на его дальнейшей писательской судьбе.

В Вятке он написал повесть «Брусин» и ряд глав для задуманной им здесь знаменитой книги «Губернские очерки», которую опубликовал в Петербурге по возвращении из ссылки под псевдонимом «Н. Щедрин», сначала в «Русском вестнике» в 1856 году, затем двумя отдельными изданиями в 1857 году. В «Губернских очерках», основанных на вятских впечатлениях и ставших главным художественным итогом ссылки, угадываются города: губернский Крутогорск (Вятка), Черноборск (Слободской), Кречетов (Орлов), Оков (Глазов) и другие; ярко выведены персонажи местных хапуг и бюрократов и т. д. С симпатией изображены представители низов, рядовых трудяг. «Очерки» вскоре после публикации стали служить литературным образцом для подражания. Вслед за ними многие беллетристы повернули на путь обличения «социальных язв» России. В «Современнике», «Русском слове», «Отечественных записках», других периодических изданиях стали появляться

обличительные произведения, написанные под Щедрина. Так сложилась «щедринская школа» в литературе.

В Вятке писатель познакомился с Генрихом Каменьским, польским философом и публицистом, сосланным за участие в восстании 1830 – 1831 гг. Г. Каменьский оставил зарисовки вятского общества 40-х годов XIX века, которые, в частности, дают представление о литературных интересах вятской интеллигенции и самого автора. В Вятке формировалось творческое сознание будущего создателя книги «Россия и Европа. Польша. Введение к изучению Иксом, Игреком и Зетом России и москалей» (Париж, 1853 г.), которая в большой степени является итогом вятских наблюдений и раздумий. Будучи в губернском центре, он организовал подписную кампанию на польские и французские периодические издания, в результате чего в Вятке стали известны многие популярные иностранные журналы.

Уместным будет упомянуть в контексте вятской ссылки Салтыкова любопытный факт, обнаруженный нами в одной из публикаций «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» за 1905 год [19]. В ней говорится о том, что Н. Н. Гончарова – жена великого русского поэта А. С. Пушкина, во втором браке Ланская, почти полгода жила на вятской земле. В конце 1855 года во время Крымской кампании генерал П. П. Ланской приехал в Вятку формировать ополчение. С ним приехала и его жена Н. Н. Пушкина-Ланская.

Вятское общество тепло относилось к Наталье Николаевне. Многие нарочно приезжали из уездных городов, чтобы только посмотреть на жену великого поэта. Ланские особенно сошлись с управляющим палатою государственных имуществ Пащенко и его женою, которая решила заинтересовать Наталью Николаевну в судьбе М. Е. Салтыкова. Та решила помочь талантливому человеку, и успех не замедлил сказаться: вскоре после отъезда Ланских писатель был назначен чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел и возвратился в Петербург. В этом решении, видимо, сказалось ходатайство П. П. Ланского перед двоюродным братом В. С. Ланским, в ту пору состоявшим министром внутренних дел...

Постоянное освещение в «Вятских губернских ведомостях» находила тема медицины, санитарного дела. Активным пропагандистом медицинских знаний в 60 – 80-е годы был санитарный врач Михайлов (инициалы не указаны). Следует выделить такие его заметки, как «Угар и его лечение» (1861, № 1 – 3), «О легочной чахотке» (1871, № 98), «Распределение врачебной помощи по городам и уездам Вятской губернии за 1882 – 1883 годы» (1883, № 57) и др. Пропагандировала газета и народную медицину, давала практические лечебные советы.

Широкому кругу читателей предназначались популярные материалы по естествознанию. Неискушенному в научных познаниях рядовому читателю весьма полезны были, например, разъяснения газетой необычных природных явлений. В этом плане любопытны статья «Физика земного шара» (1854, № 10 – 12, 14), заметки «Северное сияние в Котельниче» (1870, № 28), «Солнечное затмение в Вятке» (1887, № 63) и др. До сих пор представляет научный интерес статья А. И. Вештомова «Вятская флора» (1847, № 4 – 27), содержащая богатые наблюдения и анализ местной флоры.

Широкая информация о различных сторонах бытовой и хозяйственной жизни губернии была представлена в отделе «Статистика». Не случайно автор одной из статей («Взгляд на ход статистических сведений и значение статистических комитетов») так обосновал необходимость этих материалов: «... никогда не предстояло такой возможности в познании нашего Отечества, в знании его средств и быта народного, как в настоящее время, потому что никогда не являлось более важных вопросов о благосостоянии народа» (1843, № 34, 38). В этом отделе регулярно помещались корреспонденции о различных отраслях сельского хозяйства, промышленности, торговли; приводились сведения о населении, наличии земли, посевах и т. д.

Много писал по экономическим вопросам, о промышленности и торговле обладавший незаурядными способностями журналиста И. Н. Савинов. В «Вятских ведомостях» он начал работать с 1854 года, в 1855 – 1856 годы был редактором неофициальной части. Только в 1857 – 1858 годы он опубликовал

около 20 статей, среди них – «О писчебумажной фабрике г. Платунова и два слова о нем самом», «Очерк промыслов в Малмыжском уезде», «Село Каракулино в промышленном отношении», «Очерк промышленности Вятского края», «Статистическое описание г. Глазова» и другие (1857, № 45, 47 – 49, 52; 1858, № 18 – 21, 24 – 26, 49 – 52). Статьи И. Н. Савинова отличаются знанием экономики, богатством фактического материала, добротным стилем. За ними всегда стоит неумный труд журналиста. И. Н. Савинова по праву можно назвать первым экономическим обозревателем в истории вятской печати.

Статьи отдела «Статистика», да и не только этого отдела, впечатляют богатством и разнообразием фактического материала, статистических выкладок, цифровых данных. Даже скупые цифры, которыми «оснащались» многие публикации, дают возможность полно и точно представить картину того или иного описываемого объекта. За цифрами, надо сказать, стояла, как правило, кропотливая работа и делалась она со знанием предмета, не впустую. На страницах газеты можно найти сведения едва ли не по всем городам и уездам, а иногда и по отдельным имениям, селениям и заводам. «Кай и Шестаково» (1840, № 15), «Описание Порезской местности Глазовского уезда (1864, № 21), «Заметки о с. Истобенском» (1865, № 21), «Село Аржим Малмыжского уезда» (1870, № 91, 92, 95), «Ижевский завод» (1874, № 67, 69), «О Пышанском приходе Орловского уезда» (1883, № 63) – это только единицы из множества заметок и статей, рассказывающих об исторических, экономических, общественных, этнографических сторонах тех или иных сел и приходов, волостей и уездов. Разностороннее отражение «Ведомостями» бытовой и общественной жизни многих местностей делают их неоценимым историческим источником.

Большая заслуга первой газеты в крае принадлежит в удовлетворении художественных запросов читателей, в «закладке» и формировании эстетических ценностей. Этому способствовали материалы, освещающую культурную и литературную жизнь. «Вятские ведомости» давали отклики, рецензии на спектакли, концерты театральные представления и вечера. Первый

литературный вечер в Вятке прошел в феврале 1861 года и был посвящен А. С. Пушкину. Средства от него ушли на сооружение памятника поэту в Царском селе. В 1862 году было проведено 20 музыкально-литературных вечеров [20]. Как указывает кировский историк В. Д. Сергеев, обычно такой вечер начинался лекцией, затем читали стихотворения, ставили отрывки из пьес, исполняли музыкальные произведения, песни. В программах преобладали стихи Н. Некрасова, Т. Шевченко, фрагменты из сочинений М. Салтыкова-Щедрина, Н. Гоголя. Звучали стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Кольцова и других [21]. Литературно-музыкальные вечера проводились и в Елабуге, Глазове, других городах. «Вятские губернские ведомости» уделяли этим вечерам много внимания, сообщая программы, имена участников, сведения о том, куда поступали средства, собранные от вечеров, писали об отношении к ним зрительской аудитории.

«Литературный вечер в Яранске» (1865, № 80), «Концерты Плющинского» (1866, № 65), «Литературно-музыкальные вечера в Глазове» (1873, № 31), «Театральные заметки» (1883, № 78, 80, 85, 88) – эти и другие многочисленные заметки свидетельствуют как об оживлении местной творческой жизни, так и о внимании газеты к вопросам культуры. Хронику культурной жизни Вятки систематически отражала в 50-е годы рубрика «Вятская летопись». В эти же годы появляются произведения местных стихотворцев, в частности, М. Мусерского, Г. Орлова. Поместила газета и биографии известных писателей, как, например, Н. А. Дуровой (1864, № 6), И. С. Аксакова (1886, № 12).

Не оставляла без внимания она и важные факты, события литературной жизни. В 1899 году газета широко освещала празднование столетия со дня рождения А. С. Пушкина, которое в губернии проводилось с размахом. Это событие вызвало многочисленные отклики, творческие порывы среди всех слоев населения. Редакция сочувственно относилась к этому, стараясь предоставить место и скромным, бесхитростным сочинениям. Публикуя стихотворение крестьянина М. Соковинова из села Малая Сюча Малмыжского

уезда, она сопровождала его замечанием: «Мы помещаем эти стихи в виду их сердечности и того, что писал их простой человек-самоучка» (№ 60).

Одна из первых губернская газета обратилась к творчеству М. Горького. Интерес к творчеству писателя рос в самых разных кругах. Этому способствовали и постановки его пьес. Первым горьковским спектаклем в Вятке стали «Мещане» (премьера состоялась 17 декабря 1902 года). Из материалов вятских газет, посвященных постановке пьесы и ставшей центральным событием театрального сезона, выделяется обстоятельностью рецензия редактора неофициальной части «Вятских губернских ведомостей» Н. А. Озерова (1902, № 154).

В 1904 году вятчане с болью откликнулись на смерть А. П. Чехова. В Вятском общественном собрании, – сообщают «Ведомости», – состоялся концерт учащейся молодежи, посвященный его памяти. Его участники послали телеграмму соболезнования жене писателя (уроженке Вятской губернии. – А. В.), где называли Чехова великим писателем, «правдиво изображавшим нашу серую, скучную жизнь и так много болевшим за ее неустройство» (1904, № 100). Чуть позже в газете была напечатана речь преподавателя Г. Пинегина «Формы и настроение в произведениях Чехова» (1904, № 153 – 154).

Такие публикации, с одной стороны, активизировали творческие силы провинции, с другой – оживляли содержание газеты.

Нельзя не отметить литературную информированность сотрудников губернской газеты, их соответствующую подготовленность. Редакция имела солидную библиотеку, о чем свидетельствует «Каталог книг, журналов и других изданий, находящихся при редакции “Вятских губернских ведомостей”», выпущенный в Вятке в 1888 году. В «Каталоге» указаны книги по истории литературы, критики и библиографии («Современная литература» за 1857 – 1859 гг., «История литературы» Корфа, «Европейские писатели и мыслители» Чуйко и др.); журналы для семейного и детского чтения, отдельные номера и за отдельные годы («Семейные вечера», «Задушевное слово», «Библиотека для чтения», «Детская библиотека. Всемирная

хрестоматия», «Отечественные записки», «Современник», «Русское слово», «Вестник Европы», «Дело», «Русская мысль» и некоторые др.); периодические иллюстрированные издания («Всемирная иллюстрация» на фр. яз., «Иллюстрированный мир», «Нива», «Огонек», «Стрекоза», «Живописное обозрение» и др. – всего 59 наименований, не все номера); художественные произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, Л. Толстого, Э. Золя, Г. Мопассана, В. Гюго и др. – всего 72 авторов). Это, особенно с высоты сегодняшнего дня, впечатляет.

Достойны внимания в «Вятских ведомостях» и материалы устного народного творчества, местного фольклора. Начало целенаправленного изучения фольклора относится к 40-м годам XIX века, ко времени создания при Академии наук Отделения русского языка и словесности (1841 г.) и возникновения Русского географического общества (1846 г.).

Первые сведения такого характера печатались в губернской газете в этнографических очерках, что приводило к нерасчлененности фольклора и этнографии, отсутствию оценочного анализа. Так были помещены обрядовые песни в «Сведениях о быте крестьян Малмыжского уезда» А. Шубина (1841, № 18). Во многих публикациях вместе с описанием свадебных обрядов содержались и свадебные песни. Можно указать на очерки Н. Кибардина «Кайская свадьба» (1846, № 10, 11), И. Красноперова «Крестьянская свадьба в Слободском уезде» (1860, № 28 – 34) и др. О вятских пословицах, загадках и сказках излагается в публикациях «Народные предания о городище в селе Спасоподчуршинском слободского уезда» (1861, № 1), «Русская народная метафизика по пословицам» (1895, № 2, 4, 8, 10), «Народный говор про Вятскую страну» Я. Мултановского (1903, № 132) и др. В последней автор приводит ряд народных присловий о жителях и селениях Вятской губернии, пытаясь объяснить некоторые из них, а в заключении приглашает знатоков народного говора дополнить его «коллекцию». Откликами на это стали заметки «Народный говор про Вятскую страну» Лужавина (1903, № 139), «Народные

присловья о вятчанах» Д. Зеленина (1903, № 143), «Из рассказов о вятчанах» А. Грудцына (1904, № 17). Тем самым газета стимулировала такую работу.

Фольклорная тематика находила отражение и в других периодических изданиях. Выделяются в этом отношении «Памятные книжки Вятской губернии». Выходили также отдельные издания, заслуживающие внимания и современных исследователей устного народного творчества. Довольно интересны «Материалы для объяснительного словаря вятского говора» (Вятка, 1907 г.) учителя Н. М. Васнецова, брата известных художников (словарь репринтным способом переиздан в 1995 году); «Свадебные приговоры Вятской губернии» и «Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (этнографический и историко-литературных очерк)» этнографа Д. К. Зеленина, изданные в Вятке в 1904 году и некоторые другие.

Надо отдать должное первым собирателям фольклора, и «Вятским губернским ведомостям» за то, что они спасли от забвения и гибели многие художественные ценности.

Большую научную ценность представляют публикации исторического, этнографического характера о жизни населяющих губернию народов. Это традиционная тема, которую газета вела с первых лет издания. Много писалось о вотяках, черемисах, пермяках, зырянах, татарах. Наибольшее количество статей этого цикла посвящено вотякам (удмуртам). Это и понятно: их численность среди других народностей занимала, после русских, второе место. В № 27 за 1863 год «Ведомости» поместили «Указатель статей, касающихся до исследования вотяков Вятской губернии», где названо 15 статей. В «Указателе» А. Спицына, изданном в 1890 – 1891 годах [22], названо уже 37 статей, касающихся истории и этнографии вотяков (для сравнения: статей о черемисах – 10). Заметными были, например, статьи и очерки «Вотяки Малмыжского уезда Вятской губернии», «Народный быт в северо-восточной России», «Вотяки», «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда» и другие (1851, № 24 – 26; 1857, № 8, 9, 11 – 13; 1859, № 32 – 33; 1888, № 1, 6 – 8, 10, 12 – 21, 23, 25, 26 – 29, 34, 35, 38 – 40, 41, 43 – 45, 58 – 63, 70, 71, 77, 81, 82, 86 – 93,

1889, № 18, 20, 22, 28 – 32, 53, 56, 58, 71, 73, 75 – 77, 79). О вотяхках писали С. Курочкин, С. Осокин, Н. Первухин, Н. Потанин, Н. Блинов, Б. Гаврилов и некоторые другие известные историки и этнографы Вятского края (см. гл. IV, раздел I). Их выступления в печати и сегодня имеют научных интерес. В 2006 году в Ижевске издан солидный библиографический указатель «Удмурты: история, этнография, археология» [23], в который включен свод около пяти тысяч названий работ, вышедших с 1751 по 2000 годы, в том числе в «Вятских губернских ведомостях».

История некоторых первых публикаций историко-этнографического характера в «Вятских ведомостях», как, впрочем, и начало организации губернской газеты, связаны с именем А. И. Герцена. Исключенный из Московского университета за участие в нелегальном кружке, молодой Герцен оказался в вятской ссылке, где находился с 30 мая 1835 года по 10 января 1838 года и служил при губернаторе советником губернского правления. Это время стало для него периодом умственных исканий, углубленных занятий историей, философией, литературой и языками. Ссылка, знакомство с краем и его населением, безусловно, сыграли свою роль в формировании его мировоззрения, позволили узнать жизнь и народ воочию, «изнутри». Это, в свою очередь, так или иначе сказалось на его литературной деятельности, наложило отпечаток на писательские «думы».

Несмотря на служебную занятость при губернаторе, он много занимался общественной и творческой работой, был одним из видных культуртрегеров в провинции. Об активной литературной деятельности в этот период свидетельствуют многие вятские письма А. И. Герцена своей невесте Н. А. Захарьиной. Так, в письме от 5 августа 1836 года он пишет ей: «Я очень занят литературным трудом ...» [24]. В Вятке Герцен завершил ряд произведений, начатых ранее, и написал несколько новых, часть из которых до нас не дошла. Здесь он переработал «Первую встречу» («Германский путешественник») и «Легенду». Сообщая о новых дополнениях к «Легенде», писал невесте:

«В “Легенде” я прибавляю новый опыт своей души, там хочу я выразить, как самую чистую душу увлекает жизнь пошлая ...» [25].

В вятской ссылке Герцен пишет, главным образом, повести и рассказы, очерки и статьи. В печати его произведения появляются под псевдонимом «Искандер». Новыми произведениями, написанными в Вятке, были «Человек в венгерке», «Вторая встреча», «Мысль и откровение», «Юность и мечты», «Учителя», «О себе» и др. Также писатель в эти годы работал над «Письмами о Казани, Перми и Вятке». Из них сохранились лишь зарисовки о Казани [26].

Наблюдения и впечатления о вятской действительности, которая отражала по сути жизнь всей глубинной России, вошли во многие герценовские произведения. В этом ряду, в частности, «Записки одного молодого человека», «Еще из записок одного молодого человека», напечатанные впервые в «Отечественных записках» в 1840 и 1841 годах, и др. Именно в Вятке у Герцена возникает замысел написать «Былое и думы». В них пять глав – XIV, XV, XVI, XVII и XXI – будут посвящены вятскому периоду.

Надо сказать, время его ссылки было оживленным для провинции, когда там затевалась культурная работа в виде собирания статистического материала, устройства местных выставок, публичных библиотек (см. раздел 2.6), губернских газет. Его всегда подключали к той работе, с которой местное начальство не могло вполне справиться. Губернатор К. Я. Тюфяев и чиновники правления переполошились при учреждении в Вятке статистического комитета, не зная, как совладеть с этим новшеством. И тут их выручил Герцен, взяв на себя ведение статистики [27]. Для него это было способом познакомиться с краем и его населением, узнать об этом не из книжек (до этого он сталкивался лишь с крестьянами отцовских подмосковных имений). Изучение нового края сильно заняло Герцена, он набрасывал тотчас свежие впечатления, разъезжая по разным уголкам. Особенное внимание привлекли его вотяки, как племя ему незнакомое. Очерк о них отправил в журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф», где, впрочем, он не был напечатан [28].

Материалы, собранные наблюдательным ссыльным при составлении статистики края в 1836 – 1837 годах, аккуратно пришлось для начавшейся издаваться первой губернской газеты в год его отъезда. Он стал их готовить для газеты, тщательно просматривая и подвергая литературной обработке и принял деятельное участие в организации местной газеты. В «Былом и думах», вспоминая, как во Владимире губернатор поручил ему «заведовать» губернскими «Ведомостями», Герцен писал: «Дело это было мне знакомое: я уже в Вятке поставил на ноги неофициальную часть «Ведомостей» [29]. В первом же и третьем номерах вышла его статья «Вотяки и черемисы», проникнутая бережным отношением к истории малочисленных народов, уважением к их обычаям, самобытной культуре. «Описание их быта чрезвычайно важно, – подчеркивал автор, – ибо это последний документ их истории. У них нет преданий, можно только по настоящему быту догадаться об их прошлом» (№ 1). В том, что Герцен считал «чрезвычайно важным» сохранить все, что касалось истории и культуры удмуртов и марийцев, сказался его демократический подход к малым народностям.

Е. Д. Петряев при сопоставлении этой статьи со статьей А. Емичева «Мифология вотяков и черемис», опубликованной в пушкинском «Современнике» в 1836 году, нашел, что Герцен использовал статью Емичева для своей работы о забытых «иногородцах» [30].

После отъезда Герцена из Вятки обработанные и написанные им статьи помещались на страницах газеты ежегодно, с 1838 по 1842 год [31]. Они свидетельствуют о присущих ему уже тогда разносторонних интересах. Печатаются его «Географическое описание Вятской губернии» (1838, №10, 11), исторический очерк «Состояние народа в Вятке до времени Петра Великого» (1838, № 21, 42), заметки о поземельном устройстве крестьян (1838, № 22). Кроме бытовой стороны края, знакомящей с настоящим, Герцен интересовался и его прошедшим, которое отразилось в его памятниках, архитектуре. В этом сказалась, между прочим, и дружба с А. Л. Витбергом, выдающимся архитектором и художником, также отбывавшим в Вятке ссылку в 1835 – 1840

годах. Давая историческое и статистическое описание г. Нолинска, он так оценивает своеобразие местного храма: «Колокольня, построенная от храма отдельно, отличается смелую архитектурю. Это есть тонкий, весьма высокий, разделенный на восемь граней столп с куполом наподобие опрокинутой воронки и тоненькой, как у воронки, шейкою, на которую поставлен непропорционально огромный позолоченный шар с крестом наверху...» (1838, № 15).

Можно сказать, что участие А. И. Герцена в «Вятских губернских ведомостях» в период ссылки, как, впрочем, и в «Владимирских губернских ведомостях», сказалось на его дальнейшей судьбе, в частности, в издании бесцензурного «Колокола» и «Полярной звезды» в Лондоне. Опыт издания местных газет, безусловно, не мог не помочь ему в налаживании вольной русской прессы за рубежом. Выпуская «Колокол», А. И. Герцен и там не терял связь с вятской прессой. Были в Вятке корреспонденты, присылавшие в Лондон письма и губернскую газету. В декабре 1865 года Герцен перепечатал в «Колоколе» довольно смелую заметку из неофициального отдела «Вятских ведомостей»: волостной писарь в Елабужском уезде, говорилось в ней, так «вел следствие», что несчастный крестьянин «упал без чувств на пол и, унесенный обратно в арестантскую, немедленно умер». «Волосы становятся дыбом, – негодует, отзываясь на это А. И. Герцен. – Ну, господа, когда-нибудь вы поплатитесь за эти злодеяния» [32].

Чиновник К. А. Ген, редактировавший тогда неофициальный отдел «Вятских губернских ведомостей», уже находившийся под надзором, был отстранен от участия в газете по прямому указанию Министерства внутренних дел [33].

Одним из вятских корреспондентов «Колокола» был К. П. Перцов, советник губернского правления. Состоял он и цензором губернских «Ведомостей», довольно либеральным. В 1870 году его перевели в Пензу. К. П. Перцов оставил в Вятке добрую память и немало друзей [34].

Таким образом, оставаясь в целом официозом, «Вятские губернские ведомости» (прежде всего их неофициальная часть) вели заметную просветительскую работу и отличались демократической ориентацией. И это относит их к лучшим традициям российской журналистики.

В том, что «Вятские ведомости» не оставались только в рамках официальной программы, что их тематика и проблематика выступлений была содержательной, – большая заслуга многих редакторов, редакционного актива. Неофициальный отдел «Ведомостей» редактировало немало талантливых, высокообразованных представителей своего времени [35]. Особую роль в редактировании неофициального отдела сыграли М. В. Блинов, И. Н. Савинов, Н. И. Золотницкий, Н. Спасский.

Конечно, нельзя сказать, что уровень газеты был стабильным. Наиболее интересный период газеты – 50 – 60-е годы, когда общественный подъем в стране отразился и на губернской прессе. В 90-е же годы, к примеру, газета переживает спад. Неофициальный отдел большей частью заполняют перепечатки из других «Ведомостей», Телеграммы Северного Телеграфного Агентства; содержание становится вялым.

В 1899 году неофициальная часть стала издаваться в виде отдельной газеты под названием «Приложения к “Вятским губернским ведомостям”». Приложения выходили три раза в неделю. Редактором этой газеты с 1899 по октябрь 1901 года был Н. А. Озеров, затем его сменил вятский литератор Ф. П. Кунилов, писавший обычно под псевдонимом «Фома Деревенский».

В 1905 году, когда в стране разразился общественный кризис и идеологическая сфера стала серьезной ареной политической борьбы, выпуск «Приложений» прекратился. Вместо них возникла самостоятельная новая газета «Вятский вестник». По замыслу губернской администрации она должна была ликвидировать неофициальный отдел и стать рупором властей. Поэтому с 1905 по 1917 год «Вятские губернские ведомости» выпускались лишь в казенной, официальной части, утратив бывшее общественное и краеведческое значение.

«Вятские губернские ведомости», в итоге, существовали 79 лет (1838 – 1917 гг.), а неофициальная их часть – 67 лет (1838 – 1904 гг.). До 1894 и 1895 годов, пока не стали выходить «Вятская газета» и «Вятский край», они являлись единственной регулярно выходящей газетой всего вятского края и имели для него большое историческое и культурное значение.

3.3. «Вятские епархиальные ведомости»

Наряду с «Вятскими губернскими ведомостями» с 1863 года издавался журнал **«Вятские епархиальные ведомости»**, орган местной духовной консистории и просуществовал до 1918 года. «Епархиальные ведомости», отметим, также сыграли весьма положительную роль в нравственной жизни общества. Если официальный отдел журнала не представляет большого интереса, то этого не скажешь о втором отделе – духовно-литературном. Нравоучительные беседы, различные духовные речи и наставления, статьи об истории христианства и другие материалы, публиковавшиеся в этом отделе, конечно же, были теми нравственными ориентирами, которыми определяются общечеловеческие ценности. На страницах духовного органа, кроме того, помещались и статьи общеобразовательного и историко-этнографического направления.

Первыми в провинции стали выходить «Херсонские епархиальные ведомости» и «Ярославские епархиальные ведомости» (1860 г.), затем появились аналогичные издания в Киеве, Калуге, Подольске (1862 г.) и т. д. На 1870 год их издавалось уже 30, среди них – «Вятские епархиальные ведомости».

Особенность епархиальных «Ведомостей» состояла в том, что они, позаимствовав газетное название у официальной прессы, представляли собой журнальный тип. Поэтому, кстати, и нумерация страниц была сквозная, на весь

год. Распространялись же они так же, как и губернские «Ведомости» – по обязательной подписке.

«Вятские епархиальные ведомости» были разрешены к изданию Синодом 17 июля 1862 года по ходатайству Вятского епископа Агафангела (Соловьёва) [36]. В первый и последний годы издания выходили под заголовком «Официальные известия по Вятской епархии». В подзаголовке в 1864–1867 и 1874–1892 гг. указывался издатель – Вятская духовная консистория, а в 1868 – 1873 и 1893 гг. – Вятская духовная семинария. Первоначально издавались два раза в месяц, в 1906 –1917 гг. (по № 22) – еженедельно, с августа 1917 года – три раза в месяц (в 1917 со 2 июня по 1 августа не выходили). В 1918 году вышли 20 номеров, последний датирован 1 августа. В 1917 (авг.–дек.) и 1918 гг. (№ 1–17) публиковался только официальный отдел.

В духовно-литературный отдел, как гласила утвержденная Святейшим Синодом программа [37], вошли: 1) Учение веры и нравственности христианской, преимущественно примененное к потребностям вятской паствы. Соответственно характеру и направлению этой части духовно-литературного отдела, в ней были помещены: а) выписки из творений святых отцов церкви и духовных писателей, особенно имеющих отношение к духовным потребностям вятской паствы, б) лучшие из поучений и бесед, произнесенных священнослужителями в разных местах епархии, и опыты простых наставлений при разных случаях крестьянам, в) статьи догматического и нравственного содержания, отличающиеся простотой, ясностью, основательностью и точностью, г) советы и наставления священнослужителям относительно того, как они должны действовать в кругу прихожан и преподавать истины веры и нравственности при разных случаях, особенно в храмах Божиих и школах; 2) Исторические и статистические сведения о епархии: а) статьи, излагающие или изъясняющие общую историю Вятской церкви и ее управления, историю ее учреждений и заведений, как то: училищ, монастырей, соборов, крестных ходов и пр. с описанием всех замечательных древностей и памятников церковной жизни Вятской епархии, б) воспоминания о лицах, оставивших по себе добрую

память в народе высокими чертами своего характера, участием в деле народного, особенно духовно-нравственного образования, служением бедному человечеству и вообще некрологи или биографии замечательных лиц, особенно священнослужителей Вятской епархии, в) сведения о нравственно-религиозном состоянии жителей Вятского края, с указанием мер, которые могли бы быть употреблены для улучшения оно, г) статьи из общей церковной истории, особенно имеющие какое-либо отношение к состоянию или духу вятской паствы, д) известия о замечательнейших в религиозном отношении событиях, особенно в Вятской епархии; 3) Смесь. В этой части духовно-литературного отдела печатались: краткие назидательные размышления; жития святых; педагогические заметки относительно физического, нравственного и умственного воспитания детей, как в школах, так и в домах родителей, в частности замечания о воспитании в духовных училищах; популярно изложенные общепользные сведения по естественным наукам, с целью религиозного назидания; обозрение замечательнейших статей в духовных и светских периодических изданиях.

Первым редактором «Вятских епархиальных ведомостей» был назначен инспектор Вятской духовной семинарии протоиерей Игнатий, в 1864 году (с № 9) его сменил архимандрит Павел (Доброхотов; впоследствии епископ Олонецкий), в 1866 (№ 21) – 1871 гг. (№ 23) редактором был архимандрит Иосиф, в 1871 (№ 24) – 1892 гг. – протоиерей Феодор (был и автором журнала).

В 1893 году произошло разделение в редактировании официальной и неофициальной частей. Первая была поручена секретарю духовной консистории А. П. Стратилатову, в 1903 г. (№ 10) его сменил И. С. Борзцовский, в 1908 г. (№ 21) В. А. Ивановский, в 1911 г. (№ 32) А. М. Грабенко, в 1912 г. (№ 25) И. П. Ракитин, в 1915 г. (№ 15) секретарь консистории Н. И. Троицкий, последним редактором в 1918 г. (№ 10–20) был священник Николай Люперсольский. Неофициальную часть с 1893 по 1894 год (№ 17) редактировал ректор духовной семинарии протоиерей Петр, с 1895 (№ 12) по 1903 год (№ 13) протоиерей Алексей, с 1903 (№ 23) по июнь 1917

года Н. Г. Гусев; с 1893 года была учреждена должность 2-го редактора, которую занимали преподаватели семинарии: в 1893–1899 гг. П. П. Смелков, в 1899–1903 гг. А. И. Одоев, в 1903–1906 гг. А. А. Рукин. Эти же, а в отдельных номерах и другие сотрудники духовной семинарии исполняли обязанности первых редакторов в их отсутствие.

Частая смена редакторов, конечно же, не могла не сказаться на общем уровне издания. Долше всех руководил журналом протоирей Феодор (Кибардин). Им более других вложено в содержание епархиальных «Ведомостей». Некоторые из статей, принадлежащих его перу, указаны в № 11 за 1892 год в статье «Студенты Казанской Духовной академии на службе в Вятской губернии».

В неофициальной части «Вятских епархиальных ведомостей» было напечатано немало обстоятельных статей, посвященных истории Вятского края и епархии, архиереям и другим выдающимся деятелям, монастырям и святыням: «Протоиереи Вятского кафедрального собора» (1867. № 2) протоиерея Г. Пинегина, «История Вятской Духовной семинарии» (1868. № 1, 2, 4, 12, 14, 15) А. С. Верещагина, «Вятка и ее достопримечательности» (1874. № 7, 8) Г. А. Милорадовича, статьи о Великорецкой чудотворной иконе святителя Николая протоиерея Стефана (1875. № 9–12, 16, 17), В. Огнева (1883. № 12) и Н. И. Суворова (1886. № 15). Особое внимание уделялось истории раскола и противораскольнических миссий, преимущественно в пределах епархии: «О первоначальном появлении раскола в Вятской епархии» (1868. № 5–6) И. Фармаковского, «Моя жизнь в расколе» (1897. № 5, 6, 8, 10, 12, 18–20) С. А. Наймушина.

Исторический и этнографический интерес представляют статьи об инородцах Вятского края – вотяках (удмуртах) и черемисах (марийцах): «О религии некрещеных черемис и вотяков Вятской епархии» (1868. № 8, 11), «Сведения о религиозных верованиях горных черемис» (1868. № 13) А. Филимонова, «Очерки из истории христианства среди вотяков» (1896–1898) и другие статьи П. Н. Луппова, «Боги некрещеных вотяков Елабужского уезда»

(1894. № 13), «Обряды некрещеных вотяков Елабужского уезда при погребении и поминании умерших» (1895. № 19), «Крепость вотского язычества» (1903. № 2 – 3), «О новых изданиях на вотском языке» (1906. № 17) и другие статьи удмуртского просветителя священника (впоследствии протоиерея) Михаила Елабужского.

Печатались также статьи по истории Русской Православной церкви («О Православии между латышами и эстами в прибалтийских губерниях» (1864. № 9 – 11, 13–14, 22–24) архимандрита Павла (Доброхотова), «Белое духовенство в России в XII и XIII вв.» (1864. № 15) священника Ф. Кибардина, по истории Поместных Церквей («Краткий очерк истории Сербской Церкви» (1877. № 1), «Основание самостоятельной Эллинской Церкви» (1877. № 3–4) так же священника Ф. Кибардина, о Священном Писании («О Евангелиях» (1872. № 13–14) И. Фармаковского, о паломничествах, а также множество богословских и церковно-исторических статей, нередко заимствованных из других изданий, проповедей, биографических и библиографических заметок, дидактических материалов.

В качестве приложения к «Вятским епархиальным ведомостям» были изданы «Извлечение из дневника епархиального миссионера» В. И. Мышкина (1895), «Описание Подрельского раскола» священника П. Цвейтова (1908), «Вятская епархия: историко-географическое и статистическое описание» Н. В. Кибардина и В. И. Шабалина (1912), отчеты Вятского комитета Православного миссионерского общества (1893–1915), отчеты местных духовных учебных заведений, братств, обществ, церковных библиотек, списки лиц, служащих в духовно-учебных заведениях Вятской епархии (1899–1907), протоколы, журналы и другие официальные документы съездов духовенства и комитетов и т. п.; дидактические и нравоучительные брошюры и листки, в том числе объединенные в серии: «Издание Вятского епархиального миссионерского совета» (1908–1914), «Слово жизни» (1915) и «Братский листок» (1915–1917) [38].

Духовно-религиозная печать, вне сомнения, заслуживает специального изучения. Ее просветительская функция, – учитывая тип, своеобразие тематики и воздействия, – имеет отличительные свойства.

3.4. «Вятская газета» – первая российская крестьянская газета

*Там «во глубине России» часто
вместо тишины, глади и божьей
благодати, в виде чистой маниловщины,
бьет жизнь, полная широкой
и плодотворной деятельности лучших
людей; провинция проснулась, работает,
живет, думает, глубоко чувствует.*

*М. К. Лемке. Письма из провинции // Русская
мысль, 1902. № 2. – С. 144.*

Эти слова М. К. Лемке в полной мере можно отнести в адрес вятских земцев, чья просветительская деятельность носила исключительно яркий характер. Одной из достойных проявлений их активности было, как мы уже писали во второй главе, книгоиздательство, развернувшееся при председателе губернской управы А. П. Батуеве. Но не только в этом преуспели вятские земцы, в чем тоже заслуга председателя управы.

Авксентий Петрович Батуев (1863 – 1896 гг.) родился в Малмыже, в семье купца. Окончил гимназию и юридический факультет Казанского университета. Еще студентом писал в «Волжский вестник» и другие казанские издания. Со второй половины 1886 года, после окончания университета, А. П. Батуев посвящает себя работе в земстве, сначала в Малмыже, затем в Вятке, где в 1891 году его избрали председателем губернской управы.

Батуевский период – яркая полоса в жизни Вятского земства. Активно занимаясь общественной деятельностью, А. П. Батуев не терял связи с литературой, сотрудничал в газетах, следил за книжными новинками. Он был автором трехтомного романа «На распутьи», опубликованного, правда, лишь в отрывках. Роман, как писал вятский публицист М. П. Бородин, «имел отчасти местный бытовой интерес, не говоря уже о личности самого автора, вложившего немало своих воспоминаний в описание жизни героев» [39]. В 1895 году в Санкт-Петербурге вышел сборник Батуева «Живой портрет и рассказы» под псевдонимом «А. Антеев». Рассказы А. П. Батуева появлялись в местной периодике (например, «Однокорытники» в газете «Вятский край» за 3, 7 марта 1895 года) за подписью «А. Прорубов» или вообще без подписи.

Авксентий Петрович умело вовлекал в земские дела талантливых работников, включая «неблагонадежных» и сосланных в Вятку, например, А. Н. Баранова, П. А. Голубева, М. П. Бородина, С. П. Дремцова, О. М. Жирнова, А. П. Лашкевича и др. Он широко публиковал статистические и отчетные материалы, придавая губернской работе гласность. К слову сказать, Вятское земство обнародовало 166 томов таких материалов, а Московское – 147 [40].

Именно при А. П. Батуеве выходила первая в России крестьянская «**Вятская газета**», которая расходилась в тысячах экземпляров, несмотря на цензуру, всякие урезки ее программы. Опыт ее издания заслуживает пристального внимания.

Мысль о крестьянской газете возникла в Вятском губернском земстве в 1893 году. В докладе губернскому собранию тогда, в частности, говорилось: «Вятское земство вступило за последнее время на широкий путь воздействия на крестьянское хозяйство в смысле различных улучшений... Население начинает с интересом относиться к земским начинаниям на агрономическом поприще... Значительное количество различного рода доказательных и опытных полей, образцовых и школьных хозяйств, раскинутых по губернии и свидетельствующих о сильном интересе крестьян к нововведениям сельскохозяйственного характера... и значительное число писем к агрономам от

крестьян и сельской интеллигенции... свидетельствуют, что приспело время оказания помощи населению в земледельческом промысле...» [41]. Такую помощь, считала земская управа, можно было оказать через сельскохозяйственный орган, который объединял бы агрономические начинания, знакомил всех интересующихся с тем, что делается в этой области, возбуждал интерес к сельскому хозяйству, заставлял производить различные пробы и испытания, давал возможность каждому хозяину делиться с другими своими знаниями и опытом, отвечал на все сельскохозяйственные требования и запросы.

По мнению управы, земская сельскохозяйственная газета должна быть доступна пониманию крестьян и должна отвечать на их назревшие запросы и нужды; поставлена в условия широкого распространения. Программа газеты предполагалась следующая: 1) правительственные распоряжения по сельскому хозяйству и промышленности; 2) деятельность земства по сельскому хозяйству и промышленности; 3) специальные статьи по сельскому хозяйству; 4) обзор текущих общепольных сведений по сельскому хозяйству и промышленности; 5) сообщения местных сельских хозяев; 6) отзывы о книгах по сельскому хозяйству и промышленности; 7) вопросы и ответы по сельскому хозяйству и промышленности; 8) сведения о погоде; 9) справочный отдел (цены на сельскохозяйственные продукты, семена, орудия, скот, рабочие руки и на кустарные изделия и т. д.); 10) объявления [42].

Губернское собрание одобрило предложение управы и ассигновало на его осуществление 2000 руб. и, вдобавок, разрешило бесплатную рассылку газеты во все сельские общества, в волостные правления, школы и уездные управы губернии.

В январе 1894 года Вятское губернское земство получило от Министерства внутренних дел разрешение (свидетельство за № 425 – для редакции и № 426 – для типографии) издавать газету [43] и «Вятская газета, сельскохозяйственная и промышленная» вышла 31 марта того же года. Председатель управы А. П. Батуев и губернский агроном А. Новиков были ее первыми редакторами.

Для земледельческого края, каким была Вятская губерния, сельскохозяйственная газета была своевременной и необходимой.

Послереформенное развитие России, основную массу населения которой составляли крестьяне, коснулось всех регионов и требовало нового подхода во всех структурах общественной и экономической жизни. Определенный прогресс в сельском хозяйстве тоже в свою очередь не мог не потребовать изменений в общественном укладе России. Сказалось это и на печати, которая всегда чутко реагирует на запросы времени. В этом смысле появление «Вятской газеты» – есть явление закономерное.

С первых же номеров газета следовала предложенной программе, пропагандировала опыт и нововведения в отрасли, старалась максимально удовлетворить запросы крестьян. Читатели познакомились с опытом травосеяния и силосования кормов, сушки зерна и посева овса (1894, 15 апр., 30 апр., 15 мая, 31 июля и др.), узнали о новых земледельческих орудиях и работе одноконного плуга, о свойствах различных удобрений и о лесоразведении ... (1894, 30 апр., 15 мая, 15 авг., 30 ноября). С интересом читаются и сегодня «Беседы по огородничеству» М. Давыдова, популярно и подробно рассказывающие о том, как нужно ухаживать за огородом, о культуре возделывания плодов и овощей (1894, 15, 31 июля, 15 авг., 15, 30 сент., 31 окт.). Ряд статей об учебных мастерских Вятского земства, где практиковались разные ремесла: ткацкое, гончарное, ложкарное и другие, в течение года публиковал М. Бородин (1894, 31 марта, 15, 30 апр., 15, 31 мая, 15, 30 июня, 15 июля, 30 ноября).

Уже первые номера «Вятской газеты» подтверждают стремление редакционного актива внедрять в жизнь лучшее, прогрессивное. Это почувствовали и читатели, поддержавшие добрые начинания как земства, так и его органа. В корреспонденции за 31 августа «Как помочь крестьянскому хозяйству в Малмыжском уезде» В. Захватаев, крестьянин этого уезда, пишет, что самую серьезною мерою земства в оказании населению помощи по всевозможным отраслям экономической и нравственной жизни надо считать

введение агрономов и открытие сельскохозяйственных ферм и училищ. «Здесь один путь для неподготовленного крестьянина, – утверждает он, – именно: путь наглядного – с различными машинами и орудиями, улучшенными семенами, улучшенными производителями скота и т. п.». Далее автор размышляет о том, какой ему видится будущая сельскохозяйственная ферма в уезде, которая должна служить образцом по животноводству, полеводству, земледелию и пчеловодству. Самое важное значение таких ферм, заключает он, состоит в том, что они подготовят для деревни людей «правильного понимания сельского хозяйства».

Эти и другие публикации нашли среди читателей живой интерес. Успех новой газеты оправдал ожидания издателей; в редакцию поступали одобрительные и благодарственные письма.

Это побудило журналистов в конце первого же года издания газеты предложить земскому собранию вопрос о расширении программы и объема издания. Губернское собрание утвердило предложение управы о включении в газету, кроме прежних, еще следующих отделов: сельскохозяйственная жизнь губернии; земское, продовольственное, страховое дело; статьи по медицине и ветеринарии; народное образование.

Новая программа была утверждена министром внутренних дел в феврале 1895 года. Было разрешено выпускать газету еженедельно, под названием «Вятская газета», и давать при газете четыре приложения в год, с увеличением подписной цены с рубля на два. На расходы по изданию ассигновано было уже 4000 руб., а в действительности издержано до 6000 [44].

«Вятская газета» и приложения к ней печатались в самой солидной частной типографии. Ее основал в 1839 году купец К. Блинов. В 1868 году она перешла к известному просветителю А. Красовскому. В 1878 году ее купил П. Куклин, а с 1898 года владельцем стал В. Маишеев. Он охотно выписал новые шрифты, устроил типолитографию. Типография действовала до национализации в 1918 году [45].

Заслуживает внимания то, как редакция работала с читательской аудиторией, над совершенствованием формы и содержания издания. Так, в целях выяснения, насколько газета отвечает истинным нуждам населения и как относится к ней читатель-крестьянин, земская управа в начале второго года существования газеты разослала подписчикам свыше 1000 вопросных бланков, на которые получила более 500 ответов [46]. «Не перечисляя статей газеты, — писалось в одном из них, — я обязательным считаю сказать, что «Вятская газета» есть... источник, из которого можно почерпнуть всякому возрасту и сословию сколько возможным найдется, потому что по всем отраслям сельскохозяйственного быта она есть дальновидная, советодательная и осторожно-учительная...» [47]. В ответах на опросные листки были также просьбы отвечать на все вопросы и письма читателей, иллюстрировать газету; давать различные приложения, вроде календаря на каждый год, карты Вятской губернии. Некоторые читатели просили выслать старые номера «Вятской газеты», что особенно подчеркивает, насколько ценят ее подписчики. Но более всего крестьяне интересовались публикациями, в которых находили практическое разрешение своих хозяйственных нужд.

«Устроил борону по рис. 1, — писал один из респондентов. — Действует хорошо. Смотря на меня, еще устроили трое и многим нравится...». Вот еще некоторые характерные ответы: «Советы “Вятской газеты” применяли всей деревней по травосеянию...»; «Крестьянам понравились разные истории, повести и известия по сельскому хозяйству о косулях и боронах. Прежде мучались пахать и боронить, а нынче свет увидели и травосеяние стали вести успешно и прочие ремесла...»; «Я сам беру примеры из газеты и устроил толчею фосфоритов. Крашу анилиновой краской, пуриурином... Устраиваю кузницу. Еще нужным нахожу привод для молотилки» [48]. Подобные ответы — свидетельство широкой популярности и полезности газеты, которая прежде всего содействовала распространению практических знаний по сельскому хозяйству и его отраслям, по ремеслам, промыслам и т. д.; служила лучшим

средством общения земских деятелей, стремящихся принести пользу народу, с самим населением, отвечая его запросам.

Этот своего рода социологический опрос обратил на себя внимание публикацией в столичном журнале «Русское богатство» за 1898 год в 12-ом №, в которой, между прочим, приводились и вопросы, предложенные в анкетах: 1) аккуратно ли получается в сельских обществах газета или беспорядочно? 2) раздают ли старосты газету для прочтения и каким порядком? 3) многие ли крестьяне читают газету? 4) какие статьи в газете наиболее интересуют крестьян? 5) насколько понятно для крестьян изложение (язык) статей в газете? 6) удовлетворяются ли крестьяне выбором и содержанием статей? 7) каких статей не достаёт в газете, по мнению крестьян? 8) сохраняется ли газета после прочтения и где?

Автор В. Арьфьев (бывший сотрудник «Вятской газеты». – А. В.), характеризуя отношение к газете читателя из народа, делает примечательные выводы: «Рост умственных потребностей – рост не только количественный, но и качественный, замечается не только по отношению к книге, но и по отношению к газете». И далее: «Они (крестьяне) уже переросли ее (газеты) программу, у них создались известные умственные интересы и их мысль начинает останавливаться на вопросах поважнее земледелия, – начинает работать над разными вопросами окружающей действительности. В газете они ищут материал для мысли, ждут ответы на выдвигаемые самой жизнью вопросы... Вот почему народу нужен орган **просветительский** (выделено нами. – А. В.) в самом широком смысле этого слова, не лишенный при этом публицистического характера» [49].

В силу многочисленных пожеланий о дальнейшем улучшении содержания газеты, губернское собрание 1895 года, по предложению А. П. Батуева, ходатайствовало о новом расширении программы, включении в нее литературно-исторического отдела. Практически шла работа по изменению типа газеты. Представляя в Министерство внутренних дел это ходатайство, управа обосновывала необходимость и целесообразность такого расширения

тем, что для читателя значение многих текущих явлений может быть выяснено лишь возобновлением в народной памяти забытых страниц прошлого, а ознакомление с прошлым должно вызвать в народе осмысленное чувство любви к родине; включение же в газету произведений беллетристических должно расширить круг читателей газеты и даст редакции возможность распространять знания в более легкой и доступной для читателя форме [50]. Это ходатайство было так же удовлетворено в 1897 году, и с этого времени тематика газеты значительно расширилась.

Годом раньше редакция «Вятской газеты», общественность Вятки пережила глубокую утрату – трагически погиб А. П. Батуев. В архиве В. Г. Короленко хранится письмо от 28 октября 1896 года, присланное вятским литератором А. Н. Барановым. В письме сообщается: «Вятскую губернию постигло крупное горе – убит председатель губернской управы Авксентий Петрович Батуев. Прекрасный человек и редкий земский деятель, он пал жертвой какого-то нелепого случая, – от руки сумасшедшего... Мы все очень расстроены... Такого взрыва самого глубокого горя... Вятская губерния не видала... Сотни телеграмм слетелось со всех концов России с самыми горячими, искренними сожалениями...» [51].

После смерти А. П. Батуева редакторами газеты были новый председатель губернской управы В. Садовень, с 26 августа 1899 года – В. Шиллегодский, с 15 марта 1901 года – Л. Юмашев, с 8 марта 1907 года – И. Сухов.

Газета, которую основал председатель губернской управы, была неординарным явлением, плодом усилий земцев, направленных для блага народа. Журналисты «Вятской газеты», следуя традициям, заложенным А. П. Батуевым, старались не утратить популярность газеты и с той же батуевской энергией работали над ее улучшением.

Усилия их не проходят даром. С начала 1898 года увеличивается размер газеты, многие отделы расширяются, а специальные статьи по технике земледелия и кустарных промыслов выделяются в особые ежемесячные приложения. В приложениях (18 тетрадей в год) печатались практические

статьи по земледелию, огородничеству, рецепты на всякие случаи, а также помещались статьи и письма самих крестьян об их нововведениях, опытах и прочее. С 1901 года для большего удобства редакция сочла полезным вместо отдельных разрозненных тетрадей давать специальные статьи отдельными иллюстрированными брошюрами по 4 в год, 12 листов каждая. Статьи в приложениях отличались высокой компетентностью. И это не случайно: для того, чтобы они были таковыми, например, по пчеловодству, редакция, как она сообщала 29 января 1898 года, пригласила в сотрудники практиков и знатоков пчеловодства.

В декабре 1899 года всем подписчикам был бесплатно разослан «Русский календарь» на 1901 год, а в 1906 году – «Русский сельский календарь» И. Горбунова-Посадова.

Широкая тематика газеты, полезность ее советов и их практическая направленность пришлись по душе сельскому читателю. Да и язык газеты был понятен, доступен для неискушенного в премудростях языка, но искушенного в жизни и работе сельчанина. Журналистов крестьянского издания отличало желание выражаться простым литературным языком и избегать иностранных слов; публикация же писем показывает о стремлении редакции сохранить стиль оригинала. По душе пришлось читателю и то, что газета не только содействовала распространению прикладных знаний, но и расширяла его кругозор, знакомила с фактами и событиями других мест и других времен, внушала уважение к знанию и грамоте.

«Необходимо знание, наука, необходимо, иначе сказать, народное образование. Как можно больше народных школ, как можно больше хороших, полезных, дешевых книг и газет», – говорилось в статье за 1 января 1898 года. «Образование принесет пользу не только самим будущим пахарям, кормильцам своих семейств, но и общество будет в выгоде», – утверждалось в публикации за 29 января того же года.

Вопросы образования обсуждались газетой практически во все годы издания. Вот только некоторые заголовки материалов, посвященных народному

образованию: «О воскресных школах» (1895, 13 апр.), «Сельские библиотеки» (1895, 1 июня), «Народная читальня» (1898, 22 янв.), «Учебники К. Д. Ушинского» (1901, 19 июля), «Школа и книга в деревне» (1901, 15 дек.), «Памяти великого учителя Г. Песталоцци» (1902, 7, 14 февр.) и др.

Общеобразовательный характер носили и статьи по медицине, рассказывающие о распространенных видах болезни и их профилактике, пропагандирующие здоровый образ жизни. Наиболее заметными из них были такие, как «О сохранении здоровья и о болезнях» (1899, 1 апр., 6, 13, 20 мая, 10, 17 июня, 1, 15, 29 июля, 26 авг., 16, 23, 30 сент., 7, 21, 28 окт., 4 ноября, 2, 16, 23 дек.), «Причины заразных болезней» (1901, 27 апр., 4, 16, 31 мая) и некоторые другие. Большой очерк под названием «Вольный крестьянский врач», посвященный памяти известного в губернии врача С. И. Сычугова, был помещен в газете в №№ за 28 февраля, 7 и 14 марта 1902 года.

Большой интерес представляют исторические и географические очерки о жизни разных стран и народов: «Русские славяне до принятия христианства» (1898, 26 марта, 9, 16, 23 апр.), «Александр Невский» (1902, 7, 14, 21 февр.), «Очерк о Норвегии» (1903, 27 ноября, 4, 11 дек.), «О Германии» (1904, 20 янв.), научно-популярный «Очерк из жизни земли» (1904, 21 апр., 22 мая, 12, 19 июня, 9, 22 июля, 24 сент., 16 дек.) и др. Следует заметить, что подобные очерки не перепечатывались из столичных изданий, а писались самими журналистами «Вятской газеты», что говорит об их широком кругозоре.

Высокий уровень имел отдел художественной литературы. Немногие провинциальные издания позапрошлого века могли соперничать в этом отношении с «Вятской газетой».

Еще до утверждения расширенной программы с включением литературного отдела на ее страницах в 1895 году публиковались популярные очерки В. Шевелева о жизни и творчестве поэтов, выходцев из народа: И. В. Никитина (7, 14 сент.), И. З. Сурикова (21, 28 сент.), С. Д. Дрожжина (19, 26 окт.), А. В. Кольцова (24 окт.), Т. Г. Шевченко (2 ноября, 7 дек.).

Пожалуй, самым литературным для читателей был 1898 год, когда художественные произведения заняли более 2/5 общего объема издания. Первый же номер за 1 января открылся стихотворением «Сеятель» А. Жемчужникова и рассказом «Отец и сын» Я. Веселиновича. Пробуют свое перо в беллетристике и критике и сами сотрудники редакции: Д. Бирюков знакомит с биографией Н. В. Гоголя (8, 22 янв.), Ф. Горностаев пишет рассказы «Два отца» (2 мая), «Демьяныч» (4 июня), «Вор» (18 июня) и др. Более того, газета представляет творчество самих читателей-крестьян. 19 февраля редакция поместила стихотворение крестьянина И. Лебедева «Безродный» и рассказы А. Грудцына «Митькин сон» и «Первопутник». Позднее в газете появятся и рассказы талантливого автора из крестьян С. Егорова: «Чужая беда», «Нередник» (1902, 31 мая), «В лесу», «Свисток» (1905, 13 янв., 21 марта). Факт публикаций на страницах местной печати художественных произведений читателей-крестьян говорит, с одной стороны, об уважительном отношении редакции к начинающим литераторам из народа, о поддержке самодеятельных талантов, с другой, – об уровне грамотности среди сельского населения.

В 1898 году были напечатаны и такие высокоталантливые произведения, как «Старый звонарь», «На затмении» В. Г. Короленко (17 сент., 3, 10 дек.), «Своя хата» Чайченко (перевод с малорусского С. Дремцова, 19 марта) и др. В том же году «Вятская газета» познакомила своих читателей с произведениями молодого М. Горького. 17 декабря перепечатала из «Журнала для всех» его рассказ «Дружки», а затем установила контакт с самим автором и с его разрешения опубликовала в следующем году рассказы «Зазубрина» и «Ярмарка на Голтве» (№ 19, 20) и вскоре, 30 сентября, напечатала автобиографию писателя. В комментарии к ней редакция подчеркивала демократическое происхождение М. Горького и нелегкие жизненные университеты, через которые ему пришлось пройти; его особый талант, изящность и глубину рассказов. В этом же номере вятский читатель прочитал «Песню о соколе».

С 1898 года в «Вятской газете» также начинает выступать с литературно-критическими статьями известный критик В. Е. Чешихин-Ветринский, отбывавший в 1897 – 1899 годы в Глазове ссылку. В. Е. Чешихин-Ветринский пишет для вятской газеты статьи «Среди латышей» (23 апр., 7 мая, 4, 11 июня), «О театре в России» (2 июля), «М. С. Щепкин» (23, 30 июля, 6 авг.), очерк о жизни и творчестве В. Г. Белинского (9, 16 июля, 6 авг., 24 сент., 1, 15, 29 окт., 26 ноября, 10 дек.). В 1899 году появились его статьи о Н. А. Некрасове (14, 21 янв., 11, 18, 25 февр.), о А. С. Пушкине (29 апр., 6, 13, 20, 27 мая), о И. З. Сурикове (16 июля) и др.

Многие годы появлялись в газете рассказы на сельскохозяйственные темы вятского литератора И. Селивановского, например, «Кочки» (1900, 16 февр.), «Лукичи» и «Кирпичи» (1901, 18 янв.) и др. Публиковал свои рассказы и И. Г. Шадрин, учитель, выходец из Вологодской губернии, проживший в Вятке около 10 лет. Это был смелый человек, активный борец за правду, который неоднократно арестовывался за противоправительственную пропаганду. В рассказах «Своим судом» (1903, 19, 20 янв.), «Из истории одной деревни» (1903, 26 янв.), «Павлихин самовар» (1903, 6, 7 февр.) и других он рисует яркие картины жизни вятских крестьян. В 1912 году Шадрин выпустил в Петербурге автобиографический роман «Бурса».

На страницах «Вятской газеты» перепечатывались также произведения известных русских и зарубежных писателей: М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Ч. Диккенса, Г. Гейне, статьи об А. Н. Островском, В. А. Жуковском, А. И. Герцене, Л. Н. Толстом и др.

Все это говорит о том, что литературный отдел в газете был явлением весьма значительным. Он много сделал в просвещении вятчан, прививал художественный вкус, активизировал их литературное творчество, вообще литературный процесс в крае.

Любили читатели и отдел библиографии – отзывы о новых книгах, представлявшие собой обстоятельные пересказы рецензируемых изданий. Это был удачный прием редакции, не располагавшей высококвалифицированными

сотрудниками по всем отраслям знаний и таким образом не имевшей возможности помещать специальные статьи по многим вопросам. Рубрика «Новые книги» присутствовала почти в каждом номере газеты, здесь рецензировались книги по самым разным отраслям. Кстати, все книги, брошюры и другого рода издания, о которых давались отзывы, можно было выписывать из книжного склада Вятского губернского земства. Об этом газета напоминала подписчикам, например, 30 марта 1900 года. Заказ можно было направить в редакцию, и та высылала книгу наложенным платежом.

В каждом номере присутствовала и рубрика «Вопросы и ответы», где сотрудники давали интересующую информацию, старались ответить на каждый вопрос. Все это притягивало читателей, которые доверяли своей газете и уважали ее. И, конечно же, писали сами.

Главным достоинством газеты было то, что основным активнейшим корреспондентом ее был сам читатель. Уже в начале издания у газеты сложился авторский актив из грамотных крестьян. Их корреспонденции и были той почвой, которая питала «труд интеллигента». Редакция обращалась к аудитории с просьбой присылать ей письма; постоянно держала с ней связь. «По письмам читателей редакция только и может правильно судить о том, насколько успешны ее усилия отзываться на нужды вятской деревни и давать... занимательное и полезное чтение», – говорилось в передовой за 9 сентября 1899 года. «"Вятская газета", как и раньше, будет приветствовать всякое общественное предприятие, особенно такое, которое начнется в деревне самими крестьянами, – обращалась редакция в следующий раз (1902, 12 янв.). – Она будет давать, насколько хватит сил и умения, разные ответы и указания и снова просит писать ей, писать и писать! Письма ближе придвинут газету к деревне и облегчат ее работу на пользу родному краю...».

И крестьяне писали. Писали много и охотно. Не было такого номера (кроме первого), чтобы редакция не предоставила слово своему главному корреспонденту. Более того, письма, как правило, занимали большую часть газетной площади. Обилие разнообразного материала с мест в одно время дало

редакции мысль составить целый номер газеты исключительно из корреспонденций крестьян. Такой оригинальный номер вышел 9 марта 1906 года.

Письма крестьян, которые чаще всего публиковались в отделе «По губернии», несли разнообразную информацию о бытовой и хозяйственной жизни деревни, поднимали вопросы и общественного устройства. Эти письма в среде крестьян вызвали сочувственный отклик. «... Как отрадно бывает прочесть о жизни наших родных вятчей в своих глухих медвежьих уголках, узнать, что составляет их злобу дня, какие где предрассудки, как подвигается жизнь нашей деревни и т. д., – делится своими мыслями крестьянин И. Булдаков в номере за 12 января 1902 года. – Корреспонденции от жителей деревни находят себе массу читателей... Ведь есть и в деревне хозяева, которых с удовольствием бы послушал, но не всегда и не все их могут видеть, говорить с ними лично, а через газету это достичь не так-то трудно...». Или вот другое письмо (без подписи), опубликованное 18 января 1903 года: «... Я в нашей “Вятской газете” много читаю писем, сочиненных нашим же братом-мужиком... Значит, наши писания уважают. И вот в письмах этих часто выражается все, что дорого и близко нашему вниманию... Желательно, чтобы их было больше. **Ведь это наша газета...**» (выделено нами. – А. В.).

Наиболее активными корреспондентами «Вятской газеты» были крестьяне: Г. Петров (Яранск), В. Захватаев (Малмыж), А. Кормщиков (Слободск), А. Грудцын (Уржум), С. Матушкин (Глазов), А. Комаровских (Орлов) и др. Поражает широта их интересов, умение владеть пером. К примеру, только А. Комаровских в 1900 году опубликовал отзыв на книгу «Общедоступный лечебник домашних животных» С. И. Самборского (27 апр.), корреспонденции «Село Соловецкое», «Навалихинская волость Орловского уезда» (5 окт.), «Пьянство и народные библиотеки» (12 окт.) и др.

Основную читательскую аудиторию крестьянского издания, разумеется, составляло сельское население. И, надо сказать, аудитория эта была достаточно широкая. Опросы, проведенные газетой летом 1898 года (а всего она получила

1500 ответов), подтверждают ее широкое распространение. Среди подписчиков были читатели и из соседних губерний, например, Пермской. Тираж газеты составлял семь и более тысяч экземпляров [52]. Приведем некоторые письма подписчиков, свидетельствующие о популярности земского органа. «Один номер газеты переходит из рук в руки; каждый рад тому, что получил газету. Если доведется (кому) прочитать, то несколько времени все рассказывает правду...», «Газета идет нарасхват. Хорошо, если бы в некоторые сельские библиотеки высылали по 2 экземпляра» [53].

Широкому распространению газеты и ее чтению содействовало и то, что ее не только брали крестьяне на дом для чтения, но и читали на сходках и вообще при всякого рода скоплениях людей. «В Кыковской школе грамоты некоторые приходят верст за пять послушать, что будет читать вечером из газеты учитель...», «На деревенских сходках в зимнее время я приношу всегда газету на обсуждение вопросов...», «Более читается у меня на мельнице, потому что тут народа пребывает каждый день от 5 до 10 человек...», «И когда случается праздник, собираются гости и тогда читают. Приходят из соседней Пермской губернии, Оханского уезда...», «В селении живут вотяки и потому на сходках объясняем на вотяцком языке...» [54].

Все эти ответы лишний раз говорят о том, что «Вятская газета» действительно была любима тысячами читателей. И когда по какой-либо причине любимое издание не доходило до подписчика, то реакция была однозначной: «... Была у нас своя народная “Вятская газета”, которая... почему-то не стала выдаваться в сельские общества из волостных правлений. Эта газета была душа народа, потому что в ней писалось все очень просто и понятно для мужицкого разума. Много в этой газете было поучительного... Живем надеждою на нее» [55].

Активное участие в газете крестьян-земледельцев, их внимание за самим делом ее издания говорят о том, что «Вятская газета» была не только газетой для народа, но и действительно **народной газетой**.

Особый интерес к газете вообще, как к источнику оперативной информации, возник в период русско-японской войны 1904 – 1905 годов. Большой объем газетной площади заняли в этот период телеграммы РТА, в которых давался краткий обзор событий на Дальнем Востоке; печатались мнения читателей о военной кампании, письма земляков с фронта и т. д. «Война с Японией пробудила в народе большой спрос на газеты. В самых глухих деревнях интересуются газетами, – писалось в органе земства 31 марта 1905 года в статье «Газета». – По всей вероятности, близкое знакомство с газетой вызвало у деревни и желание узнать «как делается газета», – продолжает автор и рассказывает, как она делается. Интересным представляется в статье взгляд на значение общественной трибуны: «... Оценивая жизненные явления, газета выражает отношение к ним общества и является, таким образом, той силой, которая направляет жизнь, то есть общественным мнением, – говорится в ней. И далее: «Характер газеты определяется средой, для которой она назначается. Эту среду нужно хорошо знать, чтобы установить живую связь и обоюдное понимание между читателями и газетой... Если газета угадывает требования и стремления своих читателей и дает правдивые ответы на те вопросы, которые в данное время наиболее их волнуют, она исполняет свое назначение. Эта внутренняя сторона газетного дела представляет наиболее трудную задачу...». Как точно и обоснованно говорит автор о сущности газетного дела!

Вопросам печати была посвящена и статья И. Братчикова «К 40-летию закона о печати 6 апреля 1865 года (историческая справка)», опубликованная 7 апреля 1905 года. Возвращаясь назад, необходимо упомянуть и статью «200-летие русской печати», помещенную в номере за 31 января 1902 года. В ней дается краткая история печати, а также рассказывается об истории возникновения и содержании первых номеров «Ведомостей» и, что особенно впечатляет, приводится факсимильное содержание первого номера петровских «Ведомостей». Это приводит к убеждению, что журналисты «Вятской газеты» ревностно служили своему делу, ясно понимали значение печати как

общественной трибуны, выразительницы интересов народных масс. И не случайно в этой же статье резюмируется: «... Наша литература страстно и настойчиво стала проповедовать освобождение крестьян, любовь к народу, жалость к нему, веру в огромные таящиеся в нем силы...». Это понимание еще четче выразилось на страницах газеты в период первой русской революции (подробнее о вятской печати в этот период – в разделе 3.5). Материалы «Вятской газеты» 1905 – 1907 годов отличались особой социальной заостренностью, что немало способствовало пробуждению общественного сознания крестьянского населения губернии. Настроение крестьян, их живой интерес к общественным и политическим вопросам отразился и на самой газете.

Политика стала едва ли не главной темой земского органа, стоявшего на либерально-демократических позициях. Возможность говорить то, что раньше не удавалось, коснулось и проблемы земли – вопроса из вопросов мужицких дум и чаяний. «Бедность русского народа – вот одна из главных причин народного движения, – писал 26 января 1906 года активный автор этих лет, местный статистик и литератор А. А. Гурьев. – Бедность от того, что народ наш всегда держался в невежестве. Громадное большинство нашего народа живет землепашеством. А чтобы хорошо жить на земле, надо уметь ее обрабатывать так, чтобы она хороший урожай давала. А для этого надо иметь хозяину образование, знать как следует землю возделывать... Бедность еще от того, что народ наш всегда жил в бесправии и полном подчинении у начальства – тоже необразованного...». В другой статье (1906, 4 марта) он развивает эту проблему: «В просвещении народа его счастье, его светлое будущее. Без просвещения народ может погибнуть от разорения. Кроме просвещения нужны народу и права... Нужно народу и право свободного суждения в своих делах, как устно, так и в печати. Необходима и отмена арестов и казней без суда и следствия, как это делается теперь. Просвещенный и свободный народ сумеет устроить жизнь по справедливости».

Много публикаций в этот период было посвящено разъяснению позиций различных политических партий, другим общественным и политическим вопросам («Наши партии» – 1905, 17, 24 ноября, 8, 22 дек.; «Что такое политика?» – 1906, 26 янв. и др.).

Пишут на политическую злобу дня и сами крестьяне. В корреспонденции за 2 февраля 1906 года «Изменилась ли после манифеста 17 октября жизнь в деревне?» крестьянин (без подписи) из Слободского уезда размышляет: «Они (крестьяне) уже не думают теперь как ранее, что “начальство все сделает”... Прогрессивная часть населения находит выход деревни из настоящего... положения в отмене косвенных налогов с предметов первой необходимости и в увеличении этих налогов на предметы роскоши... Желательно введение всеобщего обучения на средства казны... Необходимо допустить и крестьян к обучению в высших учебных заведениях бесплатно, или за малую плату, необременительную для крестьян...». Примеры можно продолжить. Все они свидетельствуют о том, что газета всецело защищает интересы крестьян.

Документом жизни вятского крестьянина периода первой русской революции и лет, предшествовавших ей, являются очерки-зарисовки «В волостном суде» («Овца», «Хлопуша», «Волк», «Приятель генерала» и др.), публиковавшиеся в 1905 году 23 февраля, 10, 14 марта, 28 апреля, 5, 12, 19 мая. Их автор – крестьянин Дурыманской волости Сарапульского уезда К. М. Дробинин, бывший солдат, активный земский гласный от крестьян сначала в уездном, а позднее в губернском земских собраниях. К. Дробинин рисует яркую картину безрадостной и несправедливой жизни крестьянина, бичует власть имущих. Позднее он также с публикациями на крестьянские темы сотрудничал в «Вятской речи». В 1914 году столичный журнал «Русские записки» (ноябрь. – С. 257 – 266) напечатал его очерк «Вотьяк Никита».

Предваряя публикацию «В волостном суде», автор замечает: «В своих очерках я дал себе слово писать одну правду. Вся жизнь деревни образно и трагически отражается в волостном суде во всех ее проявлениях...». Художественная выразительность, колоритность портретов усиливают

эмоциональное восприятие его произведений. Приведем один отрывок: «Два зажиточных, здоровых мужика, родные братья, тягались между собой из-за сироты племянника – каждому хочется взять его на воспитание до совершеннолетия. Мужики со скрежетом зубовным считаются между собой, перебирают своих родных детей – у кого их больше, свою скотину, количество земли, хлеба, сани, телеги – и оба стараются показать вид, что не из корысти берут мальчика-сироту. Судьи в недоумении. Я спрашиваю сироту, славного белокурого мальчика лет 12, с печальными кроткими глазами, к которому дяде он пошел бы жить? Мальчик молчит... Осторожно берет меня за рукав: “Дядюшка, не присуждайте ни к коему – не меня, а землю тяткину им надо. Я уж жил у обоих, Христа ради собирать посылали... Бьют оба и тетки бьют...”, – у ребенка наворачиваются слезы...» (№ 12).

Содержание «Вятской газеты» 1905 – 1907 годов отразилось и на литературном ее отделе. Первенствующее место здесь заняли произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина. Так, в 1905 году были перепечатаны его сказки «Повесть о том, как мужик двух генералов прокормил» (1 дек.), «Премудрый пескарь» (8 дек.), «Верный Трезор» (15 дек.) и некоторые другие. Публиковались его рассказы и в следующем году. Помещая произведения великого сатирика, редакция приглашала читателя поделиться впечатлениями о них (1906, 26 янв.). Тут же подчеркивалось, что сказки Салтыкова-Щедрина убеждают в том, как «издавна лучшая часть русской литературы думала о нуждах народа, болела его горестями и всегда указывала как могла на вопиющую несправедливость в отношениях власть имущих к деревне».

Смелые демократические выступления газеты не оставляли ее вне подозрений со стороны цензуры. Начиная с 1899 года, «Вятская газета» обратила на себя внимание Главного управления по делам печати «тенденциозным подбором печатавшихся в ней статей». В этом отношении особенно выделялся историко-литературный отдел, «в котором нередко помещались статьи и стихотворения, рисующие в крайне мрачных красках положение русского крестьянина», также и библиографический отдел, где

редакция, «давая отзывы о книгах, подробно приводила их содержание и рекомендовала те из них, в которых опять-таки наш крестьянин выставился угнетенным...» [56]. В конце концов, в 1907 году, когда пресса стала объектом сильнейшего цензурного гнета, «Вятская газета» была закрыта, последний ее номер вышел 31 мая...

Издание крестьянского народного органа явилось яркой страницей в истории провинциальной печати. Большая заслуга в этом, кроме редакторов, принадлежит многим талантливым журналистам. В том числе ответственному секретарю С. П. Дремцову. Сергей Прокофьевич Дремцов (1867 – 1937 гг.) – агроном, литератор, художник и музыкант, был выслан в Вятскую губернию за причастность к распространению революционной литературы, прожил в Вятке более 15 лет.

С. П. Дремцов состоял секретарем «Вятской газеты» с мая 1897 года и занимал эту должность более 6 лет [57]. Работая в редакции, он вступил в переписку с известными литераторами, в частности, с Иваном Франко и М. Старицким. Уже в августе 1897 года газета напечатала (впервые на русском языке) рассказ Ивана Франко «Моя соломорезка» в переводе Дремцова. В 1898 году появились произведения болгарского писателя Ивана Вазова, например, рассказ «Идет ли?» (5 февр.). По-видимому, С. П. Дремцов одновременно вел и литературный отдел. Высокий уровень этого отдела – прежде всего его заслуга. В Вятке ответственный секретарь издал свой русский перевод «Кобзаря» и «Гайдамаков» Т. Г. Шевченко с рисунками местных друзей-художников [58].

Много писал Дремцов и для сельскохозяйственного отдела газеты, который был ведущим. Знаток сельской экономики, он касался и вопросов семян (1894, 15 июня), и устройства бороны (1898, приложение № 1, 15 янв.), вел календарь огородника (памятку земледельца) и т. д. Иногда он подписывался псевдонимом «С. Домрачев» или «С. П.».

В 1902 году С. П. Дремцов намеревался издавать в Вятке журнал «Пахарь». Но губернатор ему в этом отказал. Об этом, в частности, пишет Е. Д.

Петряев [59]. В архивах же Главного управления по делам печати никаких сведений об этом нет. Следовательно, отказ в ходатайстве ограничился одним решением губернатора. После этого Дремцов, огорченный отказом, перешел из земства в управление земледелием на должность делопроизводителя агрономического стола.

Один из сотрудников «Вятской газеты» Ф. П. Кунилов тогда писал, что уход Дремцова вызвал искреннее сожаление многих крестьян, особенно деревенских корреспондентов. «К сожалению, – отмечал Кунилов, – не будучи редактором, Дремцов не мог быть самостоятельным хозяином дела и не дал народной газеты в том виде, как он сам ее понимал» [60]. Последняя фраза наводит на размышление о том, что не во всем С. П. Дремцов был согласен с издателями, что у него было свое видение крестьянской газеты. После 1903 года С. П. Дремцов жил в Харькове...

В редакции в разное время, кроме названных, работали журналисты С. Косарев, Д. Горностаев, А. Рубинский, В. Шевелев, Д. Бирюков, А. Александров, И. Селивановский и др. Журналистский талант сотрудников редакции, их постоянное стремление совершенствовать газету сделали ее заметным явлением в ряду всей провинциальной прессы. Издание «Вятской газеты» имело резонанс не только внутри губернии, но и за ее пределами.

Самые одобрительные отклики на нее появились в общерусской печати. А. М. Горький назвал «Вятскую газету» лучшей «из немногих существующих у нас проводников просвещения в деревне» [61]. «Нужно воздать должное руководителям газеты, – писал он позднее, – все в ней излагается серьезно, толково, без подделок под мужицкий язык, с твердой уверенностью, что если деревенский читатель захочет понять – поймет». А. М. Горький перечисляет другие достоинства газеты и обобщает: «Все это, взятое вместе, производит впечатление работы дружной, продуманной, вызванной ясным сознанием той огромной возможности, которая имеет для мужика всякое прикладное и теоретическое знание...» [62].

В 1902 году Нижегородское губернское земство обсуждало вопрос об издании местной газеты по образцу вятской. С просьбой сообщить сведения относительно издания «Вятской газеты», расходов на нее, числа подписчиков и т. д., обращалась в Вятку Курская губернская земская управа [63].

И не случайно Комиссия императорского вольного экономического общества «за просвещенную и энергичную деятельность» по изданию «Вятской газеты» и за «за широкое ее распространение среди народа» в 1899 году присудила Вятскому губернскому земству Большую золотую медаль [64].

Говоря о значении газеты, Комиссия отмечала, во-первых, ее просветительскую роль, во-вторых, ее значение в приобщении провинциального читателя к газете, вообще к чтению, «так как ее читают охотнее книг, потому что в ней есть всякие интересные новости, а кроме того здесь всякий найдет то, что ему более нравится и понятнее... В газете часто пишут из знакомых местностей и ценят их настолько же, как письма с родины» [65]. Далее Комиссия подчеркивала ее воспитательное значение, что она «не только отвлекает от пьянства, картежной игры и разгула, но и внушает презрение к такому недостойному образу жизни...» и, наконец, что она служит посредником между народом и теми учреждениями, которыми регулируется его общественная жизнь [66].

Отметим также и роль «Вятской газеты» в культурной, общественной и экономической жизни губернии, ее значение в развитии вятской журналистики и литературы.

В истории российской провинциальной прессы она является первой крестьянской газетой, адресованной массовому читателю и издаваемой при его активном участии.

3.5. «Вятский край» – первая общественно-политическая частная газета

Появление первой частной газеты в вятском крае было закономерным. Потребность в независимом органе, который бы выражал мнение прогрессивно настроенной части общества, стал трибуной либеральных взглядов, – ощущалась все сильнее. Многие представители интеллигенции, земцы искренне верили, что народ станет свободным лишь тогда, когда получит достаточно культурное развитие. Одно из мощных средств развития культуры в народе они оправданно видели в печати.

Но издание частной газеты было делом не из легких. Как позднее писал местный общественный деятель и литератор Н. А. Чарушин: «... русское правительство семидесятых и даже девяностых годов прошлого столетия... было скупое, особенно в провинции, на разрешение подобных изданий, почти всегда и неизбежно становившихся оппозиционными. С грехом пополам, допуская подобные издания в столицах и некоторых университетских городах, они тщательно оберегали остальную провинцию от тлетворного влияния прессы, чему усердно помогали и местные губернаторы... И в таких местах газета была чрезвычайной редкостью и уже одним этим она приобретала особенную ценность. К числу таких изданий, несомненно, относится и газета “Вятский край”» [67].

Ее возникновение связано с именем П. А. Голубева. Петр Александрович Голубев (1855 – 1915 гг.) – коренной вятич, видный журналист, большой знаток местного края, учился в Глазовском уездном училище, потом в Вятской мужской гимназии, где сближается с будущим публицистом М. Бородиным, который создает в гимназии полулегальный кружок учащейся молодежи. После окончания гимназии Голубев поступает в Казанский университет, где приобщается к движению народников. В это время он сотрудничает в уже знакомой нам «Вятской незабудке» [68].

Следующий этап его жизни – преподавательская работа в мужской гимназии г. Троицка Оренбургской губернии (ныне Челябинская область). За революционные проповеди, которые вел там среди молодежи, его увольняют и высылают в Царевококшайск (ныне Йошкар-Ола), где занимается исследованием экономики сельского хозяйства России. Там в 1883 – 1885 гг. начал сотрудничать с выходившей в Казани газетой «Волжский вестник», помещая статьи по земельному вопросу.

С 1885 года он вновь в Казани, активно сотрудничает в газетах «Волжский вестник», «Русские ведомости». В 1885 – 1886 годах П. А. Голубев в «Волжском вестнике» вел журнальное обозрение «Вестника Европы», «Русской мысли» и других изданий, акцентировал внимание на рассказы Д. Н. Мамина-Сибиряка, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. И. Немировича-Данченко, писал о Н. И. Златовратском, Г. И. Успенском, В. Г. Короленко. В одном из своих обозрений он первым пытался написать о Н. Г. Чернышевском, назвав роман «Что делать?» в числе произведений, которые до сих пор читаются с глубочайшим интересом. Цензура не пропустила в печать упоминание романа [69]. Живя в Казани (1885 – 1887 гг.), Голубев поддерживает связи с В. Г. Короленко, переписывается с ним [70].

За революционность своих высказываний молодой публицист был арестован и выслан в Томск, где пишет в «Сибирскую газету». Из Томска Голубев посылал в «Северный вестник» и «Юридический вестник» «Очерки сибирской жизни», в которых проявил себя знатоком истории и этнографии Западной Сибири.

После сибирской ссылки, приехав в 1890 году в родную Вятку, имея богатый журналистский опыт, он пытается создать на родине первую частную газету, рождению которой способствуют благоприятные обстоятельства.

С одной стороны, этому содействовала колеблющаяся политика начала царствования Николая II, а с другой – приезд в Вятку нового губернатора Ф. Ф. Трепова, справедливо видевшего в печатном слове помощника в истреблении взяточничества и грубого произвола, противником чего был сам.

При поддержке демократически настроенной группы лиц, друзей из местной интеллигенции, П. А. Голубеву удастся осуществить свой замысел – приступить к выпуску общественно-политической газеты «Вятский край». Ее первый номер вышел 2 марта 1895 года.

Все четыре года издания газеты, вокруг которой сплотились лучшие литературные силы вятского края, П. А. Голубев был фактическим редактором и одним из главных сотрудников. Официальным же редактором был А. П. Лашкевич, издателем Я. И. Поскребышев. В редакционной статье первого номера «Вятский край» назван первым независимым органом не только вятской губернии, но всего Севера. В статье подчеркивалось: «Газета поставляет для себя первую задачу исследование вопросов областных и служение интересам местным», прежде всего интересам крестьянства, а также развитию народного образования. В статье, по сути, редактор определил программу местной газеты.

В редакционный актив вошли известные журналисты М. П. Бородин, А. Н. Баранов, Н. Н. Блинов и С. П. Дремцов. Редакция всегда была полна посетителей [71].

Газета выходила три раза в неделю и расходилась практически по всей губернии. Как вспоминал Н. А. Чарушин, «Вятский край» с первого же года окупала себя и не требовала дотаций. Вскоре получила широкую популярность в общественных кругах губернии и проникала в деревню [72]. В редакцию начало поступать множество писем из уездных центров, Ижевского и Воткинского заводов, сел и даже деревень. Они публиковались в разделе «Корреспонденция Вятского края».

Постепенно редакция выработала модель газеты с устойчивой программой, составленной из следующих разделов и рубрик: Телеграммы РТА; Обзорение газет и журналов; Последние известия; Статьи по общественно-экономическим вопросам общим и местным; Хроника: городская и земская жизнь, судебная, школа, медицина, театр; Вести из Вятско-Камского края; Со всех концов России (корреспонденции и известия газет); Сведения о заграничной жизни; Фельетон – научный, литературный, беллетристический, театральный

и музыкальный; Критика и библиография; Смесь; Почтовый ящик; справочный отдел; Объявления. Все это позволило представить на страницах нового издания довольно полную и разнообразную картину жизни края.

Так же, как для «Вятской газеты», «Вятскому краю» была присуща одна из основных функций (характернейшая черта российской журналистики того времени) – просветительская; забота об образовании самых широких слоев населения.

«Без известного уровня образования, всеми достигаемого, невозможно никакое настоящее развитие народной жизни..., – писала газета 14 марта 1895 года. – Кому дорог народ и его жизнь, тот должен отдать все свои силы и средства на борьбу с невежеством... Понятно, что борьба с невежеством должна быть повсюду и должна вестись государством, земством, обществом и отдельными личностями, так как невежество есть враг всей страны...». В обзоре «Вятская губерния в 1896 году» (1 янв.) редакция отмечала, что самым крупным явлением в прошедшем году нужно признать состоявшееся постановление уездных земских собраний об открытии вновь 308 начальных училищ и 6 двухклассных». Вопросам народного образования были посвящены корреспонденции и статьи «По школам», «К вопросу о начале и окончании учебного года в начальных народных училищах», «Распространение университетского образования» (1895, 15, 22 июля, 1, 5 авг.; 1896, 24 февр.; 1897, 6 марта).

Одним из наиболее активных авторов этой темы был П. А. Голубев. Например, в 1895 году он написал проблемную статью «Народное образование и земство в Вятской губернии» (4, 9, 16 мая, 1, 8 июня). Много писал Голубев и на другие темы. Его статьи о необходимости в губернии железной дороги («Что несет железная дорога» – 1895, 18, 30 марта, 13, 18, 22 апр.), земской жизни и медицине («Земская медицина и медики» – 1897, 4 сент.), о нравственности («Наша чистота нравов» – 1898, 16 апр.) и другие написаны со знанием дела; за ними чувствуется человек, ратующий за лучшую жизнь в крае, думающий о народе. Пишет он и о трагически погибшем председателе

Вятской губернской земской управы, журналисте и писателе А. П. Батуеве, юристе О. Э. Авейде, о краеведе П. М. Сорокине. Подписывался Голубев обычно инициалами «П. Г.» или «П. А. Г.». Кроме того, П. А. Голубев печатается и в столичных журналах: в «Русской мысли», «Русском богатстве» и других; издает «Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края» (Вятка, 1896 г.), пишет книгу по заказу губернского земства для представления на парижскую выставку 1900 года «Вятское земство среди других земств России». В «Историко-статистическом сборнике» автором приводятся по разделам книги, изданные в Вятке трехтысячным тиражом с 1890 года. Среди них – «Счетоводство для неграмотных. Извлечение из брошюры Н. Шишкова» (1890 г.), по географии – «География Вятской губернии (Родиноведение) Лаврентьева (1895 г.), по медицине – «Книжка для простого народа о сохранении здоровья. Ч. 1-я. О простуде, о болезнях, об одежде» (1891 г.), и другие, по общественной жизни и законам – «Сельский староста и сборщик податей», «Сельское общество», «Сельский сход», «Учет мирских денег», «Служба обществу и государству» и др. (все – 1895 г. издания, автор Н. Блинов), по сельскому хозяйству – «Куроводка Марья» И. Селивановского (1894 г.), «Наставление к посеву, уходу, уборке, обмолоту и сохранению семян трав...» А. Рубинского, художественные книги – «Капитанская дочка», «Руслан и Людмила», «Сказки» и другие произведения А. С. Пушкина 1895 г. издания, а также сочинения М. Ю. Лермонтова («Песня про купца Калашникова», «Мцыри» и др. – 1895 г.), И. Лажечникова («Ледяной дом», «Басурман», 1896 г.), В. Скотта («Айвенго», 1896 г.)...

Другая яркая фигура «Вятского края» – известный публицист и общественный деятель А. Н. Баранов (1864 – 1935 гг.). Он был близко знаком с В. Г. Короленко, известен Л. Н. Толстому, А. И. Скабичевскому [73]. Творчество А. Н. Баранова отличает убежденность в своих взглядах, которым были присущи демократические и социалистические идеи. Становлению его взглядов способствовали жизненные условия.

Родившись в семье мелкого чиновника, А. Баранов рано остался сиротой и узнал, что такое бедность и унижение. Отразилось на его судьбе и общение с политссыльными. В 1882 году «ввиду политической неблагонадежности» его исключают из Вятского реального училища, поводом чему послужило выступление в рукописном журнале гимназистов (данные о журнале не установлены). Дальше – скитания, приобретение жизненной закалки. Время скитаний легло в основу автобиографической беллетристики, которая публиковалась позднее в провинциальной печати Поволжья и Вятки. В юношеском возрасте он попадает в студенческую среду Казани, которая отличалась революционным настроением. Именно в это время молодой публицист начинает сотрудничать с редакцией казанской газеты «Волжский вестник». В «Волжском вестнике» он публикует и первое литературное произведение «Три феи». С тех пор журналистская деятельность становится для Баранова профессией. Через пять лет вышла первая книга его рассказов «Осень», получившая высокую оценку В. Г. Короленко и Л. Н. Толстого [74]. Общественный резонанс вызвала публицистическая книжка Баранова «В защиту несчастных женщин», выдержавшая три издания (Казань, 1897, 1898; М., 1902).

С 1894 года А. Н. Баранов служит землемером и страховым агентом в Вятском земстве, начинает сотрудничать в вятской прессе. С началом издания «Вятского края» он много пишет в газету статей по страховому делу, заметок по текущим вопросам. Именно в «Вятском крае» А. Н. Баранов одним из первых поднял в печати вопрос о Мултанском деле, которое вызвало в российской общественности широкий резонанс.

Группа удмуртов с. Старый Мултан была оклеветана и обвинена в якобы имеющемся в их языческих верованиях человеческом жертвоприношении. Инспирированное с подачи высших кругов правительства дело против мултанских удмуртов бросало тень на всю народность. Судебный процесс длился с 1892 по 1896 год. И если бы не вмешательство прогрессивной

интеллигенции – грубая судебная инсценировка могла бы закончиться победой реакции.

Попытка оправдать оклеветанных людей в первое время была «гласом вопиющего в пустыне». С началом же судебного процесса А. Н. Баранов вместе с другим журналистом О. М. Жирновым посылают в редакцию «Волжского вестника» телеграмму, в которой сообщают, что в ближайшее время будет выслан отчет о Мултанском деле. Ответа не последовало [75]. А на четвертый день после суда, 15 декабря 1894 года, в той же газете появляется статья местного журналиста И. Бабушкина «Человеческое жертвоприношение языческим богам в Вожско-Камском крае». В развязной форме, на основании только обвинительного акта и судебного приговора автор утверждал, что человеческие жертвоприношения среди удмуртов «не вызывают сомнений в своей подлинности, и что осуждением семи вотяков общество ограждает себя от опасности...».

Баранов и Жирнов обратились в «Волжский вестник» с письмом для печати, в котором предостерегали читателей делать выводы на основании выступления недобросовестного журналиста до появления подробного судебного отчета. Письмо не было опубликовано [76]. Аналогичное письмо было послано в «Казанский телеграф», а напечатано 31 марта 1895 года.

В местной и столичной печати стали появляться многочисленные отклики по этому делу, причем разноречивые. «Вятский край» одним из первых изданий занял объективную позицию. 4 мая 1895 года публикуется корреспонденция А. Н. Баранова, в которой автор рассказал, как было сфабриковано дело. О. М. Жирнов в номере за 13 июня рассказал об издевательствах полиции над обвиняемыми в период производства дознания по делу. «Вятский край» также помещает стенографические отчеты суда (1895, 24, 26, 28, 31 окт., 2, 7, 11, 23, 25, 30 ноября, 5, 9, 14 дек.; 1896, 13, 18, 27 июня), компетентные выступления этнографов, в частности, П. Н. Луппова (1895, 19, 21 сент.; 1896, 7, 9, 25 мая).

Дело приняло другой оборот. Защитнику М. И. Дрягину удалось добиться пересмотра приговора [77]. Но до победы было еще далеко. Вспомнив

о знакомстве с В. Г. Короленко, А. Н. Баранов и О. М. Жирнов просят его вмешаться в это дело и встать на защиту обвиняемых. Сам же Баранов продолжает писать статьи, разоблачающие судей и власти, в различные издания. В 1894 – 1896 годах, пока тянулось мултанское разбирательство, он почти не писал ничего другого, как только по поводу этого дела.

Участие В. Г. Короленко, других видных публицистов, экспертов страны в Мултанском деле помогли в конце концов решить его в пользу обвиняемых. Это было единственным судебным делом, по которому В. Г. Короленко выступил не только в печати, но и в суде в роли защитника. Именно тогда наиболее ярко проявились его боевой публицистический талант, страстность и негибаемое мужество общественного деятеля-демократа [78]. В память о своем страстном защитнике село Старый Мултан переименовано в село Короленко (ныне Удмуртская Республика). Так демократическая пресса, в том числе «Вятский край», сыграла тогда в судьбе не только одной группы лжеобвиняемых удмуртов, но и всего народа благородную роль, показав свою силу и значение.

Демократический характер газеты проявлялся и в литературных публикациях. Это выражалось в подборе художественных произведений соответствующего содержания. Вообще, литературная жизнь на страницах «Вятского края» отражалась постоянно. В газете появились рассказы А. Лашкевича – «Сочтемся» (1895, 2 марта), А. Прорубова (А. Батуева) – «Однокорытники» (1895, 3, 7 марта), А. Баранова – «Поздно» (1895, 27 мая), В. Глебова – «У огня» (1896, 21, 23 мая), «Людмила Королева» (1896, 15, 20 июня), «На мели» (1896, 21 сент.), Д. Бирюкова – «Перепелки» (1897, 18 янв.) и др. Были представлены переводы С. Дремцова «Из Шевченко» (1897, 10 июля), А. Ленцевича. Специально для «Вятского края» А. Ленцевич перевел рассказы французских писателей М. Преве «Тетушка Роза» (1896, 19 марта), «Черная одежда» (1896, 6 апр.), А. Додэ «Баллады в прозе» (1897, 4 янв.) и другие произведения иностранных авторов. Но больше А. Ленцевич был известен для читателей как поэт.

А. Н. Ланцевич (псевдоним А. Н. Хавского, 1869 – 1904 гг.) – ссыльный поэт в Вятке, опубликовал в «Вятском крае» не один десяток стихов. В 1898 году он, кстати, издал в Вятке сборник «Стихотворения», о котором журнал «Русское богатство» в 11-м номере (с. 73) за 1898 год писал: «... г. Ленцевич, если не ошибаемся, давно уже печатается в разных провинциальных изданиях. Он привлекает зрелостью мысли, присутствием в стихах руководящей идеи. Выделяются его стихи “В усадьбе”, “В парке”, “На солнце” и др.».

Помещались в газете и литературно-критические статьи. В этом плане выделяются статьи о Н. К. Михайловском (1895, 14 ноября), Н. А. Добролюбове (1896, 25 янв.), В. Г. Белинском (1898, 28 мая) и др. В статье о Н. К. Михайловском, посвященной 35-летию его литературной деятельности, автор (П. Голубев), ставя его рядом с именами Грановского, Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова, пишет о нем как об оригинальном публицисте и самостоятельном истолкователе научно-философской мысли Запада, одним из лучших представителей поколения «шестидесятников», на которое выпала высокая обязанность внести в умы русского общества результаты научно-философской мысли, популяризовать и сделать доступными нравственно-правовые идеалы Запада. «В качестве публициста, – размышляет Голубев, – он касался самых разнообразных вопросов, выдвигаемых текущей жизнью. Крупнейшие русские вопросы: о печати, интеллигенции, о народе, народной литературе и народничестве, вопросы об общине и капитализме и пр., не прошли мимо отзывчивого публициста, и статьи его по некоторым из них, помимо глубокого понимания действительности, представляют из себя в стилистическом отношении прекрасные образцы, с которыми, по нашему мнению, необходимо знакомиться каждому начинающему публицисту...».

Кроме того, публиковались обзоры литературной жизни, рецензии на новые художественные произведения. Театральную хронику в газете вел А. Лашкевич. Можно сказать, что литературный отдел в «Вятском крае», так же, как в «Вятской газете», был одним из заметных в провинциальной печати России.

Писала газета о волостном и сельском самоуправлении, о кустарных промыслах, о торговле и кооперации и т. д. Много внимания «Вятский край» уделял положению крестьян, их продовольственным нуждам и тяготам от податей и недоимок. Защита труженика от притеснений, соучастие в его жизненных неурядицах – всегда оставались прерогативой в социальной позиции журналистов. Вот характерная публикация, увидевшая свет 13 мая 1895 года в отделе «Корреспонденция Вятского края»: «В селе Верхошижемском, 30 апреля, имел место следующий случай. Днем среди толпящегося на базаре народа проходил вместе с дочерью земский начальник К-въ. Народ сторонился, давая дорогу начальству; но крестьянин Ярковской волости дер. Тюмени, Павел Горбунов, занятый покупкой калачей, не заметил надвигающейся на него тучи. “Дорогу, грубиян!”, – раздался начальнический окрик. Горбунов посторонился, но, вероятно, недостаточно поспешно или недостаточно далеко, так как г. К. взмахнул властной рукой, ударил мужика в ухо, сбил с него шапку... Дорога очистилась и победитель-начальник продолжал свой путь...».

«Вятский край» не мог продержаться долго, имея репутацию оппозиционного, прогрессивного органа. Материалы, где власть имущие справедливо подвергались критике, не могли остаться без ответной реакции со стороны властей. Особенно много колкостей в их адрес присутствовало в талантливых статьях под общим названием «Мечты и действительность», которые помещались на протяжении всех лет издания газеты. Подписывались они под псевдонимом «Наблюдатель». Например, в номере за 28 января 1897 года «Наблюдатель» подвергает резкой критике вятскую уездную управу: «Укажите мне хотя одно смелое по замыслу и не дешевое по выполнению начинание,... которое вышло из этого земского лазарета? Не только ничего подобного не укажете,... но, напротив, найдете массу примеров того, как вятское земство становится тормозом во многих вопросах...».

Гонения на «Вятский край» начались в 1898 году при губернаторе Н. М. Клингенберге. В 1897 году ответственный редактор А. П. Лашкевич был

выслан за пределы губернии. В 1898 году выпуск газеты был приостановлен администрацией на 8 месяцев, и Министерство внутренних дел потребовало от нового издателя И. А. Желвакова представить нового кандидата в редакторы. Было предложено 16 кандидатов, один за другим, и ни один из них не был утвержден [79]. В письме к В. Г. Короленко от 2 февраля 1898 года П. А. Голубев с болью пишет: «Дорогой Владимир Галактионович! Да, наши дела с газетой плохи. Конечно, уже знаете, что мы представили последними опять Лашкевича и Рязанцева (из нечаевцев). Лашкевич 17 января получил сюрприз выехать из губернии “за вредную деятельность по земским учреждениям”, и он уже выехал...» [80].

В деле о прекращении издания «Вятского края» говорится, что «Газета “Вятский край” с самого начала ее издания приняла крайне предосудительное направление, постоянно стремясь уронить авторитет власти и вселить в население убеждение в неудовлетворенности законов и неправильности их применения» [81].

Публикация одного из стихотворений А. Ланцевича «С арабского» (1898, 28 апр.) послужила для администрации поводом для окончательного решения закрыть газету [82]. Стихотворение заканчивалось словами:

*«С другом надежным сойдишь,
Острый клинок отточи:
Надо не плакать, а мстить, —
Мстить за погибших в ночи!».*

В итоге, «Вятский край» прекратила свое существование. Последний ее номер вышел 2 июня 1898 года.

П. А. Голубев же, тоже вынужденный уехать из Вятки, жил в Париже, в Петербурге. И лишь обстановка, вызванная начавшейся русской революцией, позволила ему вернуться в 1906 году в Вятку, где он снова активно включился в журналистскую работу, сначала в «Вятской жизни», затем — в последовательно сменивших ее газетах «Вятский край» и «Вятская речь». Так же он сотрудничал в редакциях и издательствах Петербурга, Н. Новгорода,

Казани [83]. Скончался П. А. Голубев в 1915 году в Самаре. В некрологе, опубликованном в «Вестнике Европы», о нем сказано: «... Как истый поклонник статистики, он ко всякому общественному явлению подходил с требованием цифрового учета и на нем уже строил всю свою публицистическую деятельность. Цифрой он боролся и с администрацией, и иногда весьма удачно. Так,... произведенный им учет продовольственного дела в 1891 – 92 году вызвал удаление из Вятки губернатора Анисьина. В газетах, кроме столичных, он работал в Казани, Вятке, Томске, Самаре, Астрахани, Ставрополе, везде и всюду выдвигая, основательно освещая и широко ставя областные вопросы, крайне враждебно относился к тенденции провинциальных газет превращаться в городские листки...» [84].

Безусловно, публицистика такого яркого, крупного таланта, как Петр Александрович Голубев, ждет своего неравнодушного исследователя.

3.6. Вятская печать в годы первой русской революции

Систему печати России в начале XX века обусловили те общественно-экономические условия, которые были подготовлены всем ходом исторического развития.

Революционное движение, охватившее всю страну, вынудило правительство издать 17 октября 1905 года Манифест, который провозглашал гражданские свободы. Были сделаны уступки и в области законодательства о повременных изданиях. Административно-полицейское давление на печать значительно ослабло. Но о полном раскрепощении прессы, конечно, не могло быть и речи. Антиправительственную печать власти надеялись задуть, с одной стороны, путем административных и уголовных мер, с другой – путем лживых обещаний в области свободы слова. Об этом свидетельствует, например, циркуляр Главного управления по делам печати, направленный уже 19 октября 1905 года губернаторам, желавшим знать, «в каких пределах может

быть ныне же осуществлена дарованная населению свобода печатного слова» [85]. В циркуляре сообщалось, что в самом ближайшем будущем действующий «Устав о цензуре и печати» будет изменен и издан новый закон. Но революционная ситуация в стране не позволила зауздать так быстро прессу.

После 17 октября 1905 года появляются газеты, которые начинают выполнять новую для легальной прессы функцию – становятся центральными органами вновь возникающих партий. В период революции 1905 – 1907 годов на арену социальной борьбы в России вышло более десяти политических партий, каждая из которых пыталась создать свою периодику. Основную силу представляли кадеты, эсеры, октябристы, социал-демократы, черносотенцы, трудовики, монархисты и др.

Различные идейные направления, программы столкнулись на страницах партийных изданий, независимых от правительственных органов. В условиях публичной борьбы независимая пресса становится одним из наиболее значительных средств популяризации тех или иных вариантов развития России, вообще в формировании общественного мнения. Расширяются возможности манипулирования массовым сознанием.

Для печати этого периода характерны политизация, резкая дифференциация по идейным программам. В целом, она разделилась на три лагеря: правительственный, либеральный, социалистический.

Мощное развитие в этот период получает социалистическая печать; по своему распространению и действенности она становится адекватной развитию революционного движения. Впервые в истории российской журналистики появляется легальная пресса большевиков.

Радикальнее становятся либеральные издания. После возникновения политических партий они примыкают к кадетам. Этому способствовало и то, что у правящих кругов не было какой-либо развитой положительной общественной идеологии и не было периодического издания, эту идеологию удовлетворительно пропагандирующего. Одной из причин низкой эффективности правительственной прессы в период 1905 – 1907 гг. является

кризис идеологии самодержавия, неспособность выдвинуть программу мер, могущих реально ослабить раздирающие страну противоречия.

Надо подчеркнуть, что пресса даже одного лагеря не была однородной, существовало множество градаций и различий в зависимости от политической ориентации, социальных симпатий издателей и т. п.

В период первой русской революции пресса переживает крупный количественный и качественный скачок; резкое увеличение периодики происходит в провинции. В 1905 – 1907 годах в России издавалось 3310 газет и журналов, из них в провинции выходило 1172 [86].

В Вятском крае в годы революции появилось до 10 газет различных направлений; явно происходит социально-политическая дифференциация печати. Новые периодические органы стали издаваться с конца 1905 года.

3.6.1. «Вятская жизнь» и «Вятский край» – либерально-демократические издания

24 декабря 1905 года, после восьмилетнего перерыва, в Вятке снова вышла ежедневная частная общественно-политическая и литературная газета на четырех страницах тиражом от 4 до 10 тысяч экземпляров – «Вятская жизнь». Инициатором ее создания стал народник-«чайковец» Н. А. Чарушин, зарекомендовавший себя с началом нового издания талантливым организатором газетного дела, прогрессивно мыслящим человеком.

Николай Аполлонович Чарушин (1851 – 1937гг.) [87] родился в г. Орлов Вятской губернии, окончил Вятскую гимназию, поступил в Петербургский университет, где активно участвовал в обществе «чайковцев», народнической организации первой половины 70-х гг. XIX века, названной по имени одного из ее членов – Н. В. Чайковского. После разгрома организации Н. Чарушина сослали в Сибирь, где он с женой прожил 18 лет. С приездом в Вятку Чарушины окунулись в местную общественную деятельность.

Главным делом Николая Чарушина становится организация газеты, которая бы продолжила традиции прежней демократической газеты П. А. Голубева. В ходатайстве будущий издатель обращался к губернатору: «Я намерен с декабря месяца сего года издавать в г. Вятке без предварительной цензуры ежедневную общественно-политическую и литературную газету под названием “Вятская жизнь” ценою в 6 руб. в год, причем ответственным редактором выставляю заведующего оценочной статистикой Александра Александровича Гурьева. Печататься газета будет в типографии П. Д. Харитонова. 23 ноября 1905» [88]. Выбор А. А. Гурьева был не случаен: он успешно редактировал голубевский «Вятский край» в конце его существования, был в одно время издателем «Вятской газеты». Программа «Вятской жизни» предполагала публиковать информацию о действиях и распоряжениях правительства, телеграммы, статьи по внешним, внутренним и местным вопросам, внутренние и иностранные известия, сообщения о местной жизни, городской и сельской, обзоры писем, намечались публикации литературного и научного характера, библиографический и справочный разделы. Разрешение на издание было получено.

В состав редакции вошли видные журналисты: П. А. Голубев, М. П. Бородин, А. Н. Баранов, Н. А. Падарин, И. А. Владиславлев, А. А. Лучинин, Г. И. Яринский. Редакторами последовательно работали А. А. Гурьев, П. А. Голубев, И. А. Владиславлев. Ядро, таким образом, составили публицисты ранее выходившего «Вятского края», что и определило содержание чарушинской газеты. Но новая общественная ситуация, в которой оказались сотрудники, вызвала корректировку в их деятельности. Это очевидно и из программного заявления редакции: «... Если прежде пред провинциальным органом стояла лишь **мирная культурная работа**, то теперь пред ним выступает ответственная **задача политического воспитания** народа (выделено нами. – А. В.). Одним из существенных вопросов, который требовал первостепенного внимания, журналисты «Вятской жизни» считали крестьянский вопрос. Суть его, заявляли они, заключается «... в благополучии

крестьянства, его политическом возрождении и экономической обеспеченности. Для политического же возрождения крестьянства, кроме обещанных уже гражданских свобод, требуется уничтожение сословности, снятие с крестьян бюрократической опеки и предоставление им одинакового... участия в государственном управлении...» (1905, 24 дек.).

Направление нового издания, естественно, насторожило губернские власти. Поэтому не удивительно, что газета попала под строгий контроль и начала подвергаться различным гонениям. Н. А. Чарушин писал: «За короткое существование “Вятской жизни” (с 24 декабря по 22 августа 1906 года) она подвергалась: ряду судебных преследований редакторов, конфискации номеров, месячной приостановке по суду (в конце апреля), губернаторскому ультиматуму, предъявленному первому издателю газеты Чарушину: оставить службу в земстве или снять свою издательскую подпись под газетой и, наконец, закрытию типографии Харитонова, где она печаталась, а через месяц, по совокупности преступлений газеты, по постановлению суда, – закрытию ее навсегда с последующей за этим административной высылкой из пределов губернии редактора Владиславлева (редактор с 1 июня 1906 г. – А. В.) и издательницы Чарушиной (издательница со 2 апреля 1906 г. – А. В.)» [89]. Эти заключительные репрессии совершались уже при губернаторе С. Д. Горчакове, приехавшем в Вятку в конце июля 1906 года ликвидировать «вятскую революцию» и направившем свои удары прежде всего на крамольную, с его точки зрения, печать. «Вятскую жизнь» приостановили определением Казанской судебной палаты в мае 1906 года. Несколько номеров с начала мая по конец апреля Н. Чарушин сумел все же выпустить под названием «Вятский край». Потом газета снова стала издаваться как «Вятская жизнь», покуда ее окончательно не закрыли в августе 1906 года.

На смену «Вятской жизни» тотчас же начала выходить новая газета «Вятский край» под редакторством ссыльного Г. И. Яринского. Это, по сути, то же издание, только под другим названием; выходило по-прежнему ежедневно, кроме дней послепраздничных. В новой газете работали почти все прежние

сотрудники «Вятской жизни». Редакторами последовательно были: Г. И. Яринский, А. Н. Праздникова, Н. И. Новиков, А. И. Столбова, снова Н. И. Новиков. Издателем формально значилась А. Н. Праздникова, фактически – Н. А. Чарушин. «Новый орган печати с редактором Яринским и издательницей Праздниковой был продолжением прежнего», – пишет тот же Чарушин [90].

Цель обоих изданий была сформулирована в первом номере «Вятской жизни»: «Всестороннее освещение местной жизни, служение нуждам и интересам местного населения. Газета будет отстаивать народовластие в государственном и местном управлении и национализацию земли в экономической жизни».

На страницах газет отражались общественная жизнь края, рабочее и крестьянское движение, бедственное положение основной массы населения, административные репрессии, тяжелый быт политссыльных и т. д. Так, «Наблюдатель поневоле» (А. Лучинин) в фельетоне «Зюздинские письма» (Вятский край, 1907, 10, 20 июня) рассказывает о тяжелых бытовых условиях ссыльных. Газеты посвящают некрологи революционеру В. А. Горбачеву (ВЖ, 1906, 30 марта), одному из чайковцев С. С. Синегубу (ВК, 1907, 15 окт.) и другим общественным, а также литературным деятелям.

В обоих изданиях регулярно печатаются фельетоны и рассказы Г. И. Яринского (известного под псевдонимом «Леон» или «Г. Я.»), например, «Штрихи. Маленький фельетон на местные злободневные темы» (ВЖ, 1906, 3, 16 февр.); Е. Свисловской «Семнадцатое. Фельетон» (ВК, 1906, 6 ноября), фельетоны А. Баранова «Подписка» (ВК, 1907, 2 окт.), «Под надзором. Из записок земца» (ВК, 1907, 11 окт.); П. Андреичева «Из-за решетки» (ВК, 1907, 28 мая); статьи Н. Падарина, А. Лучинина, З. Сретенской и др.

В «Вятской жизни» обращают на себя внимание «сцены с натуры» («С похорон») В. Белова (1906, 13 янв.), его же статья «Что обещает нам борющаяся партия» (9 янв.), публицистические статьи Тан (В. Богораза) «Светлые московские дни» (2 марта) и «Черные московские дни» (23 марта), «Мужики в Думе» (6 апр.) и др. В этой же газете в 1906 году, а затем

в «Вятском крае» в 1907 году часто публиковался рабочий поэт, вятчанин М. Палкин. Его стихи и фельетоны, рисующие беспросветную жизнь рабочих, призывали к свободе:

*«... Эх, когда же ты, Русь терпеливая,
Цепи давнего рабства стряхнешь
И, победою славной счастливая,
К вечной правде свободно пойдешь?» (1907, 8 сент.).*

Еще заметнее был поэт П. Второв. Практически все его стихи – это отклики на политические события в стране и крае. П. Второв был автором интересного сатирического отдела «Вятской жизни» – **«Крутогорский ёрш»**, где помещались стихи и фельетоны, другие материалы. В 1906 году вышло 10 таких выпусков, представляющих собой по существу газету в газете. «Крутогорский ёрш» продолжил традиции «Вятской незабудки».

Павел Николаевич Второв (1874 – 1919 гг.) родился в Ветлуге, много лет прожил в Вятке. В начале 1900-х годов был учителем земской школы в Уржумском уезде, затем переехал в Вятку, сотрудничал в местных газетах, писал много фельетонов и эпиграмм, которыми раздражал губернскую администрацию и за которые был арестован после закрытия «Вятской жизни». Сидел в тюрьме, находился в ссылке в Иркутской губернии, где не переставал писать острые сатирические стихи, посылая их в «Вятскую речь», «Русское слово», «Сибирь». Скончался он на родине [91].

«Крутогорский ёрш» был направлен прежде всего против черносотенцев, которые образовали в Вятке «партию правового порядка», прозванную «триа покоями». Они стали выпускать газету (скорее что-то между журналом и газетой) **«Вятское слово»** – литературно-политический орган Вятского правового порядка (Вятка, 1906 г.). «Вятское слово» выходило 2 – 4 раза в месяц (с февраля по июнь) на 8 – 16 страницах. Издателем был председатель комитета А. А. Красев, а редактором учитель Вятской гимназии М. Т. Славин. Прежде чем назначить М. Т. Славина редактором, губернатор делал

специальный запрос попечителю Казанского учебного округа о политической благонадежности Славина [92].

Первый номер «Слова» появился 22 февраля 1906 года. В сообщении «От редакции» говорилось: «...“Вятское слово”, как и другие газеты, издаваемые разными комитетами партии правового порядка, имеет целью призывать всех граждан земли Русской к взаимному единению и общему мирному труду на великое дело проведения в жизнь основ гражданской свободы, возвышенных в Манифест от 17 октября 1905 года на следующих положениях: Царь, Государственная дума и Гражданская свобода...». Откровенно монархический характер публикаций, стремление во что бы то ни стало защитить существующий строй не вызвали прежде всего у прогрессивно настроенных читателей интерес к газете. Ввиду непопулярности (тираж газеты едва доходил до 1000 экземпляров) уже в июле этого же года, после седьмого номера «Вятское слово» перестала существовать. Сыграли в этом свою роль и журналисты «Вятской жизни».

Так, П. Второв резко выступил против черносотенного издания, называя его «Хлыновским скорпионом», или иронически «Красой Демидроной». 19 марта, в частности, он адресует свое стихотворение «Хлыновским скорпионам трех покоев», где изобличает одного из вожаков И. Федорова:

*«Ты выдал себя с головой...
Не ждал я подобного чуда.
Что встанет из праха живой
Бессмертный щедринский Иуда...».*

Кроме стихов и фельетонов, во всех 10 выпусках «Ёрша» помещались хроника, объявления, телеграммы, последние известия, которые писались в сатирико-юмористическом стиле. Например, в восьмом номере в разделе «Хроника» нарисована следующая картина: «На широкой паперти большой крутогорской церкви толпой стояли нищие и убогие, на разные лады кланча милостыню... “Подайте Витте ради! Подайте хоть кусочек свободы, 100 лет не видали. Подайте манифеста ради. Подайте, батюшка, матушка!” Но посетители

церкви сурово отстраняли протянутые руки. “Трепов (губернатор – А. В.) подаст ”, – говорили они. – У самих ни гроша в кармане...” “Газета! Газета! Кому нужны газеты! “Краса Демидрона” даром! “Лживое слово” с придачей “Скорпиона маринованного”. Покупайте!...».

Талантливо представлены и другие разделы. К примеру, из Телеграмм Сорочьего агентства: «Крутогорск, 5 марта. Для благополучия и счастья дорогой нам родины нужно прежде всего спокойствие, а оно может наступить лишь тогда, когда мы не только в каждом селении, но и за каждым обывателем поставим по вооруженному стражнику...» (1906, 5 марта); из объявлений: «Приглашается опытный портной сшить из старого форменного фрака и русской поддевки новую форму для членов объединенной партии трех покоев и патриотов. Фасоном может служить “волк в овечьей шкуре”, которого гг. выборщики принимали бы за истинную овцу и более не опасались бы на выборах» (1906, 16 апр.).

Так же, как и П. Второв, с открытой критикой высказывался в адрес правительственной печати А. Баранов. Он четко подразделяет два лагеря в прессе – демократический и черносотенный. Говоря об изданиях последнего, А. Баранов пишет: «Правительство и в этом случае дает народу вместо хлеба не камень даже, а ядовитую жабу» (ВК, 1907, 9 марта). Смело описывает публицист гонения, которым подвергались прогрессивные провинциальные органы печати, представители интеллигенции. В одном из фельетонов – «К адресу вятских монархистов» – он разоблачает понятие «свободы», восхваляемое сторонниками старого режима: «Особенно широко коснулась эта “свобода” вятской печати. Благодаря ей, за последние полгода были закрыты «Елабужские вести», «Прикамский край», «Епархиальные отголоски», редакторы которых гг. Кулинченко, Гепонников, Кунилов были высланы из губернии... Еще более возмутительным образом была выслана издательница “Вятской жизни” А. Д. Чарушина и редактор Владиславлев...» (ВК, 1907, 15 марта). Перечисляя репрессии против редакции «Вятского края», А. Баранов предлагает разоблачать деятельность губернатора и черносотенцев, погромы

в деревнях, избиения на фабриках и заводах. Настоящим обвинительным актом в адрес властей прозвучал цикл его фельетонов «На местные темы», опубликованный в мае – октябре 1907 года в «Вятском крае».

Следующее острие критики А. Баранова – аграрная политика. Говоря о переселенческой кампании, он пишет: «Правительство за сохранение дворянских поместий готово сослать в Сибирь весь стомиллионный народ» (ВК, 1907, 7 мая). Разоблачая деятельность губернской управы, называет ее «шайкой иностранцев, назначенных на кормежку». И вот таким-то «иностранцам, – восклицает он, – отдана на съедение вся Вятская губерния!» (ВК, 1907, 16 мая). Не менее смело высказывается он и по поводу нового избирательного права, самой Думы, которой были связаны надежды многих прогрессивных земцев. «Выборщиков от крестьян, – сообщает он, – будет в шесть раз менее, чем прежде, а от владельцев в три раза более... В Думу проникнут в подавляющем большинстве помещики» (ВК, 1907, 19 июня). Такая критика властей была «оценена» противостоящим «Вятскому краю» «Вятским вестником»: «Которая же из политических, конечно же, крайне левых партий вдохновляет талантливых сотрудников “Вятского края”? – вопрошала газета (Вятский вестник, 1907, 21 июня).

Естественно, «Вятская жизнь», а затем и «Вятский край», проводя оппозиционную властям линию, не могли долго просуществовать. Основным видом преследования прессы после 1905 года было наложение денежных штрафов на редакторов за публикацию «вредных» статей. Кроме того, согласно «Временным правилам о периодической печати» 1905 года, цензурные ведомства получили право, которыми они широко пользовались – налагать арест на отдельные номера повременных изданий с одновременным возбуждением уголовного преследования редакторов.

Наибольшему нажиму «Вятская жизнь» подвергалась в марте 1906 года, когда было заведено судебное дело в отношении редактора газеты П. А. Голубева и автора стихотворения П. Второва, «обвиняемых в преступлениях, предусмотренных 2 и 3 параграфами 129 статьи Уголовного уложения» [93].

Обвинение было предъявлено в связи с тем, что в газете от 9 марта 1906 года были помещены статья «Общая амнистия. Письмо крестьянам» за подписью «Кадесников» и стихотворение П. Второва, «призывающего готовиться к бою, поднять знамя свободы».

22 марта 1906 года Н. А. Чарушин, которого не раз предупреждали усмирить «непокорную» «Вятскую жизнь», известил губернатора, что он передает газету в собственность жены А. Д. Чарушиной, а сам перестает быть ее издателем [94]. А когда издание «Вятской жизни» в августе 1906 года постановлением Казанской судебной палаты было приостановлено «впредь до судебного приговора» [95], А. Д. Чарушина дала объявление в «Вятском крае» (1907, 22 авг.): «Не имея возможности продолжать далее издание “Вятской жизни”, я вошла в соглашение с А. Н. Праздниковой о высылке своим подписчикам издаваемой ею газеты “Вятский край”». Фактически, как мы уже отметили, это была одна и та же газета. Позднее, когда и «Вятский край» в ноябре 1907 года погиб «насильственной смертью», она стала называться «**Вятская речь**» (13 дек. 1907 г. – 1 дек. 1917 г.). «Вятская речь» явилась достойнейшей продолжательницей «Вятской жизни» и «Вятского края». Третье издание Н. А. Чарушина, также подвергавшееся гонениям, было самым ярким во многих отношениях среди соседствующих с ним в губернии изданий до 1917 года. Прекрасно был поставлен в нем и литературный отдел. Эта газета достойна отдельного исследования.

3.6.2. Печать социалистической ориентации

Переходя к данному подразделу, целесообразно, на наш взгляд, дать краткое представление о положении трудящихся накануне и в годы революции, интересы которых наиболее последовательно выражала печать социалистической ориентации.

В конце XIX – начале XX века Вятская губерния представляла собой экономически отсталый район России. Огромное большинство населения занималось сельским хозяйством. Более благоприятные условия для ее экономического развития создались с постройкой в 1899 году Пермь-Котласской и в 1906 году – Северной железных дорог. Они связали губернию с Москвой, Петербургом и другими промышленными и торговыми центрами страны.

По концентрации производства и рабочего класса ведущую роль в промышленности края играли горные и металлообрабатывающие заводы. Они располагались в Сарапульском, Глазовском и Слободском уездах. Наиболее крупными являлись заводы: Ижевский оружейный и Воткинский судомашиностроительный. Металлургические заводы: Омутнинский, Пудемский, Песковский, Кирсинский, Белохолуницкий и другие являлись частными предприятиями. Широкое развитие получили различные ремесла.

Положение рабочих было крайне тяжелым. Рабочий день в среднем длился 12 – 14 часов. В кожевенных мастерских И. Вахрушева близ г. Слободского работа начиналась в 4 часа утра и заканчивалась в 8 часов вечера [96]. Неблагоприятными были жилищные условия. Многие рабочие жили в казармах, ютились в семейных бараках. Вот как описывает бытовую обстановку корреспондент социал-демократического «Рабочего листка» (№ 3): «В Белохолуницком и Омутнинском заводах нам приходилось бывать в казармах для чернорабочих. Представьте себе грязную избу без всякой мебели, кроме нар, которые тянутся вдоль стен. Окна, в большинстве случаев, глухие, как и потолок, одинарные, стены плохо проконопачены. В осеннее и зимнее время ветер свободно гуляет в этих “квартирах”, заставляя рабочих корчиться от холода. Если не хватает места на нарах, рабочие валяются ночью на грязном полу..». Удручающим было положение рабочих на мелких ремесленных предприятиях. Столяры Вятки в прошении на имя губернатора в марте 1905 года писали: «Работаем мы целые сутки, плату получаем грошовую. Жизнь наша беспросветная, каторжная, не человеческая...» [97].

Безрадостным было положение и основной массы крестьянства. В сельскохозяйственной губернии сохранялись многочисленные перекосы, которые задерживали развитие производительных сил. Они проявлялись в земледелии, налоговой политике царского правительства, в бесправном положении крестьян. Многие крестьяне мучились от малоземелья. «Все наши страдания, все наши истощения в средствах, голод и нищета и, кроме того, административные аресты за неплатежи податей объясняются совершенно недостаточным количеством земли...», – писал один из крестьян в «Вятской жизни» (1906, 5 сент.).

Непосильным бременем для народа были налоги. В дополнение к прямым налогам на крестьянском бюджете бедственно отражались косвенные налоги на предметы первой необходимости. Об этом выразительно говорит в записке уездному «Комитету о нуждах сельскохозяйственной промышленности» крестьянин Сарапульского уезда Иванов: «Расстройство крестьянских хозяйств много зависит, во-первых, от того, что земли для населения стает мало и она истощается, а налоги как необходимые, так и косвенные растут ежегодно, все необходимые предметы купить стало дорого, как то: чай, сахар, табак, спички и проч., все обложено акцизом...» [98].

Бедственное положение трудящихся губернии обострило социальные и политические противоречия, подтолкнуло их к революционным выступлениям, которые начались еще в конце века. В 1893 году произошла крупная стачка на Ижевском заводе. Рабочие потребовали повышения сдельной оплаты труда, отмены штрафов и добились частичного удовлетворения своих требований [99]. В мае 1897 года бастовали строительные рабочие Пермь-Котласской железной дороги, требуя улучшения жилищных условий и повышения расценок. Выступления рабочих в 1900-х годах были также на Омутнинском, Воткинском заводах и некоторых других предприятиях.

Рост недовольства и революционных настроений наблюдался и среди крестьянства [100]. Первым крупным выступлением крестьян было восстание в Ильинской волости Слободского уезда в июне 1905 года. Дело началось

с того, что крестьяне нескольких обществ отказались платить подати. Движение сразу приняло массовый характер. К нему присоединился ряд волостей не только Слободского, но и Глазовского уезда. Вятская социал-демократическая организация в связи с этим выпустила листовку, призывающую крестьян к дальнейшей борьбе... [101].

Сильное влияние на развитие массового движения и распространение его среди населения Вятской губернии оказывали политические ссыльные. В конце XIX – начале XX веков в уездных городах губернии проживало от 250 до 300 человек, сосланных по политическим мотивам, а в 1907 году их было одновременно 3677 [102]. Среди них были и большевики, и эсеры, и кадеты.

Исторический парадокс: ссылая в дальнюю от столицы Вятку политических злоумышленников, правительство как бы концентрировало здесь наиболее активную часть общества, способную на инициативные действия.

Сосланные в ссылку профессиональные революционеры и здесь не прекращали революционной деятельности, создавали и укрепляли партийные организации, знакомили массы с нелегальной литературой. С момента возникновения этих организаций в их деятельности важнейшее место заняли вопросы издания политической литературы, агитации и пропаганды среди населения края. Весной 1904 года Вятский комитет РСДРП создал первую нелегальную типографию. В ней печатались многочисленные листовки Вятского и Центрального комитетов РСДРП, статьи из газеты «Искра», революционные брошюры и различные материалы комитета [103].

В первые же дни после событий 9 января состоялось заседание Вятского комитета РСДРП, который решил усилить агитацию среди рабочих. Была выпущена листовка, разосланная по всем уездам и городам. В ней говорилось: «Не просить нужно, а требовать – вот выход. Требовать с оружием в руках и дружно подняться на борьбу... Ждать от царя нечего, его надо свергнуть вооруженной борьбой...» [104]. Агитационная и пропагандистская работа среди населения края усилилась после III съезда РСДРП, преобладающее влияние занимают большевики. Но активно проявляли себя и меньшевики. Начало

меньшевизма в Вятке было положено ссыльным М. И. Батыревым, видным работником Петербургского комитета [105].

В целях разъяснения решений прошедшего съезда партии распространялось большое количество листовок, печатавшихся на гектографе и в подпольной типографии. За первую половину 1905 года только Вятский комитет издал 36 листовок в количестве 13 тыс. экземпляров [106]. В большинстве своем эти издания были большевистской направленности. В них социал-демократы призывали рабочих и крестьян присоединяться к начавшейся революции, бороться против самодержавия. Листовка, выпущенная Вятским комитетом в августе, призывала: «Крестьяне!.. отказывайтесь иметь какое бы то ни было дело с начальством, идущим против вас, изгоняйте из волости стражников, урядников, станowych, земских начальников и выбирайте вместо них своих людей для заведования делами (крестьянские комитеты)» [107]. Обращение комитета «К солдатам» призывало их не быть слепым орудием в руках царя и его чиновников, не идти умирать в далекую Маньчжурию, не расстреливать рабочих и крестьян, а следовать великому примеру... броненосца «Потемкин» [108].

С осени 1905 года в нелегальной типографии Вятского комитета был установлен уже не один печатный станок. Для издательской деятельности была создана литературная группа. Издание революционных листовок и брошюр увеличилось. Только в октябре комитет выпустил не менее 7 листовок. Во второй половине года было издано не менее 17 листовок в десятках тысяч экземпляров [109].

Кроме Вятского комитета, регулярно издавали и распространяли листовки и другие уездные комитеты РСДРП. Например, только в июле 1906 года сарапульские социал-демократы издали листовки: «Крестьяне! За вами – очередь» – 9000 экземпляров, «К солдатам» – 500 экземпляров, «К кожевенникам и ремесленникам г. Елабуги» – 500 экземпляров и др. [110].

Листовки обычно разносились по мастерским завода, фабрики рано утром, до начала смены, расклеивались на улицах и т. д.

Именно в годы первой русской революции листовки получили распространение как тип изданий, отличающихся мобильностью. Они были также оперативны, легки в печатании, транспортировке и распространении. Следует отметить особенность воздействия таких изданий на сознание и поведение людей. Листковая печать, как правило, резко поляризована, не признает диалога и компромиссов. Лозунги и призывы в них конкретны. Не удивительно поэтому, что такая печать оказывала на сознание людей действенную силу.

Следует, однако, сказать, что посредством листовок революционеры не просвещали в традиционном понимании этого, а вели борьбу, конкретно говоря, противоправительственную агитацию с прямыми призывами к вооруженному восстанию.

Под влиянием революционной агитации росла политическая активность масс, причем и среди крестьянства, которое не только потянулось к газетам и запретным книгам, но и приобщилась к агитационной деятельности. В донесениях земских начальников и полицейских не раз сообщалось об агитаторах из среды крестьян, которые читали населению газеты, проводили беседы, распространяли литературу.

О сильном влиянии революционной пропаганды на сельское население докладывал осенью 1906 года в департамент полиции губернатор: «Революционная пропаганда, — писал он, — направленная на ниспровержение существующего строя и ведущаяся, несомненно, умелыми руками, возымела свое действие не только на мастеровых, но и на членов волостных и сельских сходов. Сходы эти, послушные еще года полтора назад, ныне решительно вышли из всякого повиновения» [111]. Широкие связи с крестьянством имела Елабужская организация РСДРП. Она распространяла среди крестьян революционные прокламации и брошюры, организовывала кружки. В деревнях распространялись и «Крестьянские письма», изданные Вятским комитетом в ноябре 1906 года [112].

В условиях развертывания революции листовая печать, однако, не могла систематически освещать ход событий, не полностью удовлетворяла задачи пропаганды. Поэтому социалисты стали организовывать местную периодическую печать.

В 1906 году Прикамская группа РСДРП начала издавать **«Известия прикамского рабочего»**, в Воткинске в том же году стал выходить **«Бюллетень»**, в Ижевске – **«Рабочий листок»** [113]. В Глазове учащиеся женской гимназии в конце 1906 – начале 1907 года организовали издание нелегальной гектографической газеты **«Луч»** [114].

Орган вятских социал-демократов появился в свет в ноябре 1905 года под названием **«Вятский листок»**, переименованный затем в **«Рабочий листок»**. Всего до разгрома типографии вышло пять номеров. Шестой был захвачен жандармами в наборе. В первом номере «Вятского листка» было опубликовано постановление окружного комитета партии, в котором разъяснялись задачи периодических изданий на местах. «Принимая во внимание, что совершающаяся революция выносит на поверхность общественной жизни массу событий, нуждающихся в освещении, – говорилось в постановлении, – и что по техническим условиям отзываться на эти события с достаточной быстротой только листками нет никакой возможности, кроме того, хроника местного движения может появиться на страницах ЦО партии лишь с значительным задержанием, а между тем современное ознакомление населения как с местным, так и с общероссийским движением является условием для объединения и развития его.., Вятский комитет постановил: приступить к изданию ежедневной газеты под названием “Вятский листок”» [115].

В газете Ижевского комитета **«Рабочий листок»** печатались статьи, обращения к молодежи, рабочим и крестьянам. **«Известия прикамского рабочего»** регулярно освещали ход забастовки на Ижевском и Воткинском заводах, призывали рабочих к взаимной поддержке в борьбе с самодержавием. **«Бюллетень»** Воткинской партийной организации освещал экономическое

положение рабочих, их политическое бесправие, критиковал произвол администрации завода и полиции. Один из его сентябрьских номеров заканчивался словами: «Близок момент, когда революционный народ, выведенный из терпения произволом самодержавного правительства, восстанет весь как один человек и произведет суд над насильниками» [116].

Влиянием пользовалась в губернии эсеровская организация. Легальным выразителем эсеров была **«Крестьянская газета»**. Она начала выходить 28 февраля 1906 года на 4 – 8 страницах два раза в неделю. «”Крестьянская газета” своими статьями будет помогать крестьянам и всем, кто стоит за их нужды, соединяться, чтобы в союзе добиваться улучшения народной жизни и бороться против беззакония и притеснений, от кого бы они ни исходили», – говорилось в объявлении о подписке, опубликованном в «Вятской жизни» 19 февраля 1906 года. Издателем газеты стал А. А. Гурьев (с 18 марта – Н. Н. Бельский), редактором – Д. П. Бирюков (с 6 мая – И. А. Владиславлев).

Обращаясь к своим читателям в первом номере, издатели утверждали: «... Три вековых зла опутали наш народ. Первое зло – горькая бедность. Второе зло – бесправность, полная покорность всякому начальству. Третье зло – беспросветная темнота духовная, невежество... Мы желаем, чтобы русский народ был свободным и счастливым народом, а не рабом у властей и не крепостным у богачей... Государственная власть... должна служить народу. Правительство и чиновники должны служить на народную пользу, а не народ быть у них в рабстве... Сам народ должен управлять государством через своих доверенных...». Газета за антиправительственные призывы неоднократно подвергалась репрессиям. Уже девятый номер губернатор приказал арестовать и о количестве арестованных номеров ему донести [117]. Д. П. Бирюкова отстранили от редакторства, губернатор запросил полицмейстера дать сведения о его происхождении. Тот ответил, что у него «в производстве имеется уже три дела о бывшем редакторе.., а Бирюков сумел выбыть из Вятки в неизвестном направлении» [118].

Редактором «Крестьянской газеты» вскоре стал И. А. Владиславлев. При нем репрессии не уменьшились. Губернатор потребовал от земской управы «прекратить рассылку названной газеты учреждениям земства для распространения среди населения» [119]. На И. А. Владиславлева в окружном суде появилось дело на 78 листах. Особый гнев губернатора вызвала опубликованная 16 июня 1906 года статья под заголовком «На что рассчитывает правительство?», в которой, в частности, говорилось: «Если народу не уступают добром, то должны будут уступить силой». Редактору предъявили обвинения, в том числе и за «преступления», допущенные в бытность одно время редактором газеты «Вятская жизнь». Но И. А. Владиславлев вовремя скрылся за пределы губернии... [120].

В 1913 – 1916 годы издавалась другая **«Крестьянская газета»** – орган Общества взаимопомощи бывших воспитанников Вятского сельскохозяйственного училища имени императора Александра III, не имеющая ничего общего с предыдущей. Газета (редактор – Н.В. Рудницкий, издатель – А. А. Разницын), выходившая два раза в месяц, затем ежедневно, посвящалась вопросам сельского хозяйства, кустарных промыслов, кооперации и аграрной помощи; имела приложения в виде популярных брошюр по сельскому хозяйству.

С конца 1905 года в крае, как и по всей стране, усилилось наступление со стороны царских властей. 21 декабря Вятская губерния была объявлена на положении усиленной охраны. Министерство внутренних дел предписало вятскому губернатору подавить революционное движение «самыми суровыми мерами» [121]. Тем не менее, социалисты продолжали действовать, давали отпор.

Довольно жесткую линию проводили революционеры в отношении I Государственной Думы. Во время избирательной кампании они развернули широкую агитацию в массах, призывая их к бойкоту Думы и созвать Учредительное собрание. С 5 января по 5 апреля 1906 года вятским комитетом РСДРП, например, было издано типографским способом 7 прокламаций

тиражом почти в 30 тыс. экземпляров и 8 – тиражом около 1400 экземпляров – на гектографе. В марте вышел номер «Рабочего листка» тиражом 2050 экземпляров [122].

Работу в массах в связи с выборами в Думу вели также уездные и заводские социалистические группы. 23 февраля 1906 года земский начальник Слободского уезда писал вятскому губернатору: «В Белохолуницком заводе имеется довольно большая сплоченная группа революционеров, главным образом, из молодежи, которая с большим энтузиазмом и усилием ведет противоправительственную пропаганду и подпольную работу для бойкота Государственной думы. Распространяя свою преступную деятельность при помощи разного рода прокламаций не только на заводе, но и в пределах соседних волостей заводов» [123].

В январе 1906 года сарапульские социал-демократы выпустили две листовки – «К солдатам», «К новобранцам». Они призывали солдат присоединиться к народу, а новобранцев – готовиться к вооруженному восстанию за установление народной власти [124]. Издавали гектографированные листовки также глазовские, нолинские, орловские и уржумские социал-демократы.

На содержание партийной печати накладывала отпечаток идейная борьба, которая шла между большевиками и эсерами, меньшевиками. Критике программы эсеров и их тактике была, например, посвящена листовка «Чему учат социалисты-революционеры», выпущенная вятскими большевиками [125].

Постоянная борьба велась между большевиками и кадетами. Большевики стремились изолировать либеральную буржуазию от народных масс. Разоблачению кадетской партии были посвящены изданная группой большевиков Вятского комитета РСДРП листовка «Революция и оппозиция» и ряд статей в газете «Рабочий листок».

Сильным ударом по политическим иллюзиям явился роспуск первой Думы 8 июля 1906 года. Вятский комитет РСДРП оперативно выпустил листовку,

в которой разъяснил причины роспуска Думы, призывал рабочих и крестьян организовываться, выбирать комитеты и готовиться к совместной борьбе [126].

Распустив первую Думу, правительство решило созвать вторую, более «послушную». В январе – феврале 1907 года состоялись выборы. Социал-демократы изменили тактику по отношению к Думе, решив принять участие в предвыборной кампании, чтобы использовать выборы и трибуну Думы для революционной агитации, проведения своей политики. Вятский и другие комитеты РСДРП начали выпускать листовки и прокламации, посвященные предстоящим выборам. Они призывали трудящихся участвовать в выборах, выбирать в Думу членов РСДРП. С января 1907 года предвыборная агитация усилилась. Вятским комитетом было выпущено около 10 листовок. Работа социал-демократических организаций дала свои результаты: все депутаты во вторую Думу от Вятской губернии придерживались левых взглядов [127].

В период работы второй Думы в листовках «Из кого состоит Дума и что она делает», «Что делать» Вятский комитет РСДРП разоблачал контрреволюционную политику правительства, соглашательскую политику кадетов.

По нашим подсчетам, только Вятский комитет РСДРП за годы первой русской революции выпустил 122 листовки общим тиражом более 65 тысяч экземпляров. По содержанию листовки разделяются на следующие группы:

- 1) листовки, посвященные общероссийским политическим событиям;
- 2) листовки, посвященные избирательным кампаниям;
- 3) листовки, обращенные к рабочим, крестьянам и солдатам, к учащейся молодежи;
- 4) листовки, посвященные событиям в Вятке.

В марте 1906 года губернатор выдал свидетельство на выпуск в Вятке газеты под названием «**Епархиальные отголоски**» (1906 – 1907 гг.) для того, чтобы содействовать «объединению духовенства с интеллигенцией и культурными тружениками деревни для общей созидательной работы в обновленном государстве» [128]. «Отголоски» выходили на 24 страницах два

раза в неделю. Издателем их стала Е. Н. Рукина, редактором – кандидат богословия И. Н. Иконников.

Само название – «Епархиальные отголоски», состав руководителей издания – внушали губернатору доверие. Однако власти обманулись. В делах прокурора Вятского окружного суда есть материалы «по делу об Иване Иконникове, редакторе “Епархиальных отголосков” за допущение в газету статей революционно-политического (!) содержания». Крамольные места в статьях подчеркнуты красным карандашом: «По моему мнению, коренящаяся в народном сознании идея о том, что земля ничья, божья, что ее нельзя ни продавать, ни покупать, а можно лишь ею пользоваться, притом только тем, кто трудится сам, не прибегая к наемному труду, более согласуется со словом божьим, чем воззрения пастырей»; «... Идеи о праве частной собственности на землю, которые пастыри проводят в проповедях, несостоятельны с точки зрения здравого смысла...»; «Увещевания духовенства должны были бы направляться не по адресу крестьян, а по адресу тех землевладельцев, которые не спешат удовлетворить назревшие нужды страны и тем только усиливают общее недовольство. Если же духовенство этого не делает, то это лишний раз доказывает, в каком порабощении у внешней среды находится наша церковь» [129]. В газете приводились и потрясающие данные о высокой смертности в стране «по причине голода – в полтора раза выше, чем в Западной Европе – почти два миллиона покойников в год!» [130].

Губернатор распорядился немедленно выслать Иконникова за пределы губернии. В конце декабря 1906 года тот выехал из Вятки. Но газета все еще выходила с обозначением его имени как редактора. Этим «юридическим основанием» воспользовались власти и возбудили уголовное дело уже сразу против троих – редактора, издателя и владельца типографии, где печатались «Епархиальные отголоски». Судьба издания была решена...

Надо сказать, вятское духовенство, как и другие слои, было неоднородным. Отдельные его представители проявляли сочувствие даже социалистическим идеям. Так, архивные документы свидетельствуют, что, к

примеру, священник Троицкой церкви г. Орлова Н. Н. Блинов получал революционную литературу. В частности, в октябре 1905 года в уездной почтово-телеграфной конторе была изъята адресованная на его имя бандероль с запрещенным первым номером газеты «Новая жизнь» с приложением к ней «Программы РСДРП» [131]. Бунтарский дух владел молодежью в Вятской духовной семинарии, где издавались несколько рукописных органов – журналы «Ёрш», «Рассвет», «Мысли», «Осколки», газета «Товарищ» [132]. Издания семинаристов найти не удалось.

Всего семь номеров в октябре – ноябре 1906 года вышло профессионально-общественной и литературной газеты «Труд». Редактором и издателем ее была А. М. Григорьева. Газета за свое короткое существование тоже подверглась репрессии. Вскоре после выхода первых же номеров А. М. Григорьева была допрошена и предупреждена о том, что такие статьи, как о Крыжановском, «не должны появляться» [133]. Шестой номер «Труда» за 14 ноября был арестован. В статье «Опять осечка» разоблачался некий Крыжановский, который «с его адским замыслом» создать народное представительство по рецепту “чего изволите” сел в калошу». «Возможность блока левых оппозиционных партий подняла такой переполох, что либеральные вожди русского народа чуть было не побросали оружие», – писал анонимный автор. С иронией он добавляет: «Но... ведь вторую Думу можно также разогнать как первую. Надо только немедленно готовиться к третьим выборам, пользуясь богатым опытом настоящего». Строптивая газета «Труд» не выдержала гонений и перестала существовать.

К лету 1907 года правительству и местной контрреволюции удалось подавить революционное движение в губернии и, соответственно, социалистическую печать тоже...

Социалистическая печать губернии сыграла значительную роль в активизации политической жизни населения; выработала новые формы и методы агитационной и пропагандистской работы, создала новую сеть корреспондентов и заложила основы для создания в будущем советской печати.

Рассматривая публицистику на том историческом фоне, на котором она выполняла свой «социальный заказ», понимаешь: социалистическая печать являлась необходимой, наиболее действенной на том историческом этапе, ибо никогда миллионы людей не будут слушать советы партий, если эти советы не совпадают с тем, чему их учит опыт собственной жизни.

3.6.3. Проправительственные и другие издания

В другом, благоприятном положении находились правительственные, монархические издания. Более того, власти всячески поддерживали их, открывали новые проправительственные газеты.

Своеобразной «политической дубинкой» в борьбе с левой печатью была газета **«Вятский вестник»** (1905 – 1909 гг.). Понятно, что газета заняла непримиримую позицию в отношении демократической печати. И это проявлялось не только на страницах издания. Так, в октябре 1907 года редактор «Вятского вестника» А. Г. Кузьмин написал рапорт губернатору с жалобой на «Вятский край», которая опубликовала сообщение о том, что выборщик в Государственную думу М. Кочергин привлекает редактора «Вятского вестника» к уголовной ответственности за клевету в печати, что клеветнические методы типичны для «Вятского вестника». «Вятский вестник» безосновательно называл Кочергина негодяем и безнравственным безбожником [134].

Издатели «Вятского вестника» всячески старались распространить свою газету. Они даже пошли на то, что снизили подписную цену на 30 процентов для учащихся начальных школ, сельского духовенства, низшего медицинского персонала и крестьян, допускали рассрочку в оплате, о чем и сообщили в номере за 1 июля 1906 года. Но газета не пользовалась вниманием читателей. Яркое свидетельство этому, например, письмо волостного писаря (без подписи фамилии) в «Вятскую жизнь», опубликованное 22 января 1906 года: «Редакция

“Вятского вестника” без моего согласия почему-то высылает мне названную газету без всякой платы. Не потому ли, что я написал и редакция поместила 3 – 4 моих корреспонденции? Не желая более помещать свои корреспонденции в “Вятском вестнике” и получать ее, я прошу редакцию “Вятского вестника” прекратить мне высылку газеты, она не удовлетворяет моим требованиям...». «Вятский вестник» уступил место «Голосу Вятки», который выходил в 1910 – 1911 гг. Затем «Голос Вятки» заменила ежедневная газета «Северное слово» (1911 – 1915 гг.).

Платформу конституционных демократов в крае наиболее последовательно представляла газета **«Елабужские вести»**, выходившая в 1906 году два раза в неделю в Елабуге и позиционирующая себя как общественно-политическая, литературная и экономическая. Определяя свое кредо, газета писала во втором номере (22 марта): «Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает собственным трудом, но ее не нужно отбирать у помещиков даром; крестьяне, при поддержке правительства из образованного с этой целью государственного фонда, должны выкупить землю, и по справедливой оценке она будет отчуждаться там, где необходимо...». Издателем ее был И. Н. Зубарев, редактором В. А. Кулинченко. Вышло всего 96 номеров.

С ноября 1907 года начал издавать газету **«Свободное слово»**, посвященное «вопросам политики, литературы и общественной жизни», П. А. Вахрушев, «жительствоющий в селе Воскресенско-Вахрушево Слободского уезда». Это был печатный орган комитета «Вятской народной монархической партии». В секретных делах губернатора сохранилось прошение комитета об издании газеты [135]. Несмотря на то, что «Свободное слово» выходило на «соединенные средства», то есть на щедрые «добровольные пожертвования состоятельных людей», ввиду непопулярности газета после 72-го номера закрылась.

В июне 1906 года губернатор выдал свидетельство на выпуск газеты **«Вятская неделя»**. Издавать ее намеревался Р. Н. Кобылинский, редактором был назначен Г. Я. Франчески. Оба проживали в Вятке как ссыльные.

В программе значилось, что газета будет освещать «общественные, политические, экономические, бытовые и научные вопросы» [136]. Пока не удалось установить физический факт выхода этой газеты. Очевидно, это была попытка социалистов иметь свой легальный печатный орган. В отчете губернского правления Главному управлению по делам печати, составленном в марте 1907 года, «Вятская неделя» значится как выходившая с 15 июня по 21 сентября 1906 года [137].

Не найдено достоверных данных, кроме дела об издании, и о журнале **«Вятский учитель»**, который в сентябре 1906 года два раза в месяц взялся выпускать сын одного из местных священников В. В. Анисимов [138].

Не состоялось, очевидно, издание и газеты **«Крестьянская весть»**, на которую в июле того же года получил разрешение 28-летний И. К. Зеленов, родом из крестьян Сарапульского уезда [139]. И. К. Зеленов одно время был ответственным секретарем «Крестьянской газеты».

В декабре 1906 года разрешение на издание газеты **«Союз 17 октября»** получил от губернатора Вятский комитет октябристов. Издателем был назначен управляющий вятским отделением государственного банка А. И. Световидов, редактором – преподаватель вятского епархиального женского училища надворный советник М. Н. Решетников [140]. Но судьба этого издания также не выяснена.

19 февраля 1907 года «потомственный дворянин Н. В. Никологорский, жительствующий в г. Орлове», подал прошение губернатору: «Желаю издавать в Вятке ежедневную газету под заглавием **“Вятский голос”**... Будет печататься в типографии Харитонова». Разрешение на издание было выдано [141]. Но, кроме как упоминания в каталоге периодики Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, это издание пока тоже не обнаружено.

Так же в каталоге периодических изданий РГИА нами выявлены свидетельства о разрешении издавать в Вятке в разные годы: газету **«Вятский листок»** (1899 г.) [142], другую газету **«Вятский листок»** (1902 г.) [143],

журналы **«Вятский народный Вестник»** (1904 г.) [144] и **«Вятский еженедельник»** (1909 г.) [145], газету **«Вятская молва»** (1911 г.) [146]. Но судьба их, к сожалению, до сих пор неизвестна. Потенциальным, то есть получившим отказ на издание, является **«Вятский листок объявлений»** (1891г.) [147].

В годы первой русской революции обретает свою ежедневную, общественно-политическую и литературную газету купеческий уездный город Сарапул: 17 мая 1906 года вышел в свет **«Прикамский край»**, заявивший о себе как прогрессивный орган. Редактором его стал известный вятский литератор Ф. П. Кунилов, издателем – авторитетный сарапульский купец И. М. Колчин. Ф. П. Кунилов известен и как редактор-издатель интересного ежемесячного (позднее двухнедельного) иллюстрированного журнала рыболовства, рыбоводства и охоты **«Рыболов-охотник»**, выходившего в Вятке в 1909 – 1914 годах. В Вятской губернии до 1917 года, заметим, выходило до 10 рыболовно-охотничьих, а также пчеловодческих изданий, обогативших отраслевую периодику.

В первом номере «Прикамского края» объявлялось, что газета будет выходить по программе больших провинциальных изданий, посвящена всестороннему освещению жизни среднего Прикамья, нуждам местного населения и интересам трудящихся классов. Газета, выходившая до 1911 года, вполне оправдала свое направление, публикуя много содержательного общественно-политического и литературного материала.

Вслед за «Прикамским краем» в Сарапуле появились достаточно солидные, насыщенные разнообразной информацией, также ежедневные общественно-политические и литературные газеты **«Прикамская жизнь»** (1909 – 1917 гг.) и **«Кама»** (1913 – 1918 гг.), ставшие общественной трибуной для многих талантливых журналистов, литераторов и снискавшие заслуженное уважение местной читательской аудитории. В них печатались, например, известный литератор и педагог Н. Н. Блинов, перебравшийся жить в город на Каме; писатель С. Н. Миловский (Елеонский) и др. Умелым организатором

газетного дела и литературным сотрудником был Н. Е. Ончуков... Сарапульская печать, своеобразный газетный и литературный «анклав» Вятской губернии, как нам представляется, заслуживает самостоятельного исследования.

* * *

Таким образом, в годы первой русской революции в губернии параллельно функционировали частные либерально-демократические («Вятская жизнь», 1905 – 1906 гг., «Вятский край», 1906 – 1907 гг.), эсеровские («Крестьянская газета», 1906 г.), кадетские («Елабужские вести», 1906 г.), монархические («Вятский вестник», 1905 – 1909 гг.) и другие издания. Сильное развитие в это время получает социалистическая и, в частности, большевистская печать, листовая агитация. Важнейшими темами, вокруг которых велась полемика, были: аграрный вопрос, отношение к русско-японской войне, рабочее и крестьянское движение, отношение к Государственной думе и др. Для газет этого периода характерна политизация, полемика, некоторая увлеченность революционными событиями. Практически вся пресса (каждая по-своему) выражала сочувствие народным массам. Особенностью для большинства либеральных и буржуазных изданий являлось обязательное декларирование их «независимости», «надклассовости» и «объективности». Русская революция дала мощный импульс к возникновению печати национальных меньшинств (см. гл. IV, раздел 4.5.1).

В 1905 – 1907 годы местная печать особенно испытала сильный цензурный гнет со стороны правительства. Административные преследования, штрафы, конфискация номеров стали обычным явлением. Правительство, цензура постоянно ограничивали деятельность не только демократической, но и либеральной печати. Дело в том, что буржуазно-либеральная печать вплоть до февраля 1917 года несла в себе элементы критики самодержавия. Тем не менее, и в этих условиях пресса провинции, особенно демократическая ее часть, проявила себя активным выразителем насущных потребностей времени, во многих отношениях показала себя на высоком профессиональном уровне...

Вступая в XX век, местная печать Вятской губернии, формирование которой шло в русле общественно-экономических законов развития России, сложилась в целостную систему. Она заняла в жизни края заметное место, стала значительным фактом общественно-политической, культурной и литературной жизни.

Появление вятской прессы было обусловлено всем ходом экономической и общественной жизни России, развитием просвещения и литературы. Путь, который она прошла от первых рукописных произведений религиозного характера до частной общественно-политической газеты, был свойствен для всей российской провинциальной журналистики. В то же время, формирование вятской печати имеет собственные законы, связанные с местными условиями, особенностями административно-территориального уклада, неоднородностью населения и т. п. Дело в том, что провинциальная журналистика развивается в соответствии с традициями местной культурной и экономической жизни. Социально-экономические факторы, состав населения, его культурный уровень, географическое положение региона: особенности климата и ландшафта, определившие характер основной деятельности населения и во многом наложившие отпечаток на его менталитет, положение губернского центра относительно других российских городов – все это не только влияет на функционирование периодических изданий, но и находит отражение на их страницах, накладывает отпечаток на их форму и содержание.

Непременной чертой для вятской журналистики стало просветительское и демократическое направление, обращение к широким слоям населения, к крестьянству. Сложилась относительно широкая читательская аудитория из местной интеллигенции, городского и сельского населения. Появилась собственная сеть корреспондентов.

Вятская печать подверглась определенному влиянию со стороны центра и ее прессы. Благодаря участию местных журналистов в столичных изданиях

и наоборот, а также распространению периодики столиц в губернии и частично губернской в центральные города, происходит их взаимопроникновение. Вырабатывается, таким образом, общая функционирующая система российской журналистики.

В провинциальной прессе устанавливается своя устойчивая типологическая система, включающая в себя несколько уровней и структур: с одной стороны – газета, журнал, памятная книжка (календарь), труды (сборники), которые выделяются по родовым признакам; с другой стороны – правительственная (официальная), земская, частная и коммерческая печать, которая характеризуется социально-политическими признаками. Кроме того, все эти издания имеют частотный характер: ежедневный, еженедельный, ежемесячных и разовый.

Местная журналистика активно вошла в различные сферы общества, создав самостоятельный отряд провинциальной печати и заложив прочные основы для дальнейшего ее развития в регионе.

Примечания

1. История русской журналистики XVIII – XIX веков: Учебник // Под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003. – С. 176.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. – М., 1957. Т. 9. – С. 161 – 162.
3. См.: Смирнов В. Б. Журналистика и литература. Методологические и историко-литературные проблемы. – Волгоград, 2005. – С. 35.
4. И. Киреевский. Обзорение современного состояния словесности // Москвитянин. 1846. № 4. – С. 301.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Ед. хр. 16.
6. Луппов П. Н. История города Вятки. – Киров, 1958. – С. 223.
7. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М., 1971. – С. 213, 214, 216.

8. Спасский Н. А. Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. – Вятка, 1875. – С. 254, 255.
9. См.: Вандаловская В. Г. М. К. Лемке – историк русского революционного движения. – М., 1975. – С. 12.
10. Свод законов Российской империи / Под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 1. – СПб., 1912. – С 63.
11. Полный свод законов. – СПб., 1876. Т. 2. Ст. 767. – С. 166 – 168. Общие губернские учреждения.
12. См.: Станько А. И. Русские газеты первой половины XIX века. – Ростов н/Д., 1969; Булацев Х. С. Пионеры провинциальной печати: (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX века). – Л., 1981; Бурмистрова Л. П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей: Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840 – 1850-х гг. – Казань, 1985.
13. Современник, 1865. № 9. – С. 44; См.: Бурмистрова Л. П. Указ соч. – С. 7.
14. Корнилов А. А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче // В. А. Арцимович. – СПб., 1904. – С. 199.
15. Булацев Х. С. Указ. соч. – С. 8.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп. 126. Ед. хр. 17. Л. 8.
17. Рук. отдел Научной библиотеки Казанского университета. Ф. 226. Л. 636.
18. Петряев Е. Д. Салтыков-Щедрин в Вятке. – Киров, 1975. – С. 38.
19. Спасская Л. Н. Пушкина-Ланская в Вятке // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1905. Вып. I. Отд. 3. – С. 18 – 19.
20. Сергеев В. Д. Вятские «нигилисты»: Из истории разночинской интеллигенции Вятки. – Петропавловск-Камчатский, 1994. – С. 43.
21. Там же. – С. 61.
22. Спицын А. Систематический указатель статей местного отдела неофициальной части «Вятских губернских ведомостей» (1838 – 1890). – Вятка, 1890 – 1891. Вып. 1 – 2.

23. Удмурты: история, этнография, археология: Библиограф. указатель (1751 – 2000) / Сост. Е. А. Иванова, Л. Г. Кондратьева и др. – Ижевск, 2006. – 720 с.
24. Герцен А. И. Соч. Т. 21. – М., 1961. – С. 49.
25. Там же.
26. Соболев В. А. А. И. Герцен в вятской ссылке: Исторический очерк. – Киров, 1962. – С. 44.
27. См.: Н. М-ва. Культурная деятельность А. И. Герцена в провинции // Русская мысль, 1900. Кн. 2. февр. – С. 1 – 13.
28. Там же.
29. Герцен А. И. Былое и думы. – Собр. соч.: В 8 т. М., 1975. Т. 4. – С. 295.
30. Петряев Е. Д. Вятские книголюбы. – Киров, 1986. – С. 40.
31. См.: Чудова Г. Ф. В те далекие годы. – Киров, 1981. – С. 24 – 25.
32. Колокол, 1865. 15 окт.
33. ГАКО. Ф. 582. Оп. 130-а. Ед. хр. 11.
34. Там же. Оп. 130. Ед. хр. 1064. Л. 1.
35. См. подробнее о редакторах: Чудова Г. Ф. Указ соч. – С. 41 – 62.
36. Указатель распоряжений и постановлений правительства, напечатанных в «Вятских епархиальных ведомостях» за первые 10 лет издания их (с 1863 по 1873 г.). – Вятка, 1873. – С. 4.
37. Там же. – С. 11.
38. См.: Мултановский Я. Указатель неофициального отдела «Вятских епархиальных ведомостей» за 16 лет (1897 – 1912). – Вятка, 1913.
39. Вятский край, 1896. 9 ноября; Вятская газета, 1904. 17 ноября.
40. Петряев Е. Д. Люди, рукописи, книги: Литературные находки. – Киров, 1970. – С. 186.
41. Опыт издания народной газеты («Вятская газета» 1894 – 1898 гг.) // Труды императорского вольного экономического общества. – СПб., 1899. № 1. Т. 1. Кн. 1-я. – С. 4.
42. Там же. – С. 5.

43. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 67. Л. 63 – 76.
44. Опыт издания народной газеты («Вятская газета», 1894 – 1898 гг.) // Труды императорского вольного экономического общества. – СПб., 1899. № 1. Т. 1. Кн. 1-я. – С. 6.
45. Петряев Е. Д. Вятские книголюбы. – Киров, 1986. – С. 78.
46. Опыт издания народной газеты («Вятская газета», 1894 – 1898 гг.) // Труды императорского вольного экономического общества. – СПб., 1899. № 1. Т. 1. Кн. 1-я. – С. 6.
47. Материалы к вопросу об издании народной газеты // Труды императорского вольного экономического общества. – СПб., 1899. № 1. Т. 1. Кн. 1-я. – С. 62.
48. Там же. – С. 7.
49. В. Арефьев. Читатель народной газеты // Русское богатство, 1898. № 12. – С. 39 – 40.
50. Опыт издания народной газеты («Вятская газета», 1894 – 1898 гг.) // Труды императорского вольного экономического общества. – СПб., 1899. № 1. Т. 1. Кн. 1-я. – С. 7.
51. См.: РГБ, отд. рук. Ф. 135. № 1969.
52. Опыт издания народной газеты («Вятская газета», 1894 – 1898 гг.) // Труды императорского вольного экономического общества. – СПб., 1899. № 1. Т. 1. Кн. 1-я. – С. 11.
53. Там же.
54. Там же. – С. 12 – 13.
55. Вятская газета, 1905. 13 апр.
56. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 67. Л. 93.
57. Вятская газета, 1903. 13 сент.
58. Петряев Е. Д. Люди, рукописи, книги: Литературные находки. – Киров, 1970. – С. 198.
59. Он же. Вятские книголюбы. – Киров, 1986. – С. 81.

60. Кунилов Ф. П. С. П. Дремцов как секретарь «Вятской газеты» // Приложение к «Вятским губернским ведомостям», 1903. 11 сент.
61. Самарская газета, 1894. 26 апр.
62. А. П. (А. М. Горький). Случайные заметки // Нижегородский листок, 1899. 2 февр.
63. Материалы к вопросу об издании народной газеты // Труды императорского вольного экономического общества. – СПб., 1899. № 1. Т. 1. Кн. 1-я. – С. 23.
64. Там же. – С. 109 – 111.
65. Там же. – С. 80.
66. Там же. – С. 81.
67. Чарушин Н. А. Указатель статей и заметок, помещенных в «Вятском крае» – первой в Вятке частной газете (1895 – 1898 гг.). – Вятка, 1926. Вып. 1. – С. 4.
68. Изергина Н. П. Литературная жизнь Вятки (1870 – 1917 гг.): Литературно-краеведческие очерки. – Киров, 1990. – С. 167 – 181.
69. Казань в истории русской литературы: Сб. 2. – Казань, 1968. – С. 33.
70. РНБ. Отд. рук. Ф. 135. Р. 2. К. 21.
71. Петряев Е. Д. Кировский литературный музей. – Киров, 1972. – С. 28.
72. Чарушин Н. А. Указ. соч. – С. 4.
73. Вятка: Краеведческий сборник. – Киров, 1991. – С. 145.
74. Кировский литературный музей. – Киров, 1972. – С. 25.
75. См.: Буня М. И. В. Г. Короленко в Удмуртии. – Ижевск, 1982. – С. 133.
76. Там же. – С. 134.
77. РГИА. Ф. 1363. Оп. 2. Д. 452.
78. См.: Короленко В. Г. Собр. соч. : В 10 т. – М., 1955. – Т. 9.
79. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 73; Чарушин Н. А. Указ соч. – С. 5.
80. РНБ. Отд. рук. Ф. 135. Р. 1. П. 28. Д. 1648. Л. 1-1 об.
81. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 73. Л. 92.
82. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 163. Л. 15-15 об.

83. Изергина Н. П. Указ. соч. – С. 178 – 179.
84. Ч. Ветринский. Памяти П. А. Голубева // Вестник Европы, 1915, май. Кн. 5. – С. 423 – 425.
85. РГИА. Ф. 776. Оп. 15. Ед. хр. 353. Л. 1.
86. Смирнов С. В. Легальная печать в годы первой русской революции. – Л., 1981.
87. См. подробнее: Сергеев В. Д. Николай Аполлонович Чарушин: народник, общественный деятель, издатель, краевед. – Вятка (Киров), 2001.
88. ГАКО. Ф. 582. Оп. 155. Д. 184. Л. 1.
89. Чарушин Н. А. Указатель статей и заметок, помещенных в газетах «Вятская жизнь» и «Вятский край» (1905 – 1907 гг.). – Вятка, 1928. Вып. 2. Рукопись. Кировская областная научная библиотека им. А. И. Герцена.
90. Там же.
91. Изергина Н. П. Литературная жизнь Вятки (1870 – 1917 гг.). Литературно-краеведческие очерки. – Киров, 1990. – С. 195.
92. ГАКО. Ф. 582. Оп. 164. Д. 35. ЛЛ. 8 – 10.
93. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 967. ЛЛ. 1, 2, 8, 9.
94. Там же. Д. 911. Л. 6.
95. Там же. Д. 1023. Л. 21.
96. Очерки истории Кировской области. – Киров, 1972. – С. 391.
97. ГАКО. Ф. 33. Оп. 26. Д. 11. Л. 28.
98. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Вятская губерния. X. – СПб., 1903. – С. 609.
99. Рабочее движение в России в XIX веке. – М., 1967. Т. 3. Ч. 2. – С. 420.
100. См. подробнее: Папырина А. А. Крестьянское движение в Вятской губернии в революции 1905 – 1907 гг. – Киров, 1958.
101. ГАКО. Ф. 1. Д. 16. Л. 28.
102. Вятка: Краеведческий сборник. – Киров, 1972. – С. 36.
103. ГАКО. Ф. 51. Д. 82. Л. 200.
104. 1905 год в Вятской губернии. – Вятка, 1925. – С. 281 – 283.

105. Там же. – С. 130.
106. Очерки истории Кировской организации КПСС (1898 – 1918). – Киров. 1965. Ч. 1. – С. 145.
107. Большевики во главе Всероссийской политической стачки в октябре 1905 года (Сб. док-ов и мат-ов). – М., 1955. – С. 281.
108. 1906 год в Вятской губернии. – Вятка, 1925. – С. 297, 298 – 301.
109. Папырина А. А. Революционное движение в Вятской губернии в 1905 – 1907 годы. – Киров, 1975. – С. 64 – 65.
110. ГКУ «ЦГА УР». Ф. 216. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 89.
111. Очерки истории Кировской организации КПСС (1898 – 1918). – Киров, 1965. Ч. 1. – С. 191 – 192.
112. Папырина А. А. Указ. соч. – С. 111.
113. Попов В. К. Большеви́стская печать в Удмуртии в годы первой русской революции 1905 – 1907 гг. // Записки УдНИИ. – Ижевск, 1957. Вып. 18. – С. 33.
114. Буня М. Глазовские находки: Записки краеведа. – Ижевск, 1971. – С. 108.
115. 1905 год в Вятской губернии. – Вятка, 1925. – С. 172 – 173.
116. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 46. Л. 79.
117. ГАКО. Ф. 582. Оп. 167. Д. 38. Л. 8.
118. Там же. Л. 14 – 15.
119. Там же. Оп. 167. Д. 38. Л. 23.
120. Там же. Л. 33.
121. Там же. Ф. 574. Д. 3521. Л. 53.
122. Папырина А. А. Указ. соч. – С. 110.
123. Второй период революции. 1906 – 1907 гг. – М., 1957. Ч. I. Кн. 1-я. – С. 458.
124. Там же. – С. 754.
125. 1905 год в Вятской губернии. – Вятка, 1925. – С. 330.
126. Там же. – С. 331 – 333.
127. Папырина А. А. Указ. соч. – С. 135.

128. Там же. Ф. 582. Оп. 140. Д. 1. Л. 257.
129. Там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1246. ЛЛ. 1 – 7.
130. Там же. ЛЛ. 6 – 7.
131. Там же. Ф. 582. Оп. 167. Д. 233. ЛЛ. 1 – 5.
132. Там же. Оп. 181. Д. 16. Л. 19.
133. Там же. Оп. 168. Д. 475. ЛЛ. 1 – 3.
134. ГАКО. Ф. 51. Оп. 7. Д. 339. Л. 6.
135. Там же. Оп. 186. Д. 511. ЛЛ. 33, 35.
136. Там же. Оп. 148. Д. 369. Л. 22; ЦГИА СПб. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 2. Ед. хр. 253.
137. Там же.
138. Там же. Оп. 168. Д. 352. ЛЛ. 1 – 2; РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 2. Ед. хр. 358.
139. Там же. Оп. 167. Д. 265. ЛЛ. 1 – 2; РГИА. Ф. 776, Оп. 21. Ч. 2. Ед. хр. 326.
140. Там же. Оп. 170. Д. 986. Л. 5.
141. Там же. Оп. 182. Д. 16. ЛЛ. 11 – 12; РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 2. Ед. хр. 62.
142. РГИА. Ф. 776. Оп. 13. Ед. хр. 128.
143. Там же. Оп. 14. Ед. хр. 125.
144. Там же. Оп. 14. Ед. хр. 104.
145. Там же. Оп. 21. Ч. 2. Ед. хр. 222.
146. Там же. Оп. 21. Ч. 2. Ед. хр. 53.
147. Там же. Оп. 12. Ед. хр. 46.

ГЛАВА IV. ИСТОКИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕЧАТИ И ЛИТЕРАТУРЫ НА УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Многоэтничная, многоязычная и многоконфессиональная Российская империя представляла (и представляет сегодня в современном российском варианте) уникальную мозаику культур и традиций. «Ни одно другое государство на земле не содержит такой мешанины и такого многообразия населяющих его жителей; русские и татары, немцы и монголы, финны и тунгусы проживают здесь в невероятном отдалении друг от друга и под различными небесами как сограждане одной державы, одного государства, спаянные друг с другом политическим устройством страны, но до крайних контрастов различные и непохожие друг на друга по физической природе, языку, религии, образу жизни и нравам», – удивлялся живущий в России в конце XVIII века немецкий ученый Генрих Шторх [1]. Хотя в мире немало других стран с многоэтничным составом населения, особенность России состоит в том, что множество населяющих ее народов и регионов испокон веков находились на перекрестках масштабных межэтнических, межконфессиональных и межрегиональных связей. Контакты были разные: и мирные, и враждебные, но они не приводили как в некоторых других регионах мира к исчезновению самих участников контактов.

В Вятской губернии издавна этнологически взаимодействовали уральцы и индоевропейцы, финно-угорские, тюркские и славянские элементы, конфессионально – приверженцы различных религий: язычества, ислама и православия. И что удивительно: несмотря на тесные взаимодействия, каждый народ сохранил в себе самобытность, самоидентификацию, что наглядно выражалось (и выражается до сих пор) в его неповторимой

материальной и духовной культуре. Яркое подтверждение этому и удмурты, у которых своя историческая судьба, этапы развития.

СПРАВКА:

Удмурты (самоназвание: утморт, укморт, удмурт) – вотяки (устаревшее русское название) – один из коренных финно-угорских народов Западного Приуралья. По первой Всероссийской переписи 1897 года зарегистрировано 421 тыс. удмуртов (по переписи 2002 года – 637 тыс.). Преимущественно были расселены в пяти губерниях Европейской России: Вятской, Казанской, Уфимской, Пермской и Самарской. Говорят на удмуртском языке, входят в уральскую языковую группу, где по численности стоят на пятом месте после венгров, финнов, мордвы и эстонцев. В России удмурты второй после мордвы по численности финно-угорский народ. Ближайшие родственники по языку – коми. Выделяют северный, южный, бесермянский диалекты удмуртского языка и срединные говоры, на последние ориентируется литературный язык [2].

4.1. Удмурты в отражении дореволюционной печати

Территория нынешней Удмуртской Республики до образования автономии (1920 г.) входила в состав Вятской губернии, а удмурты, как мы отметили в первой главе, составляли основную часть нерусского населения края, который являлся местом компактного их проживания. Другие нерусские народности населяли его дисперсно.

По данным «Памятной книжки Вятской губернии и Календаря на 1902 год» удмуртов, проживающих в губернии на этот период, насчитывалось 397. 763 человека обоего пола, что составляло 12, 03% жителей. Всего населения в губернии было 3. 306. 802 человека, из них русских – 77, 98%, черемис (марийцев) – 4, 69, татар – 3, 89, пермяков – 0, 41, тептярей – 0, 38, башкир –

0,32, бесермян – 0, 24, других – 0, 06%. В основном удмурты проживали в Глазовском, Сарапульском, Малмыжском, Елабужском уездах; в городах по всей губернии – только 403 человека [3]. Основную часть этноса составляли мелкие собственники-крестьяне.

Богатый материал по изучению его истории, культуры представляет дореволюционная печать России. Более или менее достоверные сведения об удмуртах известны со второй половины XV века, с момента вхождения северных удмуртов в состав Вятской земли в Великое княжество Московское во главе с Иваном III (1489 г.). Северные удмурты издревле тяготели к Русскому Северу. Русское население в Вятском крае стало быстро расти в начале XIII века, когда многие жители Владимиро-Суздальской, Нижегородской земель, спасаясь от монголо-татарского ига, бежали в глухие вятские леса, где земли было много, а плотность населения не очень велика. Южная же группа удмуртов попала под власть Волжско-Камской Булгарии, позднее – Золотой Орды и Казанского ханства, вплоть до падения Казани в 1552 году. В целом, историки полагают, что удмурты полностью вошли в состав русского государства после 1558 года, когда единая налоговая система была разверстана на северных и южных удмуртов [4]. Хотя, несомненно, процесс этот был долговременным и далеко не столь простым. Окончательное вхождение удмуртского народа в состав Русского государства в исторической перспективе имело прогрессивное значение: все группы удмуртов оказались в рамках единого государства, появились условия для сложения удмуртской народности, ускорился процесс социально-экономического развития. Благотворное воздействие оказала культура русского народа, с которым отныне удмурты стали делить все беды и радости, не раз поднимались на совместную борьбу против внешних и внутренних врагов.

Интенсивное изучение жизни народа начинается со второй половины XIX века, главным образом путешественниками, миссионерами, чиновниками [5]. С этого же времени происходит бурный рост периодической печати в России, как столичной, так и провинциальной. Различным сторонам жизни удмуртов

посвятили около 60 печатных изданий (подсчет наш – А. В.). Выделяется по частоте публикаций в этом плане периодика Вятской губернии (место компактного проживания этноса), газеты «Вятские губернские ведомости» (1838 – 1917 гг.), «Вятская газета» (1894 – 1907 гг.), «Вятский край» (1895 – 1898 гг.), «Вятская жизнь» (1905 – 1906 гг.), журнал «Вятские епархиальные ведомости» (1863 – 1917 гг.) и др.

Большой интерес представляют разноплановые исследования русских и зарубежных ученых: В. Бехтерева, Б. Гаврилова, Н. Блинова, Д. Зеленина, П. Луппова, Н. Первухина, А. Спицына; М. Буха, Ю. Вихманна, Г. Миллера, Д. Мессершмидта, Б. Мункачи; первого удмуртского ученого-просветителя Г. Верещагина и др. Центрами изучения народностей Поволжья становятся Петербург, Москва, Казань, Вятка, где издается основная литература и об удмуртах. Сведения о них публикуют и периодические органы Русского географического общества (основано в 1845 г.), Общества истории, археологии и этнографии при Казанском императорском университете (основано в 1878 г.). Появляются и указатели литературы об удмуртах, свидетельствующие о возросшем интересе к их истории и современному быту, особенно после «Мултанского дела», которое длилось с 1894 по 1896 год [6].

Российская журналистика с момента возникновения накопила значительный опыт в разработке этнокультурной проблематики. Сегодня, когда происходит процесс, с одной стороны – глобализации мирового, в том числе информационного, пространства, с другой – этнического возрождения народов (а в многонациональной России это особенно симптоматично), этот опыт востребован и в практической, и в научной журналистике. В последние годы появились заслуживающие внимания исследования, посвященные журналистике во взаимосвязи с этнической культурой народов. Это, прежде всего, монография башкирского ученого Ф. Т. Кузбекова «Становление средств массовой информации Башкортостана и развитие этнической культуры башкир (XIX – 30-е гг. XX в.)» и монография мордовского ученого Ю. А. Мишанина «Этнокультура мордвы в журналистике России XIX – начала XX века» [7].

Названная тема не входит в рамки нашей работы, поэтому мы лишь обозначаем эту проблему в целях дальнейшего специального изучения. Но важно отметить следующее. Дореволюционная печать об удмуртах, сведения об орудиях труда, одежде, пище, искусстве, ремеслах, народной медицине и т. д. дают основание говорить об их вполне сложившейся самостоятельной, своеобразной культуре и этнической самобытности. Весь жизненный уклад народа, как свидетельствуют дореволюционные источники, устраивался, так сказать, «под природу». Осознание зависимости от природы, преклонение перед ней выработали у него свои мировоззрение, характер, религию и быт.

«Вотяки – народ постоянный, честный, робкий, трезвый, трудолюбивый, хороший земледелец, искусный пчеловод и неутомимый лесник», – лаконичную характеристику дают «Вятские губернские ведомости» в № 32 за 1859 год. Трудолюбие и миролюбие – одни из отличительных черт удмуртов, наиболее часто упоминаемых. Взаимовыручка, тяготение к коллективной форме работать и отдыхать – другие отличительные черты. Этим качествам способствовала воршудно-родовая организация их жизни. Свято чтился культ семейно-родовых святынь и культ предков; языческие верования исходили из дуалистического представления о мире: начало добра – Инмар (Бог), начало зла – Кереметь (злой дух). Религиозные культы, суеверия, праздники, обычаи – все они связывались с «содержанием» природы, с идеей ее верховенства... «Внутренние» качества, обусловленные генетическими, историческими и природными факторами, естественно, не могли не отразиться на развитии материальной и духовной культуры народа. Культура каждого народа тем и отличается, тем и **национальна**, что вбирает в себя присущие только ей свойства. А обогащение, взаимодействие с другими культурами, к тому же более высокого уровня, делает ее жизнеспособнее и многообразнее. Это так или иначе проявится в будущем и на формировании удмуртской национальной литературы и журналистики. Важно сказать и другое. Освещение в российской печати удмуртской тематики не прошло бесследно и для самого народа: оно

способствовало самоутверждению удмуртов в социуме, подвигло лучших из них к самостоятельному самоосмыслению и **самовыражению**.

4.2. Возникновение печати на удмуртском языке

Имея свои внутренние законы, печать (пресса) возникает и развивается соответственно общественным потребностям и степени развитости общества. Уровень прессы, по словам К. Маркса, всегда соответствует уровню общественного развития народа, «духовным зеркалом» которого она является [8].

Удмуртская печать возникла как итог длительной духовно-культурной эволюции народа, освоив прежде всего богатый опыт русской литературы и журналистики. Она прошла примерно тот же путь, что и национальная печать других народов близлежащих регионов, ибо закономерности их формирования и развития во многом были во многом одинаковы.

К сожалению, возникновение печати нерусских народов, в том числе удмуртов, испытывало трудности. Дело в том, что положение инородцев в Российской империи усугублял социальный гнет: они ограничивались в правах, практически до XIX века их лишали возможности получать образование на родном языке и издавать литературу, открывать национальные театры, без принятия православия нельзя было продвинуться по службе. Об этом, например, красноречиво свидетельствует отказ в 1903 году издателю газеты «Казанский телеграф» Ильяшенко на его просьбу всего лишь дублировать газету на татарском языке. В секретном письме на имя министра внутренних дел казанский губернатор по этому поводу писал, что «развитие литературы и периодических изданий на родном языке среди инородцев, населяющих Россию, по моему мнению, не может послужить целям сближения и слияния этих инородческих племен с русским народом», понимая под этим их христианизацию. Далее он пишет, что «газета, не включая в себя ничего

противоправительственного, невольно может пробуждать национальное самосознание, даже политические мечтания» [9]. До начала XX века инородцам запрещалось открывать свои полиграфические предприятия. Их язык не признавался ни в каких государственных и общественных органах, они не имели никаких признаков автономии.

В этих условиях, которыми, в свою очередь, объясняется довольно высокий процент неграмотности, удмуртам не приходилось и думать о национальной печати. Но говоря о культуре народа в широком смысле слова – материальной и духовной – надо сказать однозначно: она имеет богатое наследие. Это особенно ярко выразилось в устно-поэтическом творчестве. Познавательные, эстетические и бытовые функции художественного творчества народа, на протяжении веков не имевшего письменности, выразились в фольклорном способе познания и отражения действительности. О богатом национальном фольклоре подробно говорится, например, в монографии удмуртского литературоведа и фольклориста Д. А. Яшина «Удмуртский фольклор» (на удм. языке) [10]. Универсальную картину мира традиционного удмуртского общества на основе синтеза и анализа совокупной информации о его духовной культуре представляет монография В. Е. Владыкина «Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов» [11].

Устно-поэтическое творчество, традиционное мировоззрение, вобравшие в себя многовековой опыт образного осмысления мира, сыграли важную роль в зарождении удмуртской письменности и печати, а затем и оригинальной национальной литературы. Зарождению печати закономерно предшествовало зарождение письменности (XVIII в.), что явилось итогом общего развития народа, его стремления к культуре и просвещению. Большую помощь в этом процессе оказали прогрессивные представители русского народа, которые способствовали просвещению удмуртов, участвовали в подготовке национальных просветителей, а также зарубежные ученые финно-угроведы.

В финно-угорской языковой семье письменность первой по времени возникла у венгров (XII в.), затем у карелов (XIII в.) и у коми (XIV в.).

У остальных финно-угорских народов письменность возникла значительно позже – в XVI – XVIII вв.

4.2.1. Возникновение удмуртской письменности

Основы удмуртской письменности были заложены в XVIII веке, когда появились первые удмуртские слова в записи, сделанные на основе латиницы. В первой трети столетия такие записи в виде списков слов и словариков были произведены в работах зарубежных историков-энциклопедистов немцев Д. Мессершмидта, Г. Миллера, И. Фишера, шведа Ф. Страленберга и др. Скучные сведения о древних памятниках письменности страдают неточностями. Наиболее ценные факты о них содержатся в книге Т. И. Тепляшиной «Памятники удмуртской письменности XVIII века» [12].

Важным явлением в истории удмуртской письменности стала вышедшая в свет в 1775 году в С.-Петербурге первая печатная грамматика удмуртского языка под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка». Она была составлена коллективно (впрочем, авторство книги до сих пор не выяснено) под руководством просветителя Поволжья и Приуралья, будущего митрополита Казанского и Свияжского Вениамина Пуцек-Григоровича (1706 – 1785 гг.). Грамматика, преследовавшая сугубо миссионерские цели, представляла собой учебное пособие для семинаристов и для всех тех, кто мог заниматься практическим изучением удмуртского языка. «Сочинения...» включили более 1300 слов, написанных при помощи русских букв с добавлением двух латинских. К каждому разделу грамматики приложен удмуртско-русский словарь. Первая грамматика имела большое историческое значение в разработке вопросов удмуртского языка: изучения грамматики, лексики, составления словарей. Алфавит и принципы орфографии, принятые в ней, легли в основу национальной письменности. По словам современного лингвиста финно-угроведа В. К. Кельмакова, первая грамматика, будучи в свое

время самым крупным и авторитетным изданием, положила конец колебаниям в выборе между латиницей и кириллицей в пользу последней [13].

Под патронажем В. Пуцек-Григоровича были также изданы подобные грамматики марийского и чувашского языков.

В последующие годы было составлено еще несколько грамматик и словарей удмуртского языка: рукописные «Краткой вотской словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный села Еловского Троицкой церкви священником Захарием Кротовым» (СПб., 1785 г.), грамматика М. Могилина «Краткой отяцкия грамматики опыт» (СПб., 1786 г.), необнаруженная до сих пор «Новая отяцкая грамматика священника М. Мышкина (СПб., 1795 г.) и некоторые другие [14]. Постепенно совершенствуется морфология и фонетика языка. С 1897 года вводятся буквы Ж, З, Ч, О, И [15].

К составлению словарей удмуртского языка во второй половине XIX столетия были также причастны зарубежные финно-угроведы эстонец Ф. Видеманн, финны Г. Аминофф и Ю. Вихманн, венгр Б. Мункачи [16]. Совершая в разные годы научные экспедиции в «инородческие ареалы», они, помимо сбора диалектологического и фольклорного материала, вели и лексикографическую, лексикологическую работу. Так, например, в итоге появился первый систематизированный удмуртско-немецкий словарь Ф. Видеманна, изданный в 1851 году в Ревеле [17].

Самым большим по объему из сохранившихся памятников удмуртской письменности XVIII – XIX веков является словарь З. Кротова, содержащий 5.000 слов и выражений (словосочетаний). В 1995 году Удмуртским институтом истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук осуществлено факсимильное издание этого словаря, а в 1998 году – грамматики М. Могилина [18].

Составление первых словарей и грамматик явилось важнейшим актом в процессе приобщения удмуртов к мировой цивилизации, практическим

началом просветительской, образовательной деятельности. Появилась возможность издания книг на родном наречии...

4.3. Начало книгоиздательской деятельности на удмуртском языке

Исходным этапом национальной издательской деятельности было, безусловно, составление первых удмуртских словарей и грамматик, ставших своего рода фундаментом в этом процессе.

Создание же первых книг на удмуртском языке связано с Казанью и Казанским университетом. Об этом наиболее подробно говорится в книге Г. Д. Фроловой «Удмуртская книга: История книгопечатания. Современная книга» [19]. Вятская губерния, входившая в состав Казанского учебного округа, в плане образования и просвещения была тесно взаимосвязана с Казанской губернией. Касалось это и миссионерства. Казанский университет, как просветительский центр Поволжья и Приуралья, выполнял одновременно и христианизаторские функции среди нерусских народов.

Именно Казань имеет отношение к рождению печатного текста на удмуртском языке. Его история связана с посещением Казани в 1767 году императрицы Екатерины II. На одном из приемов ее приветствовали стихами на родных языках семинаристы духовного учреждения. Через два года появилась книга, ныне ставшая библиографической редкостью – «Духовная церемония...» [20]. В книге, которая вышла в Петербурге в издательстве императорской Академии наук, помещены приветствия в честь царицы на марийском, чувашском, удмуртском, мордовском и татарском языках (авторы не указаны). Это были переложения с русского оригинала:

*Все, что ты дала нам, заблудшим,
Сделало то, что мы поклонились великому Богу.
За это тебе благодарность, мать наша говорим,
Долго жить тебе, Бог дай, просим [21].*

Последующие тексты и книги на удмуртском языке печатались в типографии Казанского университета, которая возникла на базе типографии, существовавшей в Казани с 1800 года под названием азиатской [22]. Изначально книги здесь издавались только арабским шрифтом, позднее был приобретен и русский шрифт. Типография стала печатать богослужебную и учебную литературу для всего Поволжья, в частности, на национальных языках.

4.3.1. Роль переводов религиозных текстов в формировании удмуртской печати и литературы

Удмуртский читатель начал приобщаться к чтению на родном языке через переводную религиозную литературу, издававшуюся в целях христианизации. Христианское просвещение, естественно, несло в себе более широкие, просветительские функции.

Историю начальных переводов на удмуртский язык исследовал вятский историк П. Н. Луппов [23]. В 1801 году сенаторы Спиридонов и Лопухин, производившие ревизию в Казанской губернии, в своем отчете, говоря о населяющих губернию народах – татарах, чувашах, черемисах, вотяках и мордве, писали: «... некоторые из них мало, а большая часть совсем не понимают русского языка». Поэтому при этих условиях, считали они, инородцы не могут усвоить христианское учение. В 1803 году последовало указание Синода представить «неукоснительно переводы на местные инородческие языки церковных молитв, символа веры, катехизиса» [24]. Так официально было положено началу переводческой деятельности на инородческие наречия, в том числе на удмуртский язык. Но первые попытки удмуртских переводов были сделаны «худо и против правил грамматики и орфографии, ошибочным в словесно-русском языке характером» [25]. Объяснялось это, разумеется, отсутствием квалифицированных переводчиков.

И понадобилось еще двадцать лет, чтобы удмуртские переводы религиозных текстов увидели свет.

Большая заслуга в издании и распространении переводов Библии на языки инородцев в начальный период принадлежит Библейскому обществу, отделения которого действовали в епархиях Российской империи, в том числе Вятской и Казанской (1818 – 1826 гг.). Вятский комитет Библейского общества сразу после открытия занялся изданием переводов Евангелия. Пробные переводы Евангелия от Матфея на удмуртский язык были подготовлены в 1823 году на двух наречиях, глазовском и сарапульском, и разосланы в православные церкви с целью изучения восприятия текстов прихожанами [26]. В 1828 году в Казани также были выпущены «Начатки христианского учения, или краткая Священная история и краткий катехизис». Впервые храмы огласились чтением молитв на родном для многих прихожан языке. Удмурты, «услышав в чтении Евангелия собственное свое наречие, очень удивились тому и были в великой радости и уверяли потом, что они перевод сей довольно понимают и с великой охотой хотят слушать его более и чаще» [27].

Надо сказать, не все переводы удосуживались тиснения, оседая в различных архивах. Самыми значительными изданиями в первой половине XIX века следует считать Евангелия от Матфея и Марка и «Азбуки, составленные из российских, церковной и гражданской печати букв, для обучения вотских детей на их наречии», вышедшие в 1847 году в Казани на сарапульском и глазовском диалектах удмуртского языка с краткими историями Ветхого и Нового завета, основами христианского вероучения. Авторы перевода Евангелия от Матфея и Марка и «Азбуки...» на глазовском наречии – священник Г. Решетников, на сарапульском – священник И. Анисимов; исправления внесли удмуртский купец И. Волков и учитель П. Редников. Впоследствии Евангелие от Матфея на сарапульском наречии было транслитерировано на латиницу Ф. Видеманном и издано в 1863 году в Лондоне, а в 1882 – в Гельсингфорсе [28]. В 2003 году Евангелия и «Азбуки...» 1847 года издания репринтно переизданы [29].

К сожалению, широкому усвоению первых библейских текстов на родном языке препятствовала ориентация на определенных носителей диалектов, множество буквализмов, иноязычных форм в образовании слов и предложений. Новый перевод полного Евангелия, выполненного И. С. Михеевым в 1904 году на основе кукморского диалекта и изданный в Казани, учитывал эти недостатки и почти избежал их полностью. В нем даны сноски, объясняющие непонятные слова и выражения для читателей других районов. Это сделало его общедоступным и неслучайно были переиздания в 1912 и 1973 гг. (соответственно в Казани и Стокгольме). А современный перевод Евангелия (Зеч ивор, Хельсинки, 1997 г.) выполнил доктор филологических наук диакон М. Г. Атаманов. Используя лексические возможности современного удмуртского языка, ему удалось сохранить динамику и эмоциональное содержание оригинала.

Начало изданий переводных религиозных текстов показало, что на удмуртский язык можно переводить, что на этом языке можно читать и понимать, создавать литературу. Благодаря переводам удмуртский читатель почувствовал книжный вкус родной речи.

Количество переводных изданий намного увеличилось во второй половине XIX века, когда это дело перешло в ведение организованной в 1892 году в Казани специальной переводческой комиссии, которая вошла в структуру Казанского Православного миссионерского общества. Православное миссионерское общество было основано в 1865 году в Москве для распространения христианства между язычниками и имело свои комитеты на местах, в том числе в Казани и Вятке. В переводческую комиссию входили специалисты, владеющие различными языками: арабским, еврейским, греческим, чувашским, марийским, бурятским, удмуртским и др. Первоначально комиссией были переведены богослужебные книги, буквари, молитвы на татарский, чувашский, марийский, удмуртский, мордовский и даже киргизский языки и на языки сибирских народов – бурятский, тунгусский

(эвенкийский), остяцкий (хантыйский) и др. Некоторые переводы были сделаны в Сибири, Вятке, а печатались в Казани [30].

В первые годы существования переводческой комиссии все издания раздавались и рассылались бесплатно по заявкам школ, училищ, религиозных обществ. С увеличением числа национальных школ комиссия открыла склады книг, в Казанской губернии их было 16, в Уфимской – 3, в Вятской – 2, в Пермской – 1. Казанское Православное миссионерское общество ежегодно выделяло 1200 рублей на даровое снабжение школ печатной продукцией [31].

Важно, что к переводческому делу привлекались и сами представители нерусских народов, выпускники учебных заведений. Среди удмуртских переводчиков были И. Васильев, И. Михеев, М. Ильин, И. Яковлев, В. Кузьмин, Г. Прокопьев, Е. Алпутова, В. Крылов и другие [32]. Позже именно из их числа появятся журналисты и литераторы.

4.3.2. Учебно-методическая литература для удмуртов

Большое значение в изданиях православного миссионерского общества для инородцев имели книги и брошюры педагогического и медицинского характера на русском и национальном языках. Кроме названных ранее первых выпусков учебной литературы, были изданы в Казани «Букварь для крещеных вотяков» (1875, 1882 гг.), «Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда Вятской губернии» (1880 г.). В этот же период выходят учебники замечательного педагога, инспектора инородческих училищ В. Ислентьева: «Букварь и первая учебная книжка» (1886 г.), «Практические уроки русской грамматики для учеников» (1886 г.), «Способ обучения грамоте по букварю и первой учебной книжке», «Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда» (1888 г.).

Определенную нишу занимала медицинская литература. Наиболее известны в этом ряду брошюры, выпущенные в Казани: «Береженого Бог бережет (наставление, как уберечься от заболевания холерою)», «Советы

матерям об оспопрививании детям» (1897 г.), «О трахоме» (1898 г.) и некоторые другие. Эта литература, предназначенная для удмуртов, стала не только поступать в учебные и другие заведения, но и приобретаться индивидуально, для дома.

В 90-е годы Казанским православным миссионерским обществом было издано несколько учебников для удмуртских школ, составленных по новой методике: «Букварь для вотских детей», «Первоначальный учебник русского языка для вотяков (1892 г.), «Программа школы для крещеных инородцев восточной России Н. И. Ильминского», «Упражнения для выработки правильного русского произношения инородцами» (1893 г.) и др. Они готовились по определенной схеме: сначала, как правило, приводился алфавит, затем – изображение и название буквы по-удмуртски и по-русски, далее – слова, в которых встречаются усваиваемые буквы.

Для национальных школ издавались и так называемые «Первоначальные учебники». Они составлялись по новому принципу: в первой части учебника дано знакомство с русскими названиями различных понятий и предметов, объединенных в большие группы – человек, родство, учебные принадлежности, одежда и т.д. Нередко они иллюстрировались картинками и соответствующими текстами [33].

Выпуск учебно-методической литературы готовила та же переводческая комиссия, согласовывая план работы с Казанским учебным округом. Первые учебные книги для народов Поволжья, изданные комиссией, оказали неоценимую помощь в становлении национального образования, в подготовке национальных кадров. Комиссия имела и дальние рассылочные связи. Так, она высылала книги в Тобольск и Иркутск, финно-угорскому обществу в Гельсингфорсе (все издания), редакции венгерского журнала по проблемам исследования Центральной Азии и Дальнего Востока в Будапеште (учебники на русском языке) [34].

В первое десятилетие XX века переводческая комиссия подготовила дешевые популярные издания (от 1 до 3-х копеек), содержащие сведения

географического, медицинского, агрономического характера. В 1907 году, чтобы удовлетворить интерес к Востоку в связи с русско-японской войной, появились такие книжки, как «Китай», «О Японии и японцах». Специально для крестьян в тот же год были изданы «Земледелец», «Краткие наставления земледельцу», а также справочно-гигиенические «Что сокращает нашу жизнь», «Болезни за грехи», общеобразовательные «На что девочкам грамота», «Уроки народной мудрости» (на удм. яз.).

Идейное направление работы переводческой комиссии контролировал Казанский временный комитет по делам печати. О том, что не все издания выходили безупречно, свидетельствует, например, выдержка из одного доклада комитета судебному следователю Казанского окружного суда: «Временный комитет по делам печати уведомляет, что в книгах, отмеченных красным или синим крестом, судебными учреждениями обнаружены признаки преступлений, караемых уголовным законом, и арест их утвержден. Кроме того, некоторые книги, отмеченные знаком вопроса, хотя и не находятся в каталогах издания, признанных судом преступными, тем не менее вызывают сомнения в их легальном происхождении, ввиду этого комитет по делам печати выражает свое согласие познакомиться с их содержанием» [35].

Большим спросом начинает пользоваться учебно-методическая и популярная литература на родном, удмуртском языке. Причем переводы все совершенствуются, к ним относились бережно и требовательно. При открытии переводческой комиссии в 1892 году в речи попечителя учебного округа А. Н. Деревницкого были приведены такие требования к переводной нерусской книге: «Образование инородческим детям должно преподаваться в таком виде, чтобы ими легче оно усваивалось и удобнее могло переходить в массу неграмотного народа. А для этого самое лучшее средство – образовательные книги изложить на собственном языке инородцев. И чтобы эти книги как можно яснее и легче понимались инородцами, нужно изложить их на чистом разговорном языке...» [36]. Рекомендациями для переводчиков служили сборники Н. И. Ильминского (см. о нем в разделе 4.4.3.) «О переводе православных христианских книг на

иностранческие языки» (Казань, 1875 г.), «К истории иностранных переводов» (1884 г.), «К вопросу о просвещении иностранцев» (Вятка, 1904 г.). «...Иностранческие переводы должны быть, так сказать, примерены к иностранцам, то есть точно сообразены с мерою их разумения и с обычным характером их речи», – утверждал Ильминский [37].

Но первые переводы не всегда выдерживали критики. На недостатки в переводах в первую очередь обращали внимание сами удмуртские просветители. Так, выдающийся удмуртский ученый и просветитель Г. Е. Верещагин (подробнее о нем – в следующем разделе) писал в 1895 году: «Конечно, они (книги) принесли бы только пользу, если бы были составлены или переведены толково и понятно для иностранцев, но издаваемые книги, к сожалению, оказываются неудачными». Указывая на невыдержанность орфографии, несоблюдение удмуртского строя речи и неправильное употребление слов, он считает: «...чтобы заниматься составлением или переводом книг, составитель или переводчик должен знать крепко грамматику как того языка, с которого желает перевести, как и того, на который намерен переводить» [38]. По-сути, это первая критическая работа удмуртского автора.

Светских книг на удмуртском языке все же выходило не много. В изданиях переводческой комиссии преобладали переводы на татарский, чувашский языки. Так, в 1910 году из 41 подготовленного текста на удмуртском языке было издано только четыре: «Первая книга для чтения на вотском языке», «Наглядный арифметический задачник на вотском языке», «Русские предлоги и наречия в значении предлогов», «Пособие для учителей при введении разговорных уроков по русскому языку в вотских школах». Но их тираж по сравнению с выпуском учебников в конце XIX века увеличился, дойдя до 2.500 экземпляров [39].

Важным шагом в истории национальной печати следует считать приобщение к написанию первых книг, учебников, как на русском, так и на удмуртском языках, самих удмуртов. Прежде всего это были лица, получившие религиозное образование, научившиеся грамоте и ставшие просветителями

своего (и не только своего) народа. Вообще, священники, миссионеры в то время выступали творческой элитой и главным двигателем духовного прогресса. Широкую известность получили учебники для национальных школ Казанского учебного округа «Грамматические упражнения для инородческих школ в трех частях» (Казань, 1906, 10-е изд. 1916 г.) И. В. Яковлева «Букварь для вотских детей» (Казань, 1888, 1892, 1894, 1898, 1904 гг.), «Первая книга для чтения на вотском языке» (Казань, 1907 г.) И. С. Михеева. «Первая книга для чтения...» издавалась 11 раз. А его же учебное пособие «Сочинения по картинкам для упражнений в сочинении и изложении мыслей в школе и дома» в 10 книжках выдержало 17 изданий (1906 – 1917 гг.) и им пользовались в учебных округах Поволжья, Сибири, Средней Азии, Кавказа, Алтая, а также в русско-арабских школах Палестины и Японии [40]. Удмуртские авторы тем самым стали известны не только в своем регионе, но и далеко за его пределами.

В первую очередь, конечно, национальные авторы, в том числе удмурты Г. Е. Верещагин, И. С. Михеев, И. В. Яковлев и другие, сыграли неоценимую роль в развитии родных языков и литератур. Национальная книга в России значительно расширила свои границы. Из преобладающей русской она приобрела многонациональный характер. Что, собственно, заключается в понятии «национальная книга»? Словарь книговедческих терминов в это понятие включает произведение печати, написанное автором определенного народа, в широком смысле – произведения печати на языке народа, как оригинальные, так и переводные [41]. Надо признать, понятия «национальная книга» и «книга на национальном языке» не всегда совпадают. Как утверждает знаток истории татарской книги А. Г. Каримуллин, национальность автора не может считаться критерием, чтобы изданные его сочинения на других языках в других странах считать национальной книгой по принадлежности автора к тому или иному народу. Если его произведения издаются у себя на родине, они считаются национальной книгой народа, которому принадлежит автор. Но произведения того же автора, изданные за границей, как в переводе, так и на

языке оригинала, должны считаться национальной книгой издавшего их народа, а не национальной книгой по национальности автора [42].

Книги на языках нерусских народов, и религиозные, и светские, развили просветительские традиции, способствовали духовно-нравственному подъему этносов, приобщили их к мировой культуре. Национальная книга стала национальным достоянием, фактом реализации творческих возможностей того или иного этноса. Так, и у удмуртского народа с появлением изданий на родном наречии, с установлением письменно-литературных норм, начала формироваться своя книжная культура, возникли предпосылки создания оригинальной художественной литературы и периодической печати. Число дореволюционных печатных книг на удмуртском языке в общей сложности, по нашему мнению, достигает до 400 названий.

4.4. Становление удмуртской национальной школы

Систематическое обучение удмуртов грамоте наметилось в первой половине XVIII века, когда активизировалась христианизация народа. Большую роль в этом сыграли Вятская и Казанская епархии. Для привлечения удмуртов к православной вере использовались разные меры. Одной из таких мер, сыгравшей, безусловно, положительную роль, стало обучение русскому языку, а также издание первых религиозных книг на родном языке.

Формированию национальной школы положило начало открытие в Казани в 1707 году школы для нерусских детей, в 1722 году – архиерейской школы, в которой были и дети-удмурты.

Привлечение инородцев к грамоте, как мощном средстве утверждения их в христианской вере, решалось на правительственном уровне. Высочайшим указом 11 сентября 1740 года повелевалось обучать инородческих детей в школах русской грамоте и алфавиту, основам Часослова, Катихизиса и т. д., при этом повелевалось также наблюдать, чтобы учащиеся не забывали своих

природных языков [43]. С 1745 года удмурты вместе с чувашами, татарами, марийцами обучались в Свияжской, с 1750 года в Елабужской и Казанской новокрещенских школах. За первые 20 лет в них прошли обучение 29 удмуртских мальчиков [44].

Плохое знание или даже совершенное незнание некоторыми русского языка затрудняло освоение знаний, учеба давалась чрезвычайно трудно. Процент грамотности среди инородцев вплоть до XIX века оставался незначительным.

К середине XIX века положение заметно меняется. Распространению грамотности среди удмуртов благоприятствовали попытки с начала века сделать школьное обучение доступным широким слоям, во-первых, через устройство школ в удмуртских селах, во-вторых, через введение родного языка в преподавание. Усиливается тяга к грамотности со стороны самих инородцев. Удмурты Елабужского уезда, к примеру, в своих мирских приговорах писали: «По доброй нашей воле желаем все мы детей племени нашего обучать российской грамоте и всему тому, что могло бы обогатить их познанием» [45]. Смотритель Сарапульского училища П. Кошарев отмечал, что некоторые из удмуртов «невзирая на отдаление детей своих от семейств и немалые издержки, сопряженные с содержанием детей в городе, отдавали и отдают их в училища» [46].

Для первоначального обучения удмуртских детей грамоте, разумеется, нужны были учебные пособия, причем, на родном языке. Так, еще в 1847 году в Казани вышла «Азбука, составленная из российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения вотских детей чтению на их наречии (по сарапульскому)», составителем которой был священник Г. Решетников. В том же году и под таким же названием (но на глазовском наречии удмуртского языка) азбуку для обучения издал иерей И. Анисимов [47]. Однако, оба эти издания были построены на переложении краткого изложения основ православного вероучения (катехизиса) и не обладали заметным учебно-методическим потенциалом. Поэтому первым светским учебником для всех

удмуртских школ и образцом для новых миссионерских букварей стала общедоступная книга – удмуртская азбука «Лыдзон» («Чтение»). Рецензировали учебник священник П. Мышкин и инспектор народных училищ Глазовского уезда Н. Золотницкий. Оба дали положительный отзыв, отметив, что учеба лишь тогда полезна, когда ведется на родном языке детей с использованием соответствующего учебника. Затем рукопись одобрил Московский цензурный комитет и выдал санкцию на издание, и труд Н. Н. Блинова увидел свет в 1867 году в Вятке под названием «Лыдзон. Азбука для вотских детей» [48]. В основе 24-х страничной азбуки положен звуковой метод обучения слогами с применением наглядности. Вначале ученики знакомились с буквами и их звуками, упражняясь в четком произношении, угадывании звука в словах и черчении знака. Затем учились читать одно- и двусложные слова, переходящие в небольшие тексты. После освоения этих, логически не связанных между собой текстов, ученики начинали читать небольшие по объему художественные зарисовки. Среди них следует назвать первый перевод А. С. Пушкина на удмуртский язык – фрагмент поэмы «Цыганы» (данный в прозе под названием «Птичка»). Эти зарисовки оказывали на детей положительное эмоциональное воздействие, содержали моральное поучение и дидактический элемент. Составленные с учетом психологии детского возраста краткие тексты интересны по содержанию, они легко читаются и надолго запоминаются. В учебнике помещено также 11 молитв на русском и удмуртском языках, основная задача которых – способствовать религиозному воспитанию учащихся. Молитвы переводили удмурты-священнослужители О. Зонов и Р. Чирков [49].

Эта азбука (единственный труд просветителя на удмуртском языке), а также другие его учебно-методические работы, написанные на русском языке, обладали краеведческим контекстом. Данным учебным изданием автор вводил в начальное обучение элементы природоведения и родинovedения, призывал вести учащегося «от семьи к деревне, от деревни к селу, затем к школе, в которой ему дается представление о широком Божьем мире» [50]. В помощь

учителям автор азбуки составил пособие с методическими рекомендациями. В нем выражена идея постепенного перехода к обучению на русском языке. Таким образом, педагогические представления Н. Н. Блинова предвосхитили систему известного просветителя и миссионера, основателя и первого директора Казанской учительской семинарии для нерусских детей Н. И. Ильминского, который также призывал осуществлять образование ребенка на родном языке, использовать огромный потенциал краеведения и формировать благородные нравственно-религиозные православные представления в воспитании.

Особенно плодотворно национальная школа развивалась в рамках «системы христианского просвещения» Н. И. Ильминского, получившей распространение в Казанской, Вятской, Пермской, Уфимской и некоторых других губерниях. Николай Иванович Ильминский (1822 – 1891 гг.) [51] – ученый-востоковед, член-корреспондент С.-Петербургской АН, профессор Казанского императорского университета и Казанской духовной академии, один из главных деятелей Казанского братства святителя Гурия – во второй половине XIX века развернул колоссальную деятельность по обучению детей-инородцев Поволжья, Урала, Сибири на родном языке. Огромные усилия он внес в организацию начальных учебных заведений для удмуртов, марийцев, чуваш, татар, мордвы и других народов, в издание учебных пособий, переводов религиозной литературы на национальные языки. Конечная цель проводимой им работы – объединение нерусских народов с русским обществом на основах христианства и постепенной их русификации – укладывалась в русло политики правительства.

Русская Православная церковь активно занималась распространением своего вероучения. Активную поддержку оказывало ей государство, ибо в России, где процесс внутренней колонизации проходил в течение нескольких столетий, миссионерство стало существенным компонентом внутренней политики. Одной из важнейших задач была христианизация «инородцев». Христианские проповедники стремились воздействовать на все стороны

духовной и материальной жизни «инородцев»: мировоззрение, традиции, обычаи, уклад жизни, занятия и формы отдыха, круг чтения и т. д.

Во второй половине XIX в. возникло миссионерское направление, которое различными своими составляющими опиралось на христианское вероучение, политику самодержавия и свою выработанную педагогику. Связано оно прежде всего с именем Николая Ивановича Ильминского.

Он был крупнейшим ученым своего времени, большим эрудитом и полиглотом (знал 28 языков). Им была разработана оригинальная система обучения, христианского воспитания и просвещения «инородцев» с использованием их родных языков. Эта система включала в себя первоначальное обучение на родном языке с одновременным, или несколько более поздним, подключением родных языков. Свое педагогическое кредо он в краткой форме сформулировал в письме к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву: «Наше оружие – инородческий язык, богослужения на нем, священники и учителя из инородцев» [52]. При этом Ильминский первой задачей школы считал воспитание. Причем воспитание в духе преданности престолу, патриотичности и приверженности «родным корням», то есть в полном соответствии с известной формулой министра народного просвещения графа С. С. Уварова «самодержавие, православие, народность».

Советские историки критиковали Ильминского за то, что в повседневной практике и педагогических сочинениях он неизменно выражал верноподданнические взгляды (в частности, указывалось на то, что он отдавал явное предпочтение религиозному воспитанию детей в школе перед обучением). Его деятельность характеризовалась как «политика национального угнетения и русификации». Например, в «Очерках истории Удмуртской АССР» давались такие оценки деятельности Ильминского: «В Удмуртии русификаторская политика царизма в пореформенное время особенно наглядно проявилась в так называемой ”просветительной” системе Н. И. Ильминского и в “Мултанском деле”; “крайний монархист Ильминский разработал и начал

практически внедрять новый метод обрусения нерусского населения”»; “русификаторскую систему “просвещения” Ильминского поддержала реакционная часть национальной интеллигенции”» [53].

И лишь в период «перестройки» в печати стали появляться осторожные положительные оценки деятельности выдающегося просветителя. Так, авторы «Истории удмуртской советской литературы» отметили, что «педагогическая система Ильминского принесла немало пользы в развитии культуры удмуртов», но тут же и заклеили эту систему за «реакционную устремленность» [54].

Ильминский действительно полагал, что школа должна обратить внимание прежде всего на утверждение религиозных и нравственных понятий учащихся и только затем, по выполнении этой первой и важнейшей задачи, стремиться к сообщению полезных знаний. Инородческие языки должны были применяться и при проведении православных богослужений. Он уделял большое внимание вопросу единства народного образования и религиозного воспитания и считал, что, предоставляя «инородцам» светские знания, надо одновременно укреплять их в вере.

Н. И. Ильминский стремился направить священников, обладавших, по его мнению, склонностью к педагогической деятельности, на работу с «инородцами». Он признавал, что среди них немало таких, кто отверг христианство и вернулся в язычество, но у большинства, он был уверен, в душе «таится драгоценное сокровище: искренняя вера в Бога, религиозный страх, неиспорченное сердце, смиренное сознание своей духовной нищеты. Инородческое население – это, можно сказать, залежь, добрая почва, над которой стоит потрудиться в верной надежде на обильный плод» [55].

Основной принцип педагогического учения Ильминского состоял в воспитании и обучении «инородцев» на их родном языке, включая преподавание Закона Божия и изучение основополагающих молитв в начальной школе. Он указывал: «Единственным и верным проводником идей в самую глубину сознания, в особенности на первых порах, служит родной язык. Русский язык для инородцев, сколько вы его не учите и какие

продолжительные курсы не назначайте для этого, всегда останется для него чем-то внешним» [56]. Преподавание на родном языке, считал он, должно продолжаться до того момента, когда «малые сии» смогут в достаточной мере овладеть русским языком.

В связи с этим предполагалось начать переводческую и издательскую деятельность на их языках. В статье «Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках» Ильминский для «большей живости» предлагал «не писать сначала по-русски, а потом переводить, а сразу писать на инородческом языке» [57]. Переводческая комиссия была создана в Казани. Издательская деятельность сосредоточилась главным образом также в Казани – городе, который выступал в качестве своеобразного форпоста «инородческого» образования (см. раздел 4.3.1).

Ильминский с горечью отмечал недостатки в деле религиозного и светского образования «инородцев» Поволжья и Прикамья, которые вели к тому, что «инородческое население, даже крещеное, не знает, не понимает христианской веры, представляя ее в виде своего рода шаманства, да и вообще его религиозные понятия крайне скудны, ограничиваясь кое-какими суеверными обрядами, наследованными от глубокой старины» [58].

Система Н. И. Ильминского получила общероссийское утверждение 26 марта 1870 года для Поволжья, Сибири и Средней Азии. Она оказалась альтернативной «обрусительному направлению просвещения инородцев», сторонники которого предлагали использовать в обучении только русский язык. Ильминский тоже говорил об обрусении, но понимал его не только как «знание русского языка, а прежде всего как православие». Как отмечали его ученики, «ему нравится хорошее русское слово, но без духа православия, без православной идеи оно ему не нравится» [59].

Последователи просветителя так объясняли суть его системы: «Цель – сближение и объединение инородцев с русскими. Пути к цели: 1) святое крещение инородцев; 2) «полемика» с инородцами; 3) просвещение их – а) на инородческом языке – книжном, с употреблением инородческого алфавита,

б) на живом инородческом языке, с применением в письме живого русского алфавита, в) на русском языке» [60]. Миссионеры высоко ценили мастерство Ильминского выделять «народный русский из союза с книжным» и «давать ему превосходную транскрипцию».

Ильминский предполагал, что учителя и священники в инородческих селениях должны быть национальными кадрами, получившими соответствующее образование и являющимися приверженцами православной церкви. В этой связи возникла проблема открытия специальных учебных заведений – как общеобразовательных, так и профессиональных.

Первой школой, работавшей по его системе, стала основанная им Казанская крещено-татарская школа. Открытие именно татарской школы объяснялось прежде всего тем, что в Поволжском регионе татарский этнос был наиболее крупным по численности (после русского), экономически сильным и имел свою религию – ислам. И крещение хотя бы части татар, подготовка из них миссионеров-крестителей и их дальнейшая успешная работа должны были, по мысли правительства, дать сильный толчок к распространению христианства среди других, не столь крупных, этносов Поволжья.

Ободренный успешной работой крещено-татарской школы, учиться в которую приезжали представители нерусских народов со всей России, Ильминский открыл в Казани «инородческую» учительскую семинарию и стал ее первым директором. Вместе с учащимися других народов с 1872 по 1904 гг. ее окончило 40 удмуртов.

Далее, в селе Старый Карлыган Уржумского уезда Вятской губернии он открыл Центральную удмуртскую школу, которая должна была готовить учителей и священников из удмуртского населения. На деле, однако, она стала прежде всего общеобразовательным учреждением, поскольку других крупных удмуртских школ не было. Она являлась образцовой в методическом отношении и сыграла немалую роль в приобщении удмуртов к христианской цивилизации.

Место для школы, выбранное просветителем, было «как бы гранью между сплошной натуральной вотяцкой массой и опасными ее окраинами». Под «опасными окраинами» имелось в виду неприятное для христианских миссионеров соседство с селениями, где проживали мусульмане. Однако Ильминский считал, что самая благодатная почва для духовного просвещения – «захолустье, удаленное от бойких промышленных центров и движений». Поэтому он отверг предлагавшиеся для Центральной удмуртской школы и также входившие в Казанский учебный округ два прикамских уезда (Сарапульский и Елабужский) с их городами-заводами и купеческими «перевалочными» городами на самой Каме. Он доказывал «опасность» для тихих удмуртов таких «бойких» центров и посвятил все силы и последние годы жизни созданию учебного центра в Карлыгане. В письме от 2 октября 1888 года к К. Победоносцеву он писал: «Само провидение подготовило данные к осуществлению этой школы. Поэтому я убедительнейше просил бы Вас оказать этому делу поддержку по духовному ведомству и в высших правительственных сферах». Обер-прокурор Святейшего Синода, уделявший немало внимания проблемам просвещения «инородцев», оказал ему всемерную поддержку [61].

Центральная удмуртская школа в Карлыгане создавалась на базе обычной церковно-приходской школы, открытой в 1883 году заботами священника-этнографа Б. Г. Гаврилова и учителя-удмурта К. А. Андреева, являвшегося фактически самодеятельным миссионером, «деревянным апостолом», как называли его в шутку коллеги. По разработанному Ильминским положению, утвержденному в 1890 году, новая школа получила «миссионерско-образовательное значение – быть рассадником православно-христианского воспитания и русского образования для всего, по возможности, племени вотяков». Главными предметами положение намечало «Закон Божий, церковное пение, русский язык, славянскую грамоту», а второстепенными – «арифметику, письмо и черчение». Большинство уроков проводилось на

удмуртском языке. Имелась школьная церковь, богослужения в которой велись по талантливым переводам К. А. Андреева и Б. Г. Гаврилова.

Священники-педагоги всегда призывали коллег к решению нравственных задач в ходе учебного процесса. Педагог и священник Н. Н. Блинов отмечал: «Общая и главная цель, которую должны иметь ввиду преподаватели при занятии каждым предметом в сельской школе, – умственно-нравственное развитие детей. Положительное знание само по себе, без внимательного отношения к общей образовательной цели не только бесполезно, но и вредно, как лишнее бремя» [62]. Таковы были педагогические приоритеты и самого Ильминского. Начинания просветителя, его учеников и последователей были нацелены не только на миссионерские, но и общечеловеческие, светские цели.

Ильминский был типичным представителем настоящей русской интеллигенции. Он любил своих «инородцев». Но в российском обществе постепенно вызревали черносотенные настроения и силы. Как отмечала известный исследователь «инородческого» воспитания С. В. Чичерина, с сентября 1903 года новое руководство Казанского учебного округа стало вытеснять «инородческие» языки из употребления в подведомственных школах, а спустя два года кое-где уже висели объявления «Запрещено говорить по-вотски» [63].

Сам Ильминский не дожил до этих времен: многие годы неустанного труда подточили его здоровье. Но его просветительская система пустила мощные корни.

Это был поистине учитель в высшем значении слова. Один из современников Ильминского вспоминал об отношении к нему его учеников: «Найдите среди его учеников хоть одного, у которого при воспоминании о нем не блестели бы глаза, не наворачивались бы радостные слезы. Что их так связывает? Его горячая, беззаветная любовь к ним, к их языку, к их младенческим верованиям. А сколько самоотверженных, энергичных работников на ниве Божией – священников, учителей вышло из школы Н. И. Ильминского!» [64].

Не только питомцы школ, открытых Ильминским, но и их дети и внуки долго еще поминали его как святого и возносили ему свои «инородческие» православные молитвы. Об этом было торжественно заявлено в мае 1905 г. при открытии в С.-Петербурге Особого совещания по вопросам образования восточных народов [65]. Председатель же совещания, член Совета министров А. С. Будилович отметил связь идей Ильминского «с первоначальной славянской школою св. Кирилла – философа и ее позднейшими отражениями в деятельности св. Стефана Пермского, Гурия и Варсонофия Казанских, с одной стороны, и с началами «естественной педагогики» Яна Амоса Коменского – с другой» [66].

Таким образом, в деятельности Ильминского среди финно-угорского населения Поволжья и Прикамья аккумулировался весь предыдущий миссионерский и просветительский опыт Русской Православной церкви и педагогики. Главное, что обеспечило столь значительный успех его деятельности и широчайшую популярность его самого – его истинно христианская, терпеливая любовь к неграмотному, лишенному просвещения народу вятского края и сопредельных территорий.

Ценность системы Н. И. Ильминского заключалась в том, что ее практическая реализация позволяла, с одной стороны, развивать национальную самобытность «малых» народов, их язык, культуру и т. д., а с другой стороны, давала возможность через изучение русского языка приобщаться к высотам русской и мировой культуры.

«Школы Ильминского» внесли значительный вклад в распространение грамоты, в развитие удмуртской культуры в конце XIX – начале XX в. Из их стен вышли сотни учителей, будущих священников, литераторов, ученых, общественных деятелей: И. Васильев, А. Векшина (А. Оки), К. Чайников (К. Герд), М. Ильин, Д. Корепанов (К. Митрей), В. Крылов, И. Михеев, М. Прокопьев, И. Яковлев и многие другие, составившие ядро первых удмуртских просветителей, первую волну национальной интеллигенции.

Широкому распространению грамотности среди удмуртов способствовали земские и церковно-приходские школы, обучение в которых к концу XIX века становится привычным делом. Описывая начальное образование у инородцев Ярославской волости Слободского уезда Вятской губернии, один из современников делился впечатлениями: «Вотяки все христиане, православного исповедования, составляют один приход – Кругловский. У них есть церковно-приходская школа и земское училище, близ церкви в селе Кругловском. Церковно-приходская школа открыта в 1892 году, а земское училище в 1869. С 1875 года по июнь 1893 год в Кругловском училище окончили курс 168 учеников и 3 ученицы. Предметы преподавания в училище: Закон Божий, славянское чтение, русский язык (чтение, письмо, разговорная русская речь), арифметика и церковное пение... Преподавание ведется на русском языке с необходимыми разъяснениями по-вотски (на первом году обучения). Учительницы знакомы с вотским языком...» [67].

В 1874 году по Вятской губернии насчитывалось 1.335 (в том числе до 60 девочек) учащихся детей-удмуртов [68]. К началу XX столетия количество школ в губернии, в которых обучались удмуртские школьники (9.339 мальчиков и 3.328 девочек) достигло 266 [69].

Возможность получить образование, рост числа грамотных удмуртов послужили созданию читательской аудитории, основой в подготовке переводческих и литературных кадров.

Итак, исследование процесса развития образования в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века позволяет говорить об особой роли просветителей, о феномене просветительства вообще. Его характеризуют такие стороны, как самоотверженная борьба лучших представителей общества с невежеством, отсталостью, тормозившими дело просвещения; плодотворная деятельность по открытию школ, библиотек, книжных магазинов; творческий вклад просветителей по совершенствованию методов и форм учебно-

образовательной работы; участие их в создании, издании и распространении учебников, учебных пособий и т. д. Ведущее влияние на развитие образования в губернии оказали Русская Православная церковь, русские миссионеры и просветители, общественные деятели.

Специфичной чертой для вятского региона представляется национальное просветительство, в том числе деятельность национальных просветителей. Их деятельность имела огромное значение для развития образования среди местного нерусского населения. Этническая близость к своим соплеменникам, языковое и культурное единство со своими учениками открывали им возможность более тесного и плодотворного общения.

Проблематика, связанная с изучением регионального просветительства в дооктябрьский период, не только не утратила своей актуальности, но требует своего дальнейшего изучения.

4.5. Начало национального журналистского и литературного процесса

Первые печатные издания на удмуртском языке – грамматики, религиозно-просветительские брошюры и книги, учебно-методическая литература – предшествовали зарождению художественной литературы и публицистики, послужили началом национального журналистского и литературного процесса. Оба этих процесса, конечно, глубоко взаимосвязаны. Не будем здесь углубляться в теоретические размышления по этому поводу, ограничившись, может быть небесспорным, утверждением: они – две стороны одной медали.

Основой же, питательной почвой зарождающейся литературы становится, естественно, фольклор. Как первая, наиболее ранняя форма проявления литературы, фольклор является своего рода «маткой» письменного творчества. Заметим: мифотворчество и сказительство, ритуальные заклинания и песнопения, свойственные всем без исключения жившим на земле народностям, – также способы обращения со словом. Устное творчество,

имеющее неповторимую народную «генетику» образного отображения (отражения) мира, будет диктовать, особенно на начальной стадии, своеобразие литературы данного народа.

Важным подготовительным этапом появления собственно удмуртской литературы и публицистики следует считать изучение и публикации фольклора. Пробуждая интерес к духовному наследию удмуртов, к их «языческой старине», эти публикации одновременно «мостили» переход от устного «берега» творчества к письменному «берегу», начинали выступать неким фоном культурной идентификации. Из многочисленных работ в этой области достаточно назвать некоторые: сборник «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков» Б. Гаврилова (Казань, 1880 г.), «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда» Н. Первухина (Вятка, 1888 – 1889 гг.), «Материалы для изучения народной словесности вотяков» П. Богаевского («Этнографическое обозрение», 1892. № 4), очерк «Свадебные обряды и обычаи вотяков Казанского уезда» С. Багина (там же, № 2), «Образцы произведений устной словесности вотяков» Г. Верещагина («Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 год», Вятка, 1896 г.), монография «Мифология вотяков» Н. Никольского (Уфа, 1913 г.). Эти и другие публикации свидетельствовали о богатом, многожанровом устном народном творчестве, которое с течением обстоятельств должно было так или иначе проявиться и в письменном варианте.

Приведем примечательный отрывок из статьи одного из основоположников и классиков удмуртской литературы К. Герда «Вотyak в своих песнях», где на примере песенного жанра показан творческий потенциал народа: «Вся жизнь вотняка, его тяжелый, упорный и повседневный труд неразрывно связаны с песней. И часто не знаешь – где кончается тяжелый труд и начинается песня, где начинается песня и где кончается труд... Вы не можете ни разу не видеть вотняка, его жилище, его края, но, прочитав его песни, вы почувствуете, что вы так хорошо узнали его, узнали его повседневную жизнь, его жилище, убогие поля, но главное – вы почувствуете, как он через

свои песни подпустил вас к самым затаенным уголкам своего сердца... Слушая его, вам покажется, что перед вами раскрывается тысячелепестковый цветок, доселе лежавший свернутым в глубине его сердца...» [70].

Исторические, языковые и народнопоэтические корни, из которых выросла и развилась удмуртская литература, глубоко и всесторонне показал современный венгерский ученый-литературовед Петер Домокош в капитальном труде «История удмуртской литературы» [71]. П. Домокош тем самым продолжил и укрепил традиции своих предшественников (Б. Мункачи и др.) в деле изучения истории и культуры родственного народа.

Другим, значительным фактором зарождения национальной литературы и публицистики послужили учебные книги для чтения на родном языке (В. А. Ислентьева, И. С. Михеева, И. В. Яковлева и др. – см. раздел 4.3.2.), в которые включались фольклорные и авторские сочинения. Эти сочинения в последующем выкристаллизовались в литературные жанры в более чистом виде.

В большом количестве использовались произведения фольклора – загадки, поговорки, песенки, – несущие социально-познавательный и воспитательный смысл в «Букварях для вотских детей» И. С. Михеева (Казань, 1894, 1898, 1904 гг. и др.). Излагая житейские премудрости в кратких народных изречениях, поговорках, песнях, наставлениях, авторы-просветители учили детей активно воспринимать окружающее. «Не унижай старого человека, и сам однажды состаришься», «Не перебивай человека на полуслове», «Сорока повсюду пестра», «У плохого дерева и плод бывает плохим», – учит «Букварь и первая учебная книжка на удмуртском языке» В. А. Ислентьева (Казань, 1886 г.).

В «Первую книгу для чтения на вотском языке» И. С. Михеева (Казань, 1907 г.) вошли небольшие авторские рассказы, объединенные героем мальчиком Колей. Сопровожденные рисунками, они увлекательно знакомят юного читателя с детскими и юношескими годами героя, с учебой в школе и семинарии, одновременно показывая окружающую природу и т. д., как

выучившись, он становится уважаемым учителем, отдавая всего себя просвещению. Завершается «Первая книга» переводом рассказа Л. Н. Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет» – о великом терпении героя произведения, сосланного на каторгу по ложному обвинению. Автор стремится воспитать в юном удмуртском читателе благородные православные качества: терпение и сострадание к людям.

В последующих «Книгах для чтения» ряд произведений представляет переводы-обработки притч, басен, рассказов из книг Л. Н. Толстого и К. Д. Ушинского, а также из других источников русской и мировой литературы. Причем произведения на удмуртском языке пересказаны с учетом особенностей родной речи, национальной психологии. И о них уверенно можно говорить как о художественных переводах.

Работая над переводами произведений русских авторов, И. С. Михеев и другие накапливали литературные навыки и пытались их перенести на собственное оригинальное творчество. Так у Михеева появляется драматический опыт – направленная против воровства и пьянства небольшая пьеска «Эн лушка» («Не воруй») (Казань, 1906 г.). Это первое произведение удмуртской художественной литературы, изданное отдельной книжкой...

Плодотворные посевы на литературно-публицистическую ниву сделал писатель и ученый, видный просветитель и педагог Г. Е. Верещагин (1851 – 1930 гг.) [72], один из наиболее талантливых дореволюционных удмуртских писателей. Г. Е. Верещагин начинал деятельность как сельский учитель, потом священник. В его общественной деятельности самым примечательным является участие в «Мултанском деле» в качестве этнографа-эксперта, где, по словам В. Г. Короленко, он блестяще выдержал неравный бой с представителями реакции [73].

В 80-е годы XIX века Г. Е. Верещагин получил известность как ученый. В 1888 году он был избран членом-сотрудником одного из крупнейших учреждений России того времени – Русского географического общества. Наиболее значительными работами ученого, которые принесли ему

известность, были две монографии – «Вотяки Сосновского края» (СПб., 1886 г.) и «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» (СПб., 1889 г.). Обе работы были отмечены серебряными медалями Русского географического общества.

Наряду с обширными сведениями по истории, этнографии, быту, фольклору удмуртов, в этих книгах, пронизанных элементами художественной прозы, нарисованы живые картины повседневной жизни крестьян. Автор повествует о своеобразии удмуртских обрядов, показывает и психологический склад людей того времени.

Привлекает внимание публицистический характер очерков. Автора беспокоят постоянные поборы с крестьян. Он приводит, в частности, примеры спаивания выборных крестьян чиновниками с корыстной целью. «Подобные попойки, – пишет Г. Е. Верещагин, – причиняющие ущерб домохозяевам целой волости, встречаются нередко. Мало показалось, например, волостному писарю жалованья, и он предлагает обществу водки несколько ведер, и общество охотно прибавляет сотню другую рублей в год; также если нужно определить волостного писаря, служащего по найму, опять в дело идет водка. Словом, водка играет главную роль везде в крестьянском управлении» [74].

В ряде произведений он выступает с позиций крестьянского демократизма. В очерке «Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда» (Вятка, 1885 г.) автор задался целью «выяснить причину современного упадка экономического состояния» удмуртов. Наблюдательность и публицистический талант помогли ему сделать серьезный анализ положения деревни и ответить на вопрос, почему аграрная политика России обрекает все большее число крестьян на нищету и голод.

Педагог-просветитель, он в народническом духе восхваляет древний гуманный обычай, когда община приходит на помощь беднякам и неимущим, когда их недоимки оплачиваются всем миром. «Теперь община, – пишет Верещагин, осуждая проникновение капиталистических отношений в деревню, – и не считается с этой традицией, если даже знает о неплатежеспособности

крестьянина. Тот вынужден идти в кабалу к богачу или пополнить ряды нищих» [75].

Проблемам воспитания детей посвящена его статья «Воспитание детей у вотяков» (Вятка, 1892 г.). В ней подчеркивается, что удмурты с малых лет приобщают детей к труду, десятилетний мальчик уже ездит верхом, помогает родителям в поле, умеет плести лапти, а девочки учатся стряпать, изготавливать одежду.

Большинство печатных работ Г. Е. Верещагина (и его последователей) были на русском языке, – так было легче опубликоваться. Да, собственно, отсутствовала еще и национальная периодика. Но подобные выступления на русском языке готовили почву для публицистики на родном языке.

С Г. Е. Верещагиным связано становление удмуртской поэзии. Его колыбельная песня «Сизый, сизый голубочек...» («Чагыр, чагыр дыдыке...»), напечатанная в книге «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» – первое оригинальное стихотворение на удмуртском языке, оно широко распространилось в народе. С него по сути начинается зарождение национальной письменной художественной литературы. Известны и другие его стихотворения, созданные в основном на фольклорной основе.

В 1880-е годы Верещагин создает поэму «Зарни чорыг» («Золотая рыбка»). Автор, обратившись к опыту русской классической поэзии, переложил на удмуртский язык «Сказку о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, обогатив тем самым художественную культуру народа произведением великой русской культуры. Перевод, остававшийся как и другие его произведения долгое время в рукописи, был опубликован лишь в 1937 году [76]. Сохранив основу сюжета пушкинского произведения и все сказочные атрибуты, переводчик с изменениями и дополнениями внес много личного: герои сказки получили удмуртские имена, они живут в типичных обстоятельствах дореволюционной деревни, а в чертах характеров обнаруживаются национальные приметы.

Работа над переводом пушкинского произведения побудила автора к созданию в эти же годы собственной сказки-поэмы на удмуртском языке

«Одежда батыра» по мотивам русских сказок из цикла «Чудесная рубашка» (Русские народные сказки / Сост. А. Н. Афанасьев. Т. 3. – М., 1914. – С. 99 – 104). В сказке-поэме повествуется о том, как солдат, возвращающийся домой, завладевает волшебной одеждой и побеждает короля, женится на его дочери, становится хозяином королевства. Произведение было опубликовано в 1967 году [77].

О творческих связях зарождающейся удмуртской литературы с русской литературой свидетельствуют и русскоязычные произведения Г. Е. Верещагина – поэмы «Загубленная жизнь» и «Скоробогат-Кашей», другие произведения, в том числе пьесы, хранящиеся в рукописном фонде архива Удмуртского института, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук [78].

Ярким представителем зарождающейся удмуртской литературы был и Кедр Митрей (Д. И. Корепанов) (1892 – 1941 гг.), ставший крупным прозаиком в послереволюционные годы. Сильное воздействие на него, как он сам признавался [79], оказал Г. Е. Верещагин, вызвавший глубокий интерес к историческому прошлому и к литературной деятельности.

Писать Кедр Митрей (первый псевдоним Пан Реймит) начал с рассказов в годы учебы в Казанской учительской семинарии, где вместе с М. Прокопьевым издавал рукописный журнал «Сандал» («Наковальня»); тогда же посылает зарисовки, рассказы на русском языке в казанские и петербургские газеты и журналы. Так, в 1911 году в петербургской газете «Столичные отзвуки» был опубликован его очерк «Мотовилиха» о пермском заводе, а также сказка-легенда «Эш-Терек» (об удмуртских батырах-богатырях), текст которой был записан во время скитаний по родным краям после отчисления из семинарии за атеистические убеждения. Сказка-легенда затем воплотилась в драматическую трагедию с тем же названием и была издана в 1915 году в Благовещенске. В 1913 году в столичном журнале «Наши силы» вышла зарисовка «Новый Клондайк», в которой он показывает оживление в среде лесопромышленников и землевладельцев в связи со слухами

о наличии в Глазовском уезде своей губернии по реке Чепце золотоносных жил.

Активным корреспондентом Д. Корепанов становится в газете **«Камско-Чепецкий край»**, которая издавалась в 1912 году в Глазове по инициативе местных демократически настроенных интеллигентов (вышло всего пять номеров). В последнем номере, 20 мая, он поместил, например, корреспонденцию о самодурстве одного купца, саркастически описывая его издевательства над сельской интеллигенцией. Издатели Н. П. Серкин (он же ответственный редактор) и Ф. Ф. Вишневский позиционировали свою газету как «прогрессивную».

В 1912 – 1913 годах в Глазове издавалась еще одна ежемесячная газета на 4 – 6 страницах, издателем которой был совет глазовского отдела Союза Русского народа – **«Глазовская речь»**, посвященная прежде всего вопросам православия, «нравственно-освещающему чтению» (№ 1, 29 июля). Но много в ней внимания уделялось деятельности Глазовского земства. Ответственным редактором был М. В. Исаев. Вышло всего шесть номеров. Обязанности по наблюдению за газетой выполнял глазовский уездный исправник [80].

Многие вещи, написанные К. Митреем в дореволюционные годы, увидели свет гораздо позже, уже при Советской власти, а некоторые и вовсе только после реабилитации (был репрессирован, как и большинство первых удмуртских писателей, цвет нации, в годы сталинизма). Так произошло, в частности, с первым его большим произведением, написанном на русском языке, – автобиографическим романом **«Дитя больного века»**. Это произведение было написано в 1911 году, когда автору было 19 лет. В романе описывается трудный путь деревенского паренька, нелегкие годы, особенно в семинарии в Казани, где учащиеся «жили в тесном помещении, около сорока человек, кормили собою массы паразитов, спали на тоненьких войлоках...», но в то же время там «сближались племена и народности без разбора, братались киргиз с черемисином, кореец с вотяком и т. д.» [81], развивалось уважение ко всем нациям. Писатель охватывает довольно большой отрезок времени,

некоторые главы написаны в духе семейной хроники, присутствуют отрывки из писем, этнографические сведения, лирические отступления и т. д. Волнующе написаны страницы о душевном состоянии удмуртского паренька, входящего в большой и непростой мир города.

В 1929 году К. Митрей создаст одно из лучших произведений удмуртской литературы – первый удмуртский роман «Тяжкое иго» (Ижевск), в разные годы другие произведения. Вообще, это был разносторонний человек, хорошо знающий русскую и мировую классику, серьезно интересовался языкознанием, историей, этнографией, музыкой; был талантливым сотрудником и редактором (1923 – 1928 гг.) первой партийно-советской газеты «Гудыри» («Гром»), организатором регионального литературного процесса и т. д.

Основоположник национальной литературы, он был в числе первых, кто посеял добротные семена будущего урожая национальной культуры...

Под воздействием фольклора, первых просветителей, богато одаренный природой, начал свою кипучую литературную и общественную деятельность один из самых значительных представителей удмуртской культуры и литературы последующей волны К. Герд (К. П. Чайников) (1898 – 1937 гг.).

4.5.1. Формирование удмуртской печати и литературы в 1905 – 1907 гг.

Мощный толчок становлению удмуртской печати и литературы дала первая русская революция. В революционное движение начала XX века вовлекались все народы России, шли ускоренные процессы в различных областях. То, что развивалось в другую эпоху в течение десятилетий, в XX столетии шло в течение нескольких лет, а то и месяцев и дней. Широкие народные массы, задавленные гнетом господствующего класса, поднимались к сознательному творчеству, подчас революционному. По словам В. И. Ленина, «среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть печататься –

благородная страсть к этой зачаточной форме войны со всем современным общественным порядком, построенном на грабеже и угнетении» [82].

Именно в это время появляется и удмуртская социал-демократическая печать. Прежде всего она выразилась в переводах русской революционной агитации. С необходимостью разъяснять идеи революции крестьянам-удмуртам, неграмотным и незнающим или плохо знающим русский язык связаны первые шаги поэта и публициста М. Прокопьева. М. Прокопьев перевел, например, международный гимн рабочих «Интернационал». Первые шаги в журналистике и литературе делает учитель И. Шкляев, в 1905 году он переводит на родной язык «Марсельезу» и русскую революционную песню на стихи А. К. Толстого «Колодники» [83]. Текст «Марсельезы» не сохранился.

В годы революции среди крестьян-удмуртов впервые распространяются переводы революционных листовок, воззваний и брошюр: «Долой солдатчину!», «Невмоготу!», «О царе Симеоне», «Как мужик у всех в долгу остался» и другие [84]. Авторы этих переводов не установлены, а сами листовки, которые расходились вместе со всей социал-демократической литературой силами местных партийных организаций, не сохранились.

В становлении удмуртской печати этих лет заметное место занимает творчество преподавателей Казанской русско-инородческой учительской семинарии И. В. Яковлева и И. С. Михеева, все силы отдававшие просвещению своего народа. Публицистический талант И. В. Яковлева начал ярко проявляться в начале 1900-х годов. Он выступал с острыми полемическими статьями за обучение детей на родном языке в губернской и столичной печати [85]. Начав с публикаций «Как просвещать вотяков – по-русски или по-вотски?», «Значение родного языка в инородческой школе», он приходит к социальным и политическим обобщениям в статье «Современные вопросы инородческого просвещения». Под этим же названием И. В. Яковлев выпускает в 1907 году в Петербурге сборник публицистических статей [86]. Он первым из удмуртов выступает в печати с требованием национального равноправия. Двумя годами раньше Яковлев издал на удмуртском языке сборник лирических

песен, куда вошли 88 народных песен [87]. Этим изданием он положил начало подобным сборникам.

Не остались без читательского внимания и статьи И. С. Михеева «Вотские переводы и учителя» [88] и «Буддисты ли вотяки?» [89]. В первой он говорит о роли преподавания и печатания книг на родном языке, во второй – резко и доказательно критиковал священника Н. Блинова, который поставил под сомнение оправдание судом мултанских удмуртов. Выступления Михеева призывали читателей к утверждению национального достоинства и самосознания народа.

В годы назревания первой русской революции, после разрешения правительством частного книгоиздания и на инородческих языках, И. С. Михеев на собственные средства начал выпускать в Казани календары-ежегодники на удмуртском языке – **«Удмурт кылын календарь»**. Первый календарь на 1905 год вышел в 1904, второй на 1907 год – в 1906, на 1908 год – в 1907, последний, на 1910-й – в 1909 году.

Идею народных календарей удмуртский педагог-просветитель воспринял, используя опыт русского демократического просветительского движения. Образцом для удмуртского календаря послужили, «Календарь для всех», «Сельский деревенский календарь» И. И. Гобунова-Посадова. По своим внешним и содержательным качествам все эти календари (включая и «Памятные книжки») в системе российской печати составляют один типологический ряд.

Первостепенной задачей удмуртских календарей была культурно-просветительская пропаганда, затрагивающая вопросы правильного ведения земледелия, животноводства, садоводства, пчеловодства; в них давались и медицинские советы, сведения о культурно-просветительских учреждениях. Кроме этого, в календарях помещались и статьи публицистического характера. Например, в выпуске 1907 года была напечатана статья И. В. Яковлева «Наша жизнь», за которую автор поплатился ссылкой на север [90], а издатель вынужден был объясняться перед казанской цензурой [91]. И. В. Яковлев

просто и доходчиво рассказал о современной политической жизни Российского государства, о волнениях по всей стране, о страхе царя и вельмож, которые надумали успокоить народ Думами. Но работа 1-й и 2-й Думы оказалась «не по душе многим из них», и Думы были распущены. Автор скептически относится и к 3-й Думе и призывает объединиться вокруг «сознательных людей».

Наряду с просветительской публицистикой, в календарях стали появляться и художественные произведения. Так, в ежегоднике на 1906 год было напечатано стихотворение М. Прокопьева «Думы юноши», а в ежегоднике на 1910-й – баллада «Беглой» («Беглый»). Созданная на фольклорной основе, баллада и сегодня входит в школьные хрестоматии. В ней выражается ненависть к произволу, искреннее сочувствие к честным и гонимым властями людям.

Подобные календари издавались и на языках других народностей и сыграли значительную роль в становлении национальной периодической печати и литературы. И не только. Вот, в частности, оценивая «Марийские календари», видный марийский просветитель В. М. Васильев подчеркивает, что публикации в них вызывали «осознание народом мари в себе прежде всего человека, человеческие достоинства, былого могущества, оставившего следы в исторической жизни» [92].

Первые книги, календари, сборники, листовки явились основой для создания национальной периодической печати, которая у удмуртов появилась в годы первой мировой войны...

В конце XIX – начале XX века у малочисленных народов России, у инородческих племен, зародилась национальная демократическая интеллигенция, стало развиваться просветительское движение. Его деятели свои усилия направляли не только на распространение элементарной грамотности среди соплеменников, но и на формирование общей

национальной культуры, литературы и печати, на пробуждение национального достоинства и самосознания. Из фонда народной памяти они извлекали и делали достоянием общественности исторические мифы, предания, песни, легенды; на их основе издавали первые произведения.

Основой формирования удмуртской художественной культуры, национального журналистского и литературного процесса явились, с одной стороны, традиционное народное творчество, с другой – освоение художественного опыта русской (и мировой отчасти) классической литературы. Удмуртское просветительство в лице Г. Е. Верещагина, И. С. Михеева, И. В. Яковлева и других, их последователей, основывается на гуманистических идеях выдающихся русских писателей.

Взяв за основу творчества фольклор, удмуртские просветители путем стилизации и «облагораживания» сделали его книжной литературой; заложив первыми рукописными и печатными работами: статьями, учебниками, художественными опытами фундамент национальной печати и литературы, проложили путь всей последующей удмуртской литературы и публицистики.

На национальный журналистский и литературный процесс значительное воздействие оказало русское Просвещение, ярко проявившееся в XVIII веке; оно способствовало формированию нового общественного мировоззрения, идеологических и эстетических основ; усилило самосознание народа.

Русское Просвещение и культура в целом проникали в инородческую среду по нескольким каналам: по линии религиозной и светской литературы; через учреждения Академии наук, различные научные общества с их периодическими изданиями, систему школьного образования; благодаря деятельности православных миссионерских организаций и обществ и т. д.

Проблемы становления и развития национальной культуры имеют непреходящее значение, и в настоящее время чрезвычайно актуальны для народов России в целом.

Примечания

1. Цит. по: Андреас Каппелер. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. С. Червонная. – М., 1966. – С. 119.
2. См.: Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск, 2000. – С. 704 – 705.
3. Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1902 год. – Вятка, 1901. – С. 27.
4. См. подробнее: Присоединение Удмуртии к Российскому государству // История Удмуртии: Конец XV – начало XX века / Под ред. К. И. Куликова. – Ижевск, 2004. – С. 17 – 53.
5. См.: Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов. – Ижевск, 1984.
6. Кузнецов С. К. Успехи этнологии в деле изучения финнов Поволжья за последние тридцать лет (Литература о вотяках до IV Археологического съезда в Казани. 1877. Литература о вотяках после съезда) // Этнографическое обозрение, 1910. № 1 – 2. - С. 77 – 113; Никольский Н. В. Статистические сведения о вотяках за 1911 год с указанием литературы о них и изданий на вотском языке. – Казань, 1912.
7. Кузбеков Ф. Т. Становление средств массовой информации Башкортостана и развитие этнической культуры башкир (XIX в. – 30-е гг. XX в.). – Уфа, 2001; Мишанин Ю. А. Этнокультура мордвы в журналистике России XIX – начала XX века. – Саранск, 2001.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.1. – С. 66.
9. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 1107. ЛЛ. 1, 2, 4.
10. Яшин Д. А. Удмурт фольклор (на удм. яз.). – 2-е изд., испр. и доп. – Устинов, 1987.

11. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994.
12. Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века. – М., 1965.
13. Кельмаков В. К. Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние. – Ижевск, 2001. – С. 10.
14. Он же. У истоков науки об удмуртском языке. – Ижевск, 1975; Он же. Удмуртское языкознание... Указ. соч.
15. Волков М. И. Удмуртская печать. – Ижкар, 1932. – С. 3.
16. См.: Кельмаков В. К. Об исследованиях культуры удмуртского народа / Ред. колл.: В. Н.Захаров и др. – Ижевск, 1970. – С. 11 – 13.
17. Widemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einen kleinen wotjakisch-doutscen und doutsch-wotjakischen Worterbuche. – Revel, 1851.
18. Кротов З. Удмуртско-русский словарь. – Ижевск, 1995; Могилин М. Опыт краткой удмуртской грамматики. – Ижевск, 1998.
19. Фролова Г. Д. Удмуртская книга. История книгопечатания. Современная книга. – Ижевск, 1982.
20. Духовная церемония, производившаяся во время всевожделеннейшего присутствия ея императорского величества великия государыни Екатерины II в Казани. – СПб., 1769.
21. Ильминский Н. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки. – Казань, 1883. – С. 342 – 343.
22. Лихачев Н. П. Книгопечатание в Казани за первое пятидесятилетие существования в этом городе типографии. – СПб., 1895.
23. См.: Луппов П. О первых вятских переводах источников христианского просвещения. – Казань, 1905.
24. Там же. – С. 5.
25. Там же. – С. 7.
26. Уваров А. Н. Материалы IV Гердовских чтений (14 янв. 2002 г.). – Ижевск, 2003. – С. 30.

27. Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в.: Исследования. – Вятка, 1911.
28. Уваров А. Н. Указ. соч. – С. 31.
29. Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003 (Памятники культуры: Лингвистическое наследие); Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003 (Памятники культуры: Лингвистическое наследие).
30. Очерк просветительской деятельности Н. И. Ильминского. – СПб., 1904. – С. 24.
31. Там же. – С. 25.
32. Уваров А. Н. Указ. соч. – С. 32.
33. См.: Фролова Г. Д. Удмуртская книга. История книгопечатания. Современная книга. – Ижевск, 1982. – С. 26 – 27.
34. НА РТ. Ф. 931. Оп. 1. Ед. хр. 1.
35. НА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 8.
36. ГАКО. Ф. 582. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 5.
37. Ильминский Н. И. К вопросу о просвещении инородцев. – Вятка, 1895. – С. 7.
38. Верещагин Г. О книгах на вотском языке. – Вятка, 1895. – С. 1, 17.
39. НА РТ. Ф. 931. Оп. 1. Ед. хр. 1.
40. Тараканов И. В. Учебники удмуртского языка // Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск, 2000. – С. 713.
41. Словарь книговедческих терминов. – М., 1958. – С. 174.
42. Каримуллин А. Г. У истоков татарской книги: От начала возникновения до 60-х годов XIX века. – Изд. 2-е, испр. и пер. – Казань, 1992. – С. 59.
43. Цит. по: Луппов П. Народное образование среди вотяков со времени первых известий о них до 1840-х годов: Исторический очерк. – Вятка, 1898. – С. 25.

44. Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск, 2000. – С. 98.
45. ГАКО. Ф. 205. Оп. 5. Д. 34. Л. 19.
46. Там же. – Л. 22 – 22 об.
47. Каракулов Б. И. История удмуртского литературного языка: XVIII – XXI века. – Ижевск, 2006. – С. 131.
48. Фролова Г. Д. Просветители удмуртского народа: Очерки развития педагогической мысли. – Ижевск, 1996. – С 49 – 50.
49. Там же.
50. Помелов В. Б. Видный просветитель Н. Н. Блинов как ученый-методист // Педагогическое образование в Удмуртской Республике: история, проблемы, перспективы: Материалы регион. научн.-практ. конф. – Глазов, 2006. – С. 188.
51. См.: Очерк просветительской деятельности Н. И. Ильминского. – СПб., 1904; Спасский С. В. Просветитель инородцев Казанского края Н. И. Ильминский. – Самара, 1910; Николай Иванович Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае. – Казань, 1900.
52. Православный собеседник. 1911. № 4. – С. 562.
53. Очерки истории Удмуртской АССР. – Ижевск, 1958. – С. 177 – 179.
54. История удмуртской советской литературы. Т. 1. – Устинов, 1987. – С. 23.
55. Воскресенский А. Система Н. И. Ильминского в ряду других мероприятий к просвещению инородцев // О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе. – Казань, 1913. – С. 14.
56. Вятские епархиальные ведомости, 1913. № 24. – С. 25.
57. Там же. 1904. № 6. – С. 332.
58. Православный собеседник, 1871. № 3. – С. 162.
59. Воскресенский А. Указ. соч. – С. 7.
60. Там же. – С. 11.
61. Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. – Йошкар-Ола, 1993. – С. 127.

62. Блинов Н. Н. О способах обучения предметам учебных курсов начальных народных школ. – Вятка, 1868. – С. 79.
63. Чичерина С. В. У приволжских инородцев. – СПб., 1905. – С. 211.
64. Вятские епархиальные ведомости, 1909. № 9. – С. 221.
65. Чичерина С. В. Указ. соч. – С. 236.
66. Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб., 1905. – С. 6.
67. Софийский И. М. О начальном образовании у вотяков и татар Ярославской волости Слободского уезда Вятской губернии, и о названии «татары» // Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1894 год. – Вятка, 1893. – С. 320 – 343.
68. Народное образование в Вятской губернии за последние десять лет (1864 – 1874 гг.). – Вятка, 1875. – С. 198.
69. Никольский Н. В. Указ. соч. – С. V.
70. Вотяки: Сб. по вопросам экономики, быта и культуры вотяков / Под ред. Герда и проф. Налимова В. Кн. 1-я. – М., 1926. – С. 18 – 19.
71. Петер Домокош. История удмуртской литературы. – Будапешт, 1975 / на венгерском. яз.; – Ижевск, 1993 / Пер. с венгерского В. Васовчик.
72. См. о нем и его творчестве подробнее: Ванюшев В. М.. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья. – Ижевск, 1995.
73. Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. – М., 1955. – С. 368.
74. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. – СПб., 1889. – С. 32.
75. Он же. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. – Вятка, 1895. – С. 100.
76. Об удмуртском фольклоре и литературе. – Ижевск, 1973. – С. 114 – 123.
77. Молот, 1967. № 12.

78. Верещагин Г. Е. Этнографические материалы // Рукописный фонд УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 3. Д. 388.
79. Кедр Митрей. Избранное. – Ижевск, 1965. – С. 119.
80. РГИА. Ф 776. Оп. 21. Ед. хр. 52.
81. Кедр Митрей. Указ. соч. – С. 192.
82. Ленин В. И. ПСС. Т. 6. – С. 53.
83. Клабуков А. Печать // Удмуртия за 40 лет Советской власти. – Ижевск, 1957. – С. 223.
84. ГКУ «ЦГА УР». Ф. 349. Оп. 1. Д. 13. Док. 9.
85. Вятские епархиальные ведомости, 1902. № 19; Русская школа, 1903. № 3.
86. Современные вопросы инородческого просвещения: Сб. статей. – СПб., 1907.
87. Удмурт кырзанъес (Удмуртские песни). – Казань, 1905.
88. Вотские переводы и учителя // Русская школа, 1900. № 5 – 6.
89. Буддисты ли вотяки?: По поводу книги священника Н. Блинова «Языческий культ вотяков». – Вятка, 1898; Казань, 1901.
90. ГКУ «ЦГА УР». Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 9.
91. НА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. Хр. 106. ЛЛ. 60 – 61.
92. Васильев В. М. Материалы по поэтике марийского языка. – Казань, 1930. – С. 97.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На примере вятского края лишний раз убеждаемся: провинциальная журналистика и литература сыграли значительную роль в общественной жизни России XIX – начала XX вв. Прежде всего это нашло выражение в развитии культуры, образования, в распространении знаний и нравственном совершенствовании общества.

Появление и развитие печати и литературы в Вятской губернии – факт большой общественной и культурной значимости – было обусловлено рядом социально-экономических и политических причин. Важнейшие из них – включение губернии в общероссийский социально-экономический процесс, вызвавшее рост умственных и производительных сил; эволюция общественно-политического движения в крае во взаимосвязи с общедемократическим подъемом в России; общие тенденции развития провинциальной прессы.

Экономические и социально-политические условия предопределяют генезис журналистского и литературного процесса. Непременность этого закона проявляется и в становлении провинциальной (периферийной) печати. Во многом зависящая от центра, от влияния ее экономического и политического состояния, в то же время местная печать имеет свои субъективно-первичные истоки, которые придают ей отличительные свойства.

Истоки вятской печати связаны, с одной стороны, с общим развитием экономики и культуры России, с другой – с развитием внутреннего потенциала региона. Поэтому следует говорить о двух взаимообусловленных факторах – внешнем и внутреннем.

Большое значение для возникновения местной печати и литературы Вятской губернии на начальном этапе имели духовно-религиозные учреждения, среди главных задач которых были просвещение широких слоев населения

путем религиозно-нравственных наставлений и т. п., подготовка собственных кадров. Письменная словесность с ее духовными корнями, зачиненная летописцами-агиографами-книжниками в XVII веке, послужила началом формирования просветительских традиций, укрепившиеся в XVIII веке особенно в Вятской духовной семинарии с ее «школой пиитики». Происходит постепенный переход от культуры религиозной к культуре светской, закладываются корни будущей вятской журналистики. Деятельность церкви активизировала культурное развитие в крае, стимулировала просвещение.

Культурные и литературные традиции, сложившиеся к концу XVIII века, благоприятно развились в начале XIX века. Значительно способствовала этому централизованная система учебных заведений, охватившая все сословия и сыгравшая роль не только в расширении образованной аудитории, но и в развитии литературного процесса, становлению книжного дела в крае. Экономическое же развитие в регионе создало базу для реализации культурных потребностей населения.

Вятская журналистика берет начало в первой половине XIX века с появлением первого рукописного периодического журнала «Хлыновский наблюдатель» (1826 г.). «Хлыновский наблюдатель», принадлежащий к сатирическому направлению российской журналистики, соединил два начала провинциальной печати: на местном материале столичный издатель (П. Л. Яковлев) выработал первый опыт самостоятельного издания. Этот опыт, обогащенный, продолжился затем в «Вятской незабудке» (1877 – 1878 гг., издатель – Ф. Ф. Павленков), ставшей образцом неофициальной местной печати и публицистики. И «Наблюдатель», и (особенно) «Незабудка» явились практическим воплощением нарождающейся оппозиционности в вятской журналистике.

Собственно же периодическая печать в крае начинается с губернских ведомостей (1838 г.), которые послужили точкой отсчета в формировании региональной печати как системы. «Вятские губернские ведомости» (1838 – 1917 гг.), имея статус официального органа, представляют собой большое

явление в истории местной журналистики. Их ценность выражается, во-первых, в самом факте появления местного регулярного периодического издания; во-вторых, в формировании собственной читательской аудитории; в-третьих, в становлении местного корпуса профессиональных работников печати, и, наконец, в практической выработке модели местного периодического органа со своей проблематикой, программой, жанровой структурой и т. д. Родившиеся в первую очередь в силу управленческих интересов разросшегося государственного аппарата, губернские ведомости в то же время были порождением культурных и хозяйственных запросов развивающегося общества.

Периодическая печать Вятской губернии начинает активно функционировать во второй половине XIX века, а именно в 90-е годы, когда начался бурный рост экономики, укрепивший капитализацию производства, что в свою очередь усилило потребность в регулярной публичной отчетности, оперативной политической и экономической информации и т. д. Вызванный общим экономическим, политическим и культурным развитием пореформенной России, появлением большой прослойки местной разночинной интеллигенции, рост провинциальной печати сказался как на количественных, так и на качественных ее изменениях.

Новую типологию в истории губернской журналистики открыли частные газеты общественно-политического направления. Первым относительно независимым органом в крае стала газета «Вятский край» (1895 – 1898 гг.). Придерживаясь либерально-демократических взглядов, журналисты этого издания отстаивали прогрессивные принципы общественно-политического устройства, убедительно выражали интересы народа. Большую роль «Вятский край» сыграл в победе демократических сил в известном «Мултанском деле». Именно в частной газете начинает проявляться яркий талант таких публицистов, как А. Баранов, М. Бородин, П. Голубев и др. Их выступления в печати привлекают внимание не только выразительной стилистикой, но и глубоким анализом событий, мастерством подачи материалов.

Закономерным, в то же время неординарным явлением в вятской и российской журналистике вообще было издание первой в России крестьянской «Вятской газеты» (1894 – 1907 гг.), органа губернского земства. Адресованная широким слоям населения и издаваемая при активном участии грамотных крестьян, газета широко пропагандировала сельскохозяйственный опыт, нововведения в отрасли, являлась активным проводником просвещения в деревне. Разнообразие тематики, направленность на разрешение практических нужд читателей, постоянное улучшение качества издания путем оформительских и содержательных форм делают «Вятскую газету» образцом провинциальной журналистики того периода.

В системе российской прессы издания земцев представляют собой вид печати, выпускаемый на народные средства и существующий ради выполнения общественных целей.

Большое значение для развития журналистики и литературы имели процесс демократизации читателя, повышение его культурного уровня, грамотности. Так, только в Вятке в 1897 году грамотных мужчин уже было 67 процентов, среди женщин – 52 процента [1]. Печатное слово сделало насущной необходимостью распространение грамотности, что вызвало огромный скачок в образовании и изменило социальную структуру общества.

Чем ближе к XX веку, тем роль печати становится значительнее. Повышается ее значение как средства формирования общественного мнения. В начале XX века эта функция проявляется уже и как орудие политической борьбы. Это наглядно проявилось в годы первой русской революции 1905 – 1907 гг.

Русская революция дала мощный импульс к возникновению печати национальных меньшинств. В Вятском крае это выразилось в появлении удмуртской национальной печати. В это время активно формируется национальная творческая прослойка, проявившая себя в просветительстве родного народа. Появляются издания на удмуртском языке в виде переводной литературы (прокламации и т. п.), календарей, учебников, что послужило

важной основой для возникновения затем национальной периодики. С возникновением удмуртской печати начинается и национальный литературный процесс.

В числе освещаемых в печати явлений общественной жизни большое место заняли вопросы художественной литературы и искусства. Периодические издания не только публиковали произведения, близкие им в идейно-эстетическом отношении, но и активно стимулировали литературный творческий процесс, «взращивали» и консолидировали литературные силы, ориентировали их в определенном направлении. «Литературный пласт» вятской прессы стал занимать в духовной жизни народных масс одно из ведущих мест.

Литературная жизнь края, представленная в разных жанрах, связана практически со всеми вятскими периодическими изданиями. Она включала в себя творческую деятельность местных и ссыльных писателей и журналистов, связи вятской губернии с русской литературой, интерес к крупным литературным событиям России и Запада. Значение периодической печати в развитии культуры, литературного процесса огромно. Велико ее значение в формировании читательской аудитории, ее просвещения, развитии ее художественного творчества, выдвижении из среды новых литераторов и публицистов, авторов произведений, способствовавших становлению и развитию литературного процесса в Вятской губернии.

На высоком уровне была поставлена в губернии книгоиздательская деятельность. Особенно это касается «Вятского книгоиздательского товарищества». Им было выпущено большое количество популярных дешевых книг на разные темы, которые проникали во все слои общества. Проводилась издательская деятельность и в уездах. Своеобразный центр книжной культуры был в селе Старая Тушка Малмыжского уезда. Там крестьянин-самоучка Л. А. Гребнёв более полувека собирал старинные рукописи и книги, в своей сельской типографии напечатал около 50 изданий.

К середине XIX века в России книга приобрела исключительное влияние на общественные настроения, составила серьезную конкуренцию

периодическим изданиям. Усилению роли и значения книги способствовало несколько обстоятельств, главное из которых – появление массового читателя, для которого чтение становится необходимой жизненной потребностью.

Изменилось и само отношение к чтению, которое стало помощником в выборе жизненного пути и инструкцией в повседневной практике. С повышением уровня образования населения чтение входило в образ жизни все более широких слоев населения. Важную роль в этом начинают играть библиотеки, как очаги культуры и книжности.

Вятская губерния была одной из самых «книжных» и во многом превосходила другие по уровню грамотности и числу типографий и библиотек. Огромную просветительскую работу здесь проводило земство, отличавшееся своим демократизмом и «мужицким» характером деятельности.

Большой вклад в журналистский творческий процесс края внесли политические ссыльные, а также столичные прогрессивные деятели, революционные демократы и народники.

К началу XX века местная печать Вятской губернии, формирование которой шло в русле общественно-экономических законов развития России, сложилась в целостную систему. Она заняла в жизни края заметное место, стала значительным фактом общественно-политической, культурной и литературной жизни. Сложилась относительно широкая читательская аудитория из местной интеллигенции, городского и сельского населения. Появилась собственная сеть корреспондентов.

Определяющими уровень и влияние вятской журналистики стали просветительское и демократическое направление, обращение к широким слоям населения, к крестьянству, что позволяло не только расширять умственный кругозор своих читателей и обогащать их разнообразными сведениями из различных наук и литератур, но и внушать им прогрессивные идеи, воспитывать в них гражданские чувства, формировать их патриотическое сознание. Вообще, провинциальная пресса выступала основным инструментом

проводника идей в народные массы, важным средством в формировании культурных, социальных, политических символов, что дает право говорить о региональных изданиях как уникальных в процессе влияния на общественное мнение российской провинции. Местные газеты были ближе к народу, реально учитывали его запросы и уровень культурного развития.

Вятская печать подверглась определенному влиянию со стороны центра и его прессы. Благодаря участию местных журналистов в столичных изданиях и наоборот, а также распространению периодики столиц в губернии и частично губернской в центральные города, происходит их взаимопроникновение. Вырабатывается, таким образом, общая функционирующая система российской журналистики.

Надо отметить, провинциальная пресса находилась под двойным гнетом – со стороны столичной и местной администраций. В. Г. Короленко, знаток местной печати, верно констатировал, что «высшая администрация... смотрела на провинциальную газету, как на праздную затею, совершенно излишнюю и, пожалуй, вредную, причиняющую... беспокойства цензурному ведомству» [2]. Тем не менее, и в этих условиях пресса провинции, особенно демократическая ее часть, проявила себя активным выразителем насущных потребностей времени, во многих отношениях показала себя на высоком профессиональном уровне. Поступательное развитие журналистики и литературы российских регионов стало очевидным. Журналистский и литературный процесс в провинции, как весеннее дерево, быстро набирался живительными соками умственных исканий, наполнялся «почками» здоровых практических дел, распускал «ветви» многочисленных начинаний.

Анализ дореволюционной печати Вятской губернии показывает, что ее развитие происходит адекватно развитию экономического и культурного уровня края, общественно-творческого потенциала населения. Являясь летописцем происходящих событий, местная пресса отразила всю совокупность реалий того времени. В этом она, как исторический материал, представляет большую ценность, содержательный, а подчас наиболее объективный «банк

данных» по многим отраслям науки: истории, политологии, культурологии, этнографии, социологии и т. д.

Лучшие традиции вятской печати созвучны нашему времени – поре осмысления духовных и нравственных ценностей. И совершенно правы авторитеты современной журналистики, лауреаты премий Союза журналистов СССР и России в своем актуальном высказывании: «Журналистика в своих наиболее сильных проявлениях была истинно народной. Она была другом народа, стремилась быть с ним, на его стороне, в сложнейшие периоды нашей истории. Она не предавала его ради своих личных выгод. В этом, собственно, и состоит, быть может, главная традиция, которую требуется хранить, как зеницу ока» [3].

Примечания

1. Луппов П. Н. История города Вятки. – Киров, 1958. – С. 223.
2. Короленко В. Г. Из истории областной печати // Сб. в память А. С. Гациского. – Н. Новгород, 1897. – С. 15.
3. Гутионтов П. Плутник А. Шинкарев Л. Апрельские тезисы: Некоторые традиции отечественной журналистики и современность // Деловой вторник, 2008. 22 апр.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. ИСТОЧНИКИ

1.1. *Документальные материалы*

1. Древние акты, относящиеся к истории вятского края. Приложение ко 2 тому сборника «Столетие Вятской губернии». – Вятка, 1881. – 245 с.

1.2. *Периодические издания*

Газеты

1. Вятская газета. – Вятка, 1894 – 1907.
2. Вятская жизнь. – Вятка, 1905 – 1906.
3. Вятские губернские ведомости. – Вятка, 1838 – 1917.
4. Вятский вестник. – Вятка, 1905 – 1909.
5. Вятский край. – Вятка, 1895 – 1898.
6. Вятский край. – Вятка, 1906 – 1907.
7. Вятское слово. – Вятка, 1906.
8. Елабужские вести. – Елабуга, 1906.
9. Епархиальные отголоски. – Вятка, 1906 – 1907.
10. Камский листок объявлений. – Елабуга, 1897 – 1904.
11. Крестьянская газета. – Вятка, 1906.
12. Прикамский край. – Сарапул, 1906 – 1911.
13. Приложение к «Вятским губернским ведомостям». – Вятка, 1899 – 1904.
14. Сарапульский листок объявлений. – Сарапул, 1897 – 1904.
15. Свободное слово. – Вятка, 1907 – 1908.
16. Труд. – Вятка, 1906.

Журналы

17. Вятские епархиальные ведомости. – Вятка, 1863 – 1918.
18. Хлыновский наблюдатель (рукописн.). – Вятка, 1826 – 1827.

Сборники, труды, календари

19. Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии. – СПб., 1877, 1878.
20. Календарь для вотяков. – Казань, 1906, 1907, 1908, 1910.
21. Памятная книжка Вятской губернии. – Вятка, 1857 – 1916.
22. Труды Вятской ученой архивной комиссии. – Вятка, 1905 – 1918.

1.3. Мемуары. Дневники. Письма

1. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Письма 1832 – 1838 гг. – М., 1961. – С. 41 – 247, 250 – 400: Письма из Вятки; Письма в Вятку.
2. Лемке М. К. Письма из провинции // Русская мысль. 1902. № 2. – С. 144.
3. Сытин И. Д. Страницы пережитого // Жизнь для книги. – 2-е изд., доп. – М., 1985. – С. 21 – 312, 271 – 274.
4. Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. Т. 1. – М., 1967.

1.4. Архивные материалы

Российский Государственный исторический архив (РГИА): Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 46, 67. ЛЛ. 63 – 76, 93; Ед. хр. 73. Л. 92; Оп. 13. Ед. хр. 128; Оп. 14. Ед. хр. 104, 125; Оп. 15. Ед. хр. 351. Л. 1; Оп. 21. Ед. хр. 52; Ч. 2. Ед. хр. 53, 62, 222, 253, 326; Оп. 26. Д. 201. ЛЛ. 15 – 16; Ф. 1276. Оп. 3. Ед. хр. 176. ЛЛ. 467 – 469; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 160; Ф. 1363. Оп. 2. Д. 452. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3435. Л. 14; Ф. 734. Оп. 3. Д. 26. ЛЛ. 20 – 24, 490 – 495; Ф. 776. Оп. 1. Д. 161; Оп. 20. Д. 32.

Государственный архив Кировской области (ГАКО): Ф. 1. Д. 16. Л. 28; Ф. 33. Оп. 2. Д. 1246. ЛЛ. 1 – 7; Оп. 26. Д. 11. Л. 28; Ф. 51. Д. 82. Л. 200; Оп. 7. Д. 339.

Л. 6; Ф. 205. Оп. 5. Д. 34. ЛЛ. 19, 22 – 22об.; Ф. 528. Оп. 81. Ед. хр. 577; Ф. 574. Д. 3521. Л. 53; Ф. 582. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 5; Оп. 26. Д. 185. Л. 1; Д. 556. ЛЛ. 143, 153; Д. 670-а. Л. 123; Д. 795. ЛЛ. 42 – 43; Оп. 52. Д. 798. Л. 4; Оп. 52-а. Д. 62. Л. 1. Оп. 54. Д. 155. ЛЛ. 29 – 32; Ф. 582. Оп. 58. Д. 476; Оп. 126. Ед. Хр. 17. Л. 8; Оп. 130. Ед. Хр. 1064. Л. 1. Оп. 130-а. Ед. Хр. 11; Оп. 140. Д. 1. Л. 257; Оп. 146. Ед. хр. 16; Оп. 148. Д. 369. Л. 22; Оп. 155. Д. 184. Л. 1; Оп. 159. Д. 163. Л. 15 – 15об.; Оп. 164. Д. 35. ЛЛ. 8 – 10; Оп. 167. Д. 265. ЛЛ. 1 – 2, Д. 38. ЛЛ. 8 – 15, 23, 33; Оп. 168. Д. 352. ЛЛ. 1 – 2, Д. 475. ЛЛ. 1 – 3; Оп. 170. Д. 986. Л. 5; Оп. 181. Д. 16. Л. 19; Оп. 182. Д. 16. ЛЛ. 11 – 12; Оп. 186. Д. 511. ЛЛ. 33, 35; Ф. 714. Оп. 1. Д. 1, Д. 46. Л. 79; Ф. 1345. Оп. 1. Д. 32. ЛЛ. 25 – 26, 55.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): Ф. 1282. Оп. 1. Д. 303. Л. 5 – 6, 14, 31, 37.

Государственное казенное учреждение «Центральный Государственный архив Удмуртской Республики» (ГКУ «ЦГА УР»): Ф. 216. Оп. 1. Ед. Хр. 1. Л. 89; Ф. 349. Оп. 1. Д. 13. Док. 9; Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 9.

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ): Ф. 1. Оп. 4. Д. 1107. ЛЛ. 1, 2, 4; Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 106. ЛЛ. 60 – 61; Ед. хр. 113. Л. 8; Ф. 931. Оп. 1. Ед. хр. 1.

Российская национальная библиотека (РНБ), отд. рук.: F XVIII, № 54; Фонд И. С. Аксакова, № 14, 42, 43, 456; Фонд А. А. Краевского, 391, № 142; Ф. 135/П. К. 39. Д. 27. ЛЛ. 1 – 2; Ф. 135. Р. 2. К. 21; Ф. 135. Р. 1. П. 28. Д. 1648. Л. 1 – 1об; Ф. 1072. Т. 2. ЛЛ. 222 – 253.

Библиотека академии наук (БАН), отд. рук. и редк. книг: Кировское собрание. 61 р., 77 р. и др.

Научн. библиотека Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ), отд. рук.: Ф. 226. Л. 636.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии Наук (УИИЯЛ УрОРАН), рук. фонд: Оп. 3. Д. 388.

II. ЛИТЕРАТУРА

1. Анронова Н. И. Провинциальная журналистика как объект изучения // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 2. – С. 117 – 120.
2. Антюхин Г. В. Очерки истории печати Воронежского края. 1798–1917. – Воронеж, 1979. – 282 с.
3. Антюхин Г. В. Основные этапы истории и некоторые закономерности развития местной печати России XIX – начала XX веков: (На материалах Центрально-Черноземного региона). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1981. – 40 с.
4. Антюхин Г. В. Печатное слово России: История журналистики Черноземного центра страны XIX века. – Воронеж, 1993. – 224 с.
5. Арефьев В. Читатель народной газеты // Русское богатство. 1898. № 12. – С. 16 – 40.
6. Ахмадулин Е. В. Правительственная печать России (конец XIX – февраль 1917 г.). – Ростов-на-Дону, 2000.
7. Ахмадулин Е. В., Яровой И. В. Печать Дона в годы первой русской революции. – Ростов-на-Дону, 1985.
8. Базанов А. Н. Из истории печати Сахалинской области. – Южно-Сахалинск, 1970. – 25 с.
9. Балувев Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. – М., 1971. – 315 с.
10. Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). – М., 1969. – 269 с.
11. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М., 1955. – Т. 7, 9.
12. Бережной А. Ф. История партийно-советской печати: дооктябрьский период. – М., 1987. – 256 с.
13. Бережной А. Ф. История отечественной журналистики. Конец XIX – начало XX в.: Материалы и документы. – СПб., 1997. – 106 с.
14. Березина В. Г. Русская журналистика первой четверти XIX века. – Л., 1965. – 92 с.

15. Березина В. Г. Русская журналистика второй четверти XIX века. – Л., 1965. – 102 с.
16. Бердинских В. А. Вятские историки. – Киров, 1991. – 192 с.
17. Бердинских В. А. Ермил Костров. Судьба поэта. – Киров, 1989. – 142 с.
18. Бердинских В. А. Занимательное краеведение: Вятский сундук. – Киров, 1991.
19. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. – М.; Л., 1952. – 572 с.
20. Блюм А. В. Местная книга и цензура дореволюционной России (1784 – 1860). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966.
21. Блюм А. В. Издательская деятельность в русской провинции конца XVII – начала XIX в. // Книга. Исследования и материалы. – М., 1966. – 282 с.
22. Блюм А. В. Массовое чтение в русской провинции конца XVII – первой четверти XIX в. // История русского читателя. – Л., 1973. Вып. 1. – С. 38 – 39.
23. Блюм А. В. Ф. Ф. Павленков в Вятке. – Киров, 1976. – 88 с.
24. Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. Историко-статистические очерки. – М., 1964. – 196 с.
25. Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. – М., 1984. – 152 с.
26. Блинов Н. Н. Народное образование в Вятской губернии за последние десять лет. 1864-1874. – Вятка, 1875. – 351 с.
27. Блинов Н. Н. История Сарапула. Сарапул и Среднее Прикамье. Былое и современное. – Сарапул, 1908. – 115 с.
28. Булацев Х. С. Пионеры провинциальной печати: (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.). – Л., 1981. – 141 с.
29. Булацев Х. С. Революционное движение в России второй половины XIX – начала XX в. и местная демократическая печать. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1982.

30. Буня М. И. Глазовские находки: Записки краеведа. – Ижевск, 1971. – 214 с.
31. Бурмистрова Л. П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей: (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840 – 1850 гг.). – Казань, 1985. – 140 с.
32. Вандаловская В. Г. М. К. Лемке – историк русского революционного движения. – М., 1975.
33. Ванюшев В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья. – Ижевск, 1995.
34. Васильев М. Г. История Вятской гимназии за 100 лет ее существования. – Вятка, 1911. – 132 с.
35. Вахрушев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX в.). – Ижевск, 1994. – 131 с.
36. Верещагин А. С. Вятские стихотворцы XVIII века. – Вятка, 1896. – 92 с.
37. Верещагин А. С. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии: (Л. Горка). В 2-х вып. – Вятка, 1899, 1902.
38. Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. – СПб., 1886.
39. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. – СПб., 1899.
40. Вертинский Н. С. Газета в России и СССР. XVII – XX вв. – М.; Л., 1931. – 168 с.
41. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994. – 384 с.
42. Вотяки: Сб. по вопросам экономики, быта и культуры вотяков / Под ред. Герда и проф. Налимова В. Кн. 1-я. – М., 1926.
43. Вятка: Краеведческий сборник. Вып. 1 / Сост. М. А. Ардашев. – Киров, 1972. – 127 с.
44. Вятка: Краеведческий сборник. Вып. 2 / Сост. Г. П. Зонова. – Киров, 1975. – 142 с.

45. Вятка: Краеведческий сборник. Вып. 3 / Сост. Г. П. Зонова. – Киров, 1977. – 115 с.
46. Вятка: Краеведческий сборник. Вып. 4 / Сост. Г. П. Зонова. – Киров, 1979. – 160 с.
47. Вятка: Краеведческий сборник. Вып. 5 / Сост. Г. П. Зонова. – Киров, 1981. – 176 с.
48. Вятка: Краеведческий сборник. Вып. 6 / Сост. М. О. Френкель. – Киров, 1983. – 160 с.
49. Вятка: Краеведческий сборник. Вып. 7 / Сост. Г. П. Зонова. – Киров, 1987. – 159 с.
50. Вятка: Краеведческий сборник. Вып. 9 / Сост. Г. П. Зонова. – Киров, 1991. – 192 с.
51. Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы III научн. конф. в 5 т. Т. 2 / Отв. ред. В. А. Поздеев. – Киров, 1995. – 217 с.
52. Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы республиканской IV научн.-практ. конф. (К 100-летию со дня рождения проф. А. В. Эммаусского). – Киров, 1999. – 272 с.
53. Вятские песни, сказки, легенды / Сост. И. А. Мохирев и С. Л. Браз. – Горький, 1974. – 214 с.
54. Вятский временник: Памятник русской письменности конца XVII века / Публ. А. С. Верещагина. – Вятка, 1905. – 98 с.
55. Вятский Успенский монастырь при преподобном Трифоне (По подлинному документу 1601 г.). С предисл. и поясн. А. С. В – на. – Вятка, 1902.
56. Газета в старой России. – М., 1939. – 72 с.
57. Гайнуллин М. Х. Татарская литература и публицистика XX века. – 2-е изд. – Казань, 1983. – 352 с.
58. Гациский А. С. Смерть провинции, или нет?: (Открытые письма Д. Л. Мордовцеву). – Н. Новгород, 1876.
59. Герцен А. И. Былое и думы. – Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. – М., 1975.
60. Герценка: Вятские записки: Альманах. – Киров, 2000. – 143 с.

61. Гинзбург Б. С. Распространение изданий Вольной русской типографии // Революционная ситуация в России 1859 – 1861 гг. – М., 1962.
62. Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России: Краткий историко-статистический очерк культурной деятельности Вятского земства в связи с деятельностью всех русских земств. – Вятка, 1901. – 161 с.
63. Гордеева Н. М., Станько А. И. Чичикина Н. Д., Корнилов Е. А. Из истории журналистики Дона. – Ростов-на-Дону, 1977. – 249 с.
64. Горький А. М. (А. П.). Случайные заметки // Нижегородский листок. 1899, 2 февр.
65. Громова Л. П. А. И. Герцен и русская журналистика его времени. – СПб., 1994. – 154 с.
66. Данилов А. П., Тенюшев И. Я. Зарождение, развитие публицистики и журналистики в Чувашии. – Чебоксары, 1999.
67. Дейч Г. М. Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1978. – С. 236 – 253.
68. Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. 1825 – 1904: Архивно-библиографические разыскания. – М., 1962. – С. 128 – 129.
69. Доброхотов (Луппов П. Н.). Новая мера к развитию народного образования (Мероприятия Вятского губернского земства) // Северный Вестник, 1893. № 9.
70. Долгушев В. Г. Что читали в Вятке в XVIII веке // Кировская правда. 1984, 17 июня.
71. Домокош П. История удмуртской литературы / Пер. с венг. В. Васовчик. – Ижевск, 1993. – 448 с.
72. Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. – СПб., 1912.
73. Духовная и материальная культура Вятского края в прошлом и настоящем. – Киров, 1996.

74. Емельянов Л. П. Печать Удмуртии: (Из истории возникновения и развития партийно-советской печати Удмуртии 1905 – 1934 гг.). – Ижевск, 1964. – 82 с.
75. Ермолинский Л. Л. Сибирские газеты 70 – 80-х годов XIX века. – Иркутск, 1985. – 134 с.
76. Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России: (Задачи и теоретико-методологические принципы изучения). – М., 1981. – 132 с.
77. Жилиякова Н. В. Журналистика Томска (XIX – начало XX века): Становление и развитие. – Томск, 2011. – 446 с.
78. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX века. – СПб., 2000. – 220 с.
79. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX – XX вв. – М., 2001. – 368 с.
80. Жирков Г. В. Эпоха Петра Великого – основание русской журналистики. – СПб., 2003. – 206 с.
81. Жирков Г. В. Просветительская функция журналистики: историко-типологический аспект // СМИ в современном мире. Материалы научн.-практ. конф. – СПб., 2003. – С. 16 – 18.
82. Жирков Г. В. Просветительская функция журналистики в исторической ретроспективе // Просветительская миссия журналистики: К 300-летию русской печати: сб. статей. Вып. 3 / Под ред. Г. В. Жиркова. – СПб., 2004. – С. 75 – 98.
83. Жирков Г. В. Золотой век журналистики России: история русской журналистики 1900 – 1914 годов. – СПб., 2011. – 291 с.
84. Журналистика и литература: (сб. статей, посв. проф. А. В. Западову) / Ред.-сост. К. М. Накорякова; Под ред. Э. А. Лазаревич. – М., 1972. – 289 с.
85. Журналистика – Церковь – Просвещение: Сб. статей. Вып. 2 / Под ред. Г. В. Жиркова. – СПб., 2002. – 141 с.
86. Западов А. В. Русская журналистика последней трети XVIII века. – М., 1964. – 224 с.
87. Золотуха Л. Н. Возникновение и развитие журналистики в эпоху становления капитализма: Тексты лекций. – М., 1987. – 59 с.

88. Иванюков И. Очерки провинциальной жизни // Русская мысль, 1895. февр.
89. Из истории региональной печати в России: 300 лет отечественной журналистики / Под ред. проф. Б. И. Есина. – М., 2003. – 86 с.
90. Из истории русской журналистики конца XIX – начала XX в.: (Статьи, материалы, библиография) / Под ред. Б. И. Есина. – М., 1973. – 267 с.
91. Изергина Н. П. Писатели в Вятке: Литературно-краеведческие очерки. – Киров, 1979. – 192 с.
92. Изергина Н. П. Литературная жизнь Вятки (1870 – 1917 гг.): Литературно-краеведческие очерки. – Киров, 1990. – 208 с.
93. Ильминский Н. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки. – Казань, 1883.
94. Ильминский Н. И. К вопросу о просвещении инородцев. – Вятка, 1895. – 26 с.
95. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края / Сост. П. Голубев. – Вятка, 1896.
96. История города Кирова. 1374 – 1974: Краткий очерк / Научн. ред. А. В. Эммаусский и Е. И. Кирюхина. – Киров, 1974. – 336 с.
97. История и культура Волго-Вятского края. (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): Тезисы докл. и сообщ. к межрег. научн. конф. – Киров, 1994. – 569 с.
98. История удмуртской советской литературы: В 2-х т. Т 1. – Устинов, 1987. – 252 с.; Т.2. – Устинов, 1988. – 332 с.
99. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века / Под ред. К. И. Куликова. – Ижевск, 2004. – 552 с.
100. Казань в истории русской литературы: Сб. 2. – Казань, 1968.
101. Каримуллин А. Г. Татарская книга начала XX века. – Казань, 1974. – 319 с.
102. Каримуллин А. Г. У истоков татарской книги: От начала возникновения до 60-х годов XIX века. – Изд. 2-е, испр. и пер. – Казань, 1992.
103. Кельмаков В. К. Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние. – Ижевск, 2001.

104. Кировской областной типографии – 175 лет: (Сборник). – Киров, 1972. – 80 с.
105. К истории книжной культуры Южной Вятки: Полевые исследования / Под ред. А. А. Амосова и Р. Г. Пихои. – СПб., 1991. – 142 с.
106. Книга в России. 1861 – 1881: В 3 т. Т. 3 / А. В. Блюм и др. – М., 1991. – 256 с.
107. Ковалева М. М. Отечественная журналистика: Вопросы теории и истории. – Екатеринбург, 2000.
108. Коваль Д. В. Периодическая печать и молдавский литературный процесс XIX века. – Кишинев, 1987. – 271 с.
109. Кондратенко А. И. Очерки истории периодической печати Орловской губернии (1816 – 1928). – Орел, 2002. – 125 с.
110. Кондратьев Н. И. Начало журнальной прессы в Восточной Сибири (1885 – 1905). – Иркутск, 1985.
111. Коптелов Л. Е. Забайкальская печать. – Иркутск, 1984. – 64 с.
112. Корнилов А. А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче // В. А. Арцимович. – СПб., 1904.
113. Корнилов Е. А. Советская печать Дона и Северного Кавказа. 1917 – 1925. Историческая типология. – Ростов-на-Дону, 1984.
114. Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. – М., 1955.
115. Краткий исторический очерк Вятской Мариинской женской гимназии за 50 лет ее существования. 1859 – 1909 / Сост. Ф. Иванов. – Вятка, 1910. – 181 с.
116. Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 35 лет (1867 – 1902 гг.). Вып. 1. – Вятка, 1906.
117. Краткий очерк деятельности Вятского земства по народному образованию. За пятилетие 1896 – 1900 г. – Вятка, 1901.
118. Кузбеков Ф. Т. Башкирская журналистика. История и современность. – Уфа, 1998. – 116 с.

119. Кузбеков Ф. Т. Становление средств массовой информации Башкортостана и развитие этнической культуры башкир (XIX – 30-е гг. XX в.). – Уфа, 2001.
120. Культурная деятельность А. И. Герцена в провинции // Русская мысль, 1900. Кн. 2, февр. (Н. М – ва). – С. 1 – 13.
121. Курбакова Е. В. История казанской и нижегородской прессы 1811 – 1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. – Нижний Новгород, 2008. – 374 с.
122. Лапшина Г. С. Русская пореформенная печать 70 – 80-х годов XIX века. – М., 1985. – 130 с.
123. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М., 1971.
124. Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия («Эпоха цензурного террора»). – СПб., 1904. – 427 с.
125. Летенков Э. В. «Литературная промышленность» России конца XIX – нач. XX века. – Л., 1988. – 176 с.
126. Лепилкина О. И. Становление системы периодической печати на Ставрополье в XIX – начале XX вв. – Ставрополь, 2010. – С. 178.
127. Лепилкина О. И. Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.). – М., 2010. – 364 с.
128. Летописец старых лет: Памятник Вятской письменности XVII – XVIII века / Публ. А. С. Верещагина. – Вятка, 1905. – 98 с.
129. Литературно-эстетические концепции России конца XIX – начала XX в. / Отв. ред. Б. А. Бялик. – М., 1975.
130. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в. 1890 – 1904. Социал-демократические и общедемократические издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. – М., 1981.
131. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в. 1890 – 1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. – М., 1982. – 367 с.

132. Литературный Киров / Сост. В. В. Пластинин. – 2-е изд., испр. и доп. – Киров, 1982. – 128 с.
133. Лихачев Д. С. Записки о русском. – М., 1984.
134. Лихачев Н. П. Книгопечатание в Казани за первое пятидесятилетие существования в этом городе типографии. – СПб., 1895.
135. Луппов П. Н. Народное образование среди вотяков со времени первых известий о них до 1840-х годов. – Вятка, 1898.
136. Луппов П. Н. О первых вотских переводах источников христианского просвещения. – Казань, 1905.
137. Луппов П. Н. Вятская политическая ссылка. – М., 1933. – 208 с.
138. Луппов П. Н. История города Вятки. – Киров, 1958. – 238 с.
139. Луппов П. Н. О первых вотских переводах источников христианского просвещения. – Казань, 1905.
140. Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в.: Исследования. – Вятка, 1911.
141. Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. – Л., 1970 – 224 с.
142. Луппов С. П. Читатели изданий Московской типографии в середине XVII в. – Л., 1983.
143. Любимов Л. С. История сибирской печати. – Иркутск, 1972. – 78 с.
144. Мартынов И. Ф. Книга в русской провинции 1760 – 1790-х гг. Зарождение провинциальной книжной торговли // Книга в России до середины XIX в. – Л., 1978.
145. Материалы к вопросу об издании народной газеты // Труды императорского вольного экономического общества. – СПб., 1899. № 1, т. 1, кн. 1-я. – С. 19 – 108.
146. Махарадзе Н. А. Русская газета на Кавказе в 40 – 50-е годы XIX в: («Закавказский вестник» и «Кавказ» в 1845 – 1856 гг.). – Тбилиси, 1984. – 233 с.
147. Местная и национальная печать: вопросы истории, методологии (Сб. статей). – Ростов-на-Дону, 1983. – 123 с.

- 148.Методика изучения периодической печати: (Сб. статей). – М., 1977. – 109 с.
- 149.Методика исследования журналистики: (Сб. статей). – Ростов-на-Дону, 1981. – 135 с.
- 150.Мишанин Ю. А. Этнокультура мордвы в журналистике России XIX – начала XX века. – Саранск, 2001. – 168 с.
- 151.Мордовцев Д. Л. Печать в провинции // Дело. 1875. № 10.
- 152.Народное образование в Вятской губернии за последние десять лет (1864 – 1874 г.) – Вятка, 1875. – 111 с.
- 153.Николай Иванович Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае. – Казань, 1900.
- 154.Нович И. С. Молодой Герцен: Страницы жизни и творчества. – 2-е изд. – М., 1986. – 382 с.
- 155.Об исследованиях культуры удмуртского народа: (Сб. статей). – Ижевск, 1970. – 104 с.
- 156.Опыт издания народной газеты («Вятская газета» 1894 – 1898 гг.) // Труды императорского вольного экономического общества. – СПб., 1899. № 1. Т. 1, кн. 1-я. – С. 1 – 18.
- 157.Очерк просветительской деятельности Н. И. Ильминского. – СПб., 1904.
- 158.Очерки истории Кировской области. – Киров, 1972. – 455 с.
- 159.Очерки по истории русской журналистики и критики. – Л., 1950. Т. 1; Л., 1965. Т. 2.
- 160.Павлов В. А. Очерки истории журналистики Урала: В 2-х т. – Екатеринбург, 1995.
- 161.Панькова С. Н. Дмитрий Сенников – подвижник XIX века. – Киров, 1997.
- 162.Папырина А. А. Крестьянское движение в Вятской губернии в революцию 1905 – 1907 гг. – Киров, 1958. – 88 с.
- 163.Папырина А. А. Революционное движение в Вятской губернии в 1905 – 1907 гг. – Киров, 1975. – 151 с.

164. Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин. Репр. воспр. тестов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003 (Памятники культуры: Лингвистическое наследие).
165. Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003 (Памятники культуры: Лингвистическое наследие).
166. Петряев Е. Д. Люди, рукописи, книги: Литературные находки. – Киров, 1970. – 288 с.
167. Петряев Е. Д. Кировский литературный музей. – Киров, 1972. – 36 с.
168. Петряев Е. Д. Салтыков-Щедрин в Вятке. – Киров, 1975.
169. Петряев Е. Д. Записки книголюба. – Киров, 1978. – 279 с.
170. Петряев Е. Д. Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. – 2-е изд., доп. – Киров, 1981. – 288 с.
171. Петряев Е. Д. Живая память. – М., 1984. – 288 с.
172. Петряев Е. Д. Вятские книголюбцы. – Киров, 1986. – 223 с.
173. Писатели и Вятский край: (Сб. статей) / Отв. ред. И. А. Мохирев. – Киров, 1976. – 166 с.
174. Повесть о стране Вятской: Памятник Вятской письменности XVII – XVIII века / Публ. А. С. Верещагина. – Вятка, 1905. – 98 с.
175. Покупатели изданий Московской типографии в середине XVII века / Публ. документов и исследование С. П. Луппова. – Л., 1983. – 168 с.
176. Поливанова Н. Д. Материалы об открытии Вятской публичной библиотеки // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI – XIX веков. – Л., 1979. – С. 47 – 58.
177. Попов В. К. Большевистская печать в Удмуртии в годы первой русской революции 1905 – 1907 гг. // Записки УдНИИ, вып. 18. – С. 30 – 51. – Ижевск, 1957.
178. Потапов П. Ф. История мордовской журналистики (1917 – 1934). – Саранск, 1994.

179. Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы: (Сб. статей). – Устинов, 1986. – 136 с.
180. Пугачев В. В. Уфимская книжность. – Уфа, 2003. – 182 с.
181. Российская провинциальная частная газета: (Сб. статей) / Сост. Л. Е. Кройчик, под ред. Л. Е. Кройчика, Ю. Л. Мандрики. – Тюмень, 2004. – 431 с.
182. Просветительская миссия журналистики: К 300-летию русской печати: Сб. статей. Вып. 3 / Под ред. Г. В. Жиркова. – СПб., 2004. – 214 с.
183. Прохоров Е. П. Исследуя журналистику: Теоретические основы, методология, методика, техника работы исследователя СМИ. – М., 2006. – 202 с.
184. Прудкогляд Т. В. Листая пожелтевшие страницы... К истории периодической печати Дальнего Востока России, 1865 – 1917. – Владивосток, 2000.
185. Пугачев В. В. Уфимская книжность. Эволюция газетного, журнального, типографского и книжного дела. – Уфа, 2004. – 212 с.
186. Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 3. Ч. 2. – М., 1967.
187. Рассудовская Н. М. Издатель Ф. Ф. Павленков (1839 – 1900). Очерк жизни и деятельности. – М., 1960. – 107 с.
188. Революция 1905 – 1907 годов в Удмуртии: Материалы и документы. – Ижевск, 1956. – 140 с.
189. Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца): Материалы межд. научн. конф. В 2 т. Т. 2. – Киров, 1996. – 439 с.
190. Роот А. А. Герцен и традиции вольной русской прессы. – Казань, 2001. – 286 с.
191. Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX века: (Сб. научн. тр.) / Отв. ред. В. Б. Смирнов. – Пермь, 1977. – 99 с.
192. Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX века: (Сб. научн. тр.) / Отв. ред. В. Б. Смирнов. – Пермь, 1978. – 86 с.

- 193.Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX века: (Сб. научн. тр.) / Отв. ред. В. Б. Смирнов. – Пермь, 1980. – 95 с.
- 194.Русская литература и журналистика. 1905 – 1917 гг. Большевистские и общедемократические издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. – М., 1984. – 352 с.
- 195.Русская литература и журналистика. 1905 – 1917 гг. Буржуазно-модернистские издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. – М., 1984.
- 196.Русская литература конца XIX – начала XX в.: В 3-х кн. / Отв. ред. Б. А. Бялик. Кн. 1. – М., 1968; Кн. 2. – М., 1970; Кн. 3. – М., 1972.
- 197.Садырина Е. С. Октябрь в Вятской губернии. – Киров, 1957. – 243 с.
- 198.Самодержавие и печать в России. – СПб., 1906. – 80 с.
- 199.Севастьянов А. Н. Рост образованной аудитории как фактор развития книжного и журнального дела в России (1762 – 1800). – М., 1983. – 49 с.
- 200.Селивановский К. История Вятского Успенского Трифонова монастыря от его основания до настоящего времени. – Вятка, 1912.
- 201.Селивановский М. К. Столетие вятской губернской типографии. 1797 – 1897. – Вятка, 1898. – 66 с.
- 202.Семенников В. П. Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII и в начале XIX веков // Русский библиофил, 1911. № 6 – 8.
- 203.Сергеев В. Д. А. А. Красовский. – Киров, 1977. – 96 с.
- 204.Сергеев В. Д. Вятские «нигилисты»: Из истории разночинной интеллигенции Вятки. – Петропавловск-Камчатский, 1994.
- 205.Сергеев В. Д. Поборники просветительского служения: Из истории Вятки. – Киров, 2000.
- 206.Сергеев В. Д. Николай Аполлонович Чарушин: народник, общественный деятель, издатель, краевед. – Вятка (Киров), 2001.
- 207.Сергеев В. Д. Из истории вятских газет. 1838 – 1917. – Киров (Вятка), 2002. – 104 с.
- 208.Сказания русских летописцев о Вятке / Публ. А. А. Верещагина. – Вятка, 1905. – 122 с.

- 209.Сквирская Л. М. Краткий очерк истории журналистики на Дальнем Востоке в XIX – начале XX в. – Владивосток, 1971. – 45 с.
- 210.Слепцов В. Губернская пресса // Современник. 1865. № 9. – С. 41 – 53.
- 211.Слово о книге: Афоризмы, изречения, литературные цитаты. – 4-е изд., доп. / Сост., автор предисл. и введ. к главам Е. С. Лихтенштейн. – М., 1984. – 560 с.
- 212.Смирнов В. Б. Журналистика и литература. Методологические и историко-литературные проблемы. – Волгоград, 2005. – 360 с.
- 213.Смирнов С. В. Легальная печать в годы первой русской революции. – Л., 1981. – 192 с.
- 214.Смирнова Л. Л. Провинциальная периодика как источник материала для изучения литературной жизни Верхневолжья в XIX веке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Череповец, 1996.
- 215.Соболев В. А. А. И. Герцен в вятской ссылке: Исторический очерк. – Киров, 1962.
- 216.Собрание от Святого писания о антихристе и о последнем времени // Сб. правительств. сведений о раскольниках / Сост. В. Кельшев. – Лондон, 1861. Вып. 2. – С. 245 – 267.
- 217.Современные вопросы инородческого просвещения: (Сб. статей). – СПб., 1907. – 34 с.
- 218.Софийский И. М. О начальном образовании у вотяков и татар Ярославской волости Слободского уезда Вятской губернии и о названии «татары» // Календарь и памятная книжка вятской губернии на 1894 год. – Вятка, 1893. – С. 320 – 343.
- 219.Сочинения, принадлежащие к грамматике вятского языка. – СПб., 1775.
- 220.Спасский Н. А. Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. – Вятка, 1875.
- 221.Спасский С. В. Просветитель инородцев Казанского края Н. И. Ильминский. – Самара, 1910.

222. Спицын А. А. История Вятского главного народного училища: 1786 – 1811. – Вятка, 1891. – 79 с.
223. Становление и развитие местной печати России: Межвуз. сб. научн. тр. / Отв. ред. Г. В. Антюхин. – Воронеж, 1985. – 117 с.
224. Станько А. И. Русские газеты первой половины XIX века. – Ростов-на-Дону, 1969. – 202 с.
225. Станько А. И. Становление теоретических знаний о периодической печати в России (XVIII в. – 60-е гг. XIX в.). – Ростов-на-Дону, 1986. – 208 с.
226. Станько А. И. Журналистика Дона и Северного Кавказа: (Допролетарский период). – Ростов-на-Дону, 1990. – 122 с.
227. Столетие Вятской губернии: В 2-х тт.: (Сб. материалов к истории Вятского края). – Вятка, 1881.
228. Стрюченко И. Г. Печать Дальнего Востока накануне и в годы первой русской революции. – Владивосток, 1982. – 238 с.
229. Таказов В. Д. Периодическая печать Осетии. Дооктябрьский период. – Владикавказ, 1992.
230. Татаринова Л. Е. История русской литературы и журналистики XVIII века. – 2-е изд., – М., 1982. – 424 с.
231. Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века. – М., 1965.
232. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Вятская губерния. X. – СПб., 1903.
233. Тулупов Н. Книжные склады в России // Русская мысль, 1901. Кн. II.
234. Туринский М. Газета в провинции // Исторический вестник. 1912. № 4.
235. Ученова В. В. От вековых корней: Становление публицистики в русской культуре. – М., 1985. – 175 с.
236. Фролова Г. Д. Удмуртская книга: История книгопечатания. Современная книга. – Ижевск, 1982. – 232 с.
237. Фролова Г. Д. Просветители удмуртского народа: Очерки развития педагогической мысли. – Ижевск, 1996. – 223 с.

238. Черепанов М. С. Возникновение периодической печати в России. – М., 1956. – 301 с.
239. Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати 60 – 70-е годы XIX века. – Л., 1989. – 206 с.
240. Черняховский Г. С., Заболотский В. В. Из истории книгоиздательского дела в Кировской области. – Киров, 1964. – 64 с.
241. Чешихин-Ветринский В. Е. Памяти П. А. Голубева // Вестник Европы, 1875, май. Кн.5. – С. 423 – 425.
242. Чудова Г. Ф. В те далекие годы: (Очерки по истории краеведения Вятской губернии). – Киров, 1981. – 159 с.
243. Шадрин И. Бурса: Повесть из современной жизни духовных семинарий и духовенства. – СПб., 1913.
244. Шевцов В. В. Томские губернские ведомости (1857 – 1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. – Томск, 2012. – 417 с.
245. Щербакова Г. И. Просветительство как нравственный закон журналистики // СМИ в современном мире. Петербургские чтения: Материалы межвуз. научн.-практ. конф. – СПб., 2006. – С. 238 – 246.
246. Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX века. – Ижевск, 2001. – 434 с.
247. Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII – XVIII веков. – Киров, 1956. – 242 с.
248. Эммаусский А. В. История города Кирова: Краткий очерк. 1374 – 1974. – Киров, 1974. – 336 с.
249. Эммаусский А. В. История Вятского края в XII – середине XIX века. – Киров, 1996. – 272 с.
250. Энгельгард Н. А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703 – 1903). – СПб., 1904. – 389 с.
251. Юрьев В. П. Вятская старина: Материалы для истории Вятского края первой четверти XVIII в. – Вятка, 1885. – 175 с.

252. Юрьев В. П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II: Очерк из истории городского общественного управления. – Вятка, 1885. – 175 с.
253. Юрьев В. П. Вятка в рукописных памятниках русской старины. – Вятка, 1885. – 48 с.
254. Юрьев В. П. Народное образование в Вятской губернии в царствование императрицы Екатерины II: Материалы к истории вятской гимназии по поводу ее столетия (1786 – 1886). – Вятка, 1887. – 132 с.
255. Якимов О. Д. Очерки истории печати Якутии (от формирования предпосылок для возникновения печати до Февраля 1917 года): Вып. 1. – М., 1998; Вып. 2. – Новосибирск, 2003.
256. Яшин Д. А. Удмурт фольклор (на удм. яз.). – 2-е изд., испр. и доп. – Устинов, 1987. – 152 с.

III. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России. 1901 – 1916 гг.: В 4-х т., Л., 1958 – 1961.
2. Бережной А. Ф. Книги, брошюры, сборники по вопросам печати, радио и телевидения, опубликованные в СССР в 1964 – 1974 гг. – Л., 1975. – 68 с.
3. Бережной А. Ф. Книги, брошюры, сборники по вопросам печати, радио и телевидения, опубликованные в СССР в 1981 – 1985 гг.: Материалы к библиографии. – Л., 1990. – 46 с.
4. Вятка – Киров. 1374 – 1999: Указатель литературы / Сост. Т. В. Кузьмина. – Киров, 1997. – 178 с.
5. Город Киров: Справочник / Сост. Н. Г. Комаров. – Киров, 1959. – 166 с.
6. Деятели науки, техники и культуры Вятской губернии (Кировской области): Опыт алфавитного указателя / Сост. А. Л. Рашковский. – Киров-на-Вятке, 1995.

7. Дзюина К. Н. Удмуртская книга 1917 – 1974 гг.: Библиограф. каталог. – Ижевск, 1976. – 280 с.
8. Емельянов В. Д. Указатель исторических материалов, актов, грамот, статей и заметок, напечатанных в Трудах Вятской ученой архивной комиссии. – Вятка, 1910. Вып. 2. – С. 1 – 31.
9. Ильин Я. И. Рой книг. Собрание книг и статей об удмуртах (вотяках) областных и внеобластных (с 1762 до половины 1928 г.). – Ижевск, 1929. – 85 с.
10. Казанская периодическая печать XIX – начала XX века: Библиограф. указатель. – Казань, 1991. – 87 с.
11. Казанский В. Указатель статей, помещенных в неофициальной части «Вятских епархиальных ведомостей» за десятилетие с 1887 по 1896 год включительно. – Вятка, 1898. – 52 с.
12. Каталог Вятской губернской публичной библиотеки 1910 года. – Вятка, 1914.
13. Каталог газет и листовок, изданных Вятским комитетом РСДРП в 1905 – 1908 гг. (Фонды музея). – Киров, 1964. – 22 с.
14. Каталог книг, журналов и других изданий, находящихся при редакции «Вятских губернских ведомостей». – Вятка, 1888.
15. Каталог книг («пятирублевых» библиотек Вятского губернского земства). – Вятка, 1904.
16. Каталог книг публичной библиотеки Глазовского земства Вятской губернии. – Глазов, 1914.
17. Книги из первого существования библиотеки: Каталог (К 150-летию библиотеки им. А. И. Герцена) / Сост. К. М. Войхановская, С. А. Шихова. – Киров, 1987. – 123 с.
18. Кузнецов С. К. успехи этнологии в деле изучения финнов Поволжья за последние тридцать лет: Литература о вотяках до IV Археологического съезда в Казани (1877). Литература о вотяках после съезда // Этнографическое обозрение. 1910. № 1 – 2. – С. 77 – 113.

19. Левина С. С., Петрова Л. Н. Список необнаруженных русских нелегальных и запрещенных изданий XIX века, известных по печатным и архивным источникам. – М., 1975. – 130 с.
20. Летенков Э. В. Легальная печать России периода империализма (1895 – окт. 1917): Библиограф. указатель. – Л., 1982. – 26 с.
21. Лисовский Н. М. Русская периодическая печать. 1703 – 1900: Библиография и графические таблицы. – Пг., 1915.
22. Листовки Вятского большевистского комитета РСДРП. 1903 – 1917: (Сб. документов). – Киров, 1975. – 328 с.
23. Листовки трех революций 1905 – 1925: Каталог листовок, хранящихся в ЦГА УАССР. – Ижевск, 1990. – 71 с.
24. Межов В. И. Повременные издания в России в 1860-м и 1861-м годах. Материалы для истории русской журналистики. – СПб., 1861.
25. Мултановский Я. Указатель неофициального отдела «Вятских епархиальных ведомостей» за 16 лет (1897 – 1912). – Вятка, 1913. – 151 с.
26. Никольский Н. В. Статистические сведения о вотях за 1911 год с указанием литературы о них и изданий на вотском языке. – Казань, 1912. – 80 с.
27. Основные издания, отпечатанные в Кировской областной типографии (1837 – 1971). – Киров, 1972. – 49 с.
28. Памятники истории и культуры города Кирова: Справочник / Л. Б. Безверхова и др. – Горький, 1986. – 174 с.
29. Перечень изданий Вятского губернского земства (300 названий книг, брошюр, периодических изданий и карт, изданных губернским земством с 1870 по 1896 г.). – Вятка, 1896. – 15 с.
30. Писатели Удмуртии: Биобиблиограф. справочник. – Ижевск, 1989. – 464 с.
31. Путеводитель: ЦГА УАССР. – Ижевск, 1990. – 400 с.
32. Революция 1905 – 1907 гг. в Удмуртии: Материалы и документы. – Ижевск, 1956. – 140 с.

33. Русская периодическая печать. 1702 – 1894: Справочник / Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. – М., 1959. – 835 с.
34. Русская периодическая печать. 1895 – окт. 1917: Справочник. – М., 1957.
35. Русские дореволюционные газеты в фондах Библиотеки АН СССР. 1703 – 1911: Алфавитный каталог. Кн. 1 – 2. – Л., 1984.
36. Русские писатели. 1800 – 1917: Биограф. словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. – М., 1992. – 623 с.
37. Сергиев Н. Указатель статей, помещенных в духовно-литературном отделе «Вятских епархиальных ведомостей» с 1863 года (начала их издания) по 1886 год включительно. – Вятка, 1887. – 111 с.
38. Смирнов-Сокольский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII – XIX вв.: Библиограф. указатель. – М., 1965. – 592 с. – С. 329 – 330, 335 – 336.
39. Спицын А. А. Систематический указатель статей местного отдела неофициальной части «Вятских губернских ведомостей» (1838 – 1890). Вып. 1 – 2. – Вятка, 1890 – 1891.
40. Стрюченко И. Г. Периодическая печать Дальнего Востока и Забайкалья эпохи капитализма (1861 – 1917 гг.): Аннотиров. библиограф. указатель. – Владивосток. 1983. – 121 с.
41. Суворова А. В. Указатели местной периодической печати: (Обзоры изданий за 1848 – 1917 гг.) // Вопросы истории советской книги и библиографии. – М.; Л., 1978.
42. Удмуртская Республика: Энциклопедия / Гл. ред. В. В. Туганаев. – Ижевск, 2000; 2-е изд., доп. – 2008.
43. Удмурты: История, этнография, археология: Библиограф. указатель (1751 – 2000) / Сост. Е. А. Иванова, Л. Г. Кондратьева и др. – Ижевск, 2006. – 720 с.
44. Указатель распоряжений и постановлений правительства, напечатанных в «Вятских епархиальных ведомостях» за 10 лет издания их (с 1863 по 1873 г.). – Вятка, 1873. – 65 с.

45. Чарушин Н. А. Указатель статей и заметок, помещенных в «Вятском крае» – первой в Вятке частной газете (1895 – 1898). Вып. 1. – Вятка, 1926. – 72 с.
46. Чарушин Н. А. Указатель статей и заметок, помещенных в газетах «Вятская жизнь» и «Вятский край» (1905 – 1907 гг.). Вып. 2. – Вятка, 1928. Рукопись. Местный отдел Кировской областной библиотеки им. А. И. Герцена.
47. Чарушин Н. А. Указатель статей и заметок о Вятском крае, помещенных в столичных и некоторых провинциальных журналах – общих и специальных – имеющихся в Вятской публичной библиотеке им. Герцена (с 1812 по 1917 гг.). – Вятка, 1928. – 71 с.
48. Чудова Г. Ф. Указатель библиографических работ о Кировской области за 100 лет (1863 – 1963). – Киров, 1967. – 48 с.
49. Чудова Г. Ф., Колупаева В. Н. Указатель содержания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии». 1905 – 1917 гг. – Киров, 1993. – 114 с.
50. Шумихин В. Г., Кокурина С. П. Салтыков-Щедрин и Вятка: Библиограф. указатель (1848 – 1982). – Киров, 1985. – 152 с.
51. Энциклопедия земли Вятской: Откуда мы родом?: В 10 т. Т. 2, 4, 9. – Киров, 1994 – 1996.